

**ВКЛАД РЕПРЕССИРОВАННЫХ
В ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРА РОССИИ И ПРИУРАЛЬЯ**

Сыктывкар 2004

Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН
Коми отделение Академии военно-исторических наук

**ВКЛАД РЕПРЕССИРОВАННЫХ
В ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРА РОССИИ И ПРИУРАЛЬЯ**

*Материалы регионального научного симпозиума
(Сыктывкар, 19 октября 2001 г.)*

Сыктывкар
2004

Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 192 с.

В сборник включены доклады, сообщения и другие материалы регионального научного симпозиума, участники которого обсудили ряд важных научных вопросов, связанных с политическими репрессиями, осуществлявшимися на европейском Севере и Урале на протяжении XX столетия. Среди основных обсуждавшихся аспектов были такие проблемы: Репрессированные и заселение региона, репрессированное население и развитие промышленности, репрессии и сельское хозяйство региона.

Редакционная коллегия:

А.Ф.Сметанин (отв. редактор), И.Л.Жеребцов (зам. отв. редактора, составитель), М.В.Таскаев (отв. секретарь), А.А.Попов, А.Н.Турубанов, В.И.Чупров

Рецензент

кандидат исторических наук А.Д.Напалков

© Авторский коллектив, 2004

© Институт языка, литературы и
истории Коми НЦ УрО РАН, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже несколько лет мы живем в новом тысячелетии. Сегодня перед жителями новой России открываются новые перспективы. Но, устремляя взоры в будущее, мы не должны забывать и о нашем прошлом, о нашей истории, которая, увы, далеко не всегда и не во всем была ясной и безоблачной. Вспоминать об этом тяжело, но и забыть такое нельзя. Люди часто повторяют первую часть старой пословицы: “Кто старое помянет, тому глаз вон...”, но пропускают ее вторую, наверное, более важную половину: “...а кто старое забудет, тому оба долгой”. Помнить об участии наших соотечественников, подвергшихся незаконным репрессиям, нужно для того, чтобы не дать этой трагедии вновь повториться.

Но необходимо не просто помнить, но и изучать – изучать, сочетая в себе беспристрастность ученого, любовь патриота к своей родной земле и простое, но такое нужное человеческое сопереживание. Отраднo, что два года подряд Республика Коми, невольно ставшая одним из крупнейших островов зловещего “архипелага ГУЛАГ”, принимала на своей земле людей, которые смогли объединить в себе все эти качества. В 2000 г. в Сыктывкаре собирались на свой форум люди разных возрастов и специальностей: исследователи, репрессированные, общественные и политические деятели, педагоги, учащиеся... Все они единодушно признали, что такие встречи надо проводить регулярно.

19 октября 2001 г., во исполнение решения той конференции, в Сыктывкаре был проведен специальный научный симпозиум по одной из важнейших проблем, поставленных перед исследователями общественностью и органами власти Республики Коми: о вкладе репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья. Не случайно на обсуждение ученых была вынесена именно эта проблема: с конца двадцатых и до пятидесятых годов XX века десятки тысяч ссыльных, раскулаченных, спецпереселенцев, заключенных своими руками возводили города и поселки, прокладывали дороги, строили шахты и заводы, закладывая основы экономики и науки нашей республики.

Работа симпозиума шла по следующим основным научным направлениям: 1) Репрессированные и заселение региона; 2) Репрессированное население и развитие промышленности; 3) Репрессии и сельское хозяйство региона. Были заслушаны 10 основных докладов, а также выступления в дискуссии, участники симпозиума имели возможность ознакомиться с серией стендовых докладов, в которых конкретизировались различные аспекты крупных вопросов, раскрывавшихся основными докладчиками.

Работа симпозиума показала, что заинтересованные исследователи, представлявшие научные круги Архангельска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Кирова, Йошкар-Олы, Екатеринбурга, Вологды и Сыктывкара, легко находят общий язык и совместными усилиями способны выработать новые подходы и методы изучения ряда принципиальных научных проблем, на основе которых может получить дальнейшее развитие, в частности, та плодотворная деятельность, которая осуществляется в нашей республике в рамках республиканской программы памяти жертв политических репрессий "Покаяние" учеными Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук и Сыктывкарского государственного университета, краоведами Общества изучения Коми края, работниками республиканского фонда "Покаяние", активистами "Мемориала" в тесном сотрудничестве с органами государственной власти и местного самоуправления.

К сожалению, выход сборника надолго задержался в связи с тем, что фонд "Покаяние" испытывал значительные трудности с финансированием своей деятельности. Настоящее издание осуществлено Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук и Коми отделением Академии военно-исторических наук.

А. Ф. Сметанин,

к. и. н., доцент, академик Академии военно-исторических наук, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, председатель Коми отделения АВИН

И. Л. Жеребцов,

д. и. н., академик Академии военно-исторических наук, зам. директора по научным вопросам ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, ученый секретарь Коми отделения АВИН.

К.Н.Сануков
(Йошкар-Ола)

РЕПРЕССИИ 1930-х ГОДОВ В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯН И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ ТРУДА В ГУЛАГЕ

Репрессии Советского государства в отношении крестьян проводились с самого начала его существования, но особенно масштабными они стали с переходом к политике ускоренного строительства социалистической экономики. Для выполнения этой задачи не только проводилось выкачивание финансовых и материальных средств из села, но в широких масштабах стала проводиться насильственная переброска крестьян на "стройки социализма" в качестве дешевой (или даже бесплатной) рабочей силы.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождалась разнузданным администрированием, произволом и насилием в отношении жителей деревни, "раскулачиванием" и выселением из родных мест зажиточных крестьян. В Нижегородском крае, куда с 1929 по 1936 г. входили Чувашская АССР, Марийская и Удмуртская автономные области, усиленная работа в этом направлении началась в январе 1930 г. Юридическое оформление расправы над "кулаками" было оформлено постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля, по которому были запрещены аренда земли и использование наемного труда, тем самым зажиточные крестьяне лишались социально-экономической базы своего существования и высылались. Края, области, республики, районы получали разверстку по ликвидации "контрреволюционных элементов". По тогдашней официальной статистике "кулацкие" хозяйства составляли 2-5% (в разных регионах по-разному), а фактически было раскулачено 10-15-20%. Это значит, что большинство раскулаченных являлись середняками или даже бедняками, не желающими идти в колхозы (для них придумали слово "подкулачник").

После некоторого замешательства в связи со статьей И.В.Сталина "Головокружение от успехов" с весны 1931 г. началась новая волна репрессий против крестьян. На основе директив ЦК ВКП(б) руководящие органы Нижегородского края наметили планы высылки. При этом на территории самого края были выделены 2 северных района кулацкой высылки: Синегорский и Кайский – для организации "кулацких" поселков. Это не считая выселения в леспромхозы внутри Марийской и Удмуртской автономных областей и ряда округов края. Значительная (большая) часть раскулаченных выселялась за пределы региона – в Северный край (в том числе в Коми автономную область), в Сибирь, Казахстан.

В Кайском районе сосланные крестьяне работали не только на лесозаготовках, но и на фосфоритных рудниках, на строительстве дорог и т.д. Спецпоселки были рассчитаны на 100-200 семей, ссыльные крестьяне

жили в общих барачных помещениях по 30-40 человек. За изнурительный труд они получали (да и то нерегулярно) мизерную плату, но и на нее практически никаких продуктов нельзя было купить, потому что они, кроме водки, завозились нерегулярно. В этих поселках фактически отсутствовали школы, больницы.

Документы свидетельствуют, что раскулачивание и выселение были не просто наказанием за высокое социальное положение и благополучие, и не только мерой пресечения предполагаемого преступления, а в первую очередь преследовали цель трудовой эксплуатации репрессированных. Например, в инструкции президиума Нижегородского крайисполкома в марте 1931 г. указывалось: "Не допускается включение (в число выселяемых - К.С.) таких семейств, в которых при наличии большого количества малолетних детей и стариков нет достаточного количества трудоспособных членов. Примерно семья должна иметь не менее 50 процентов трудоспособного состава".

Многие из раскулаченных и высланных на небольшой срок вернулись в родные места в 1935-1937 гг. Землю, постройки, сельхозинвентарь, рабочую скотину и конфискованное имущество им не вернули. И они, лишенные экономической основы своего существования, были обречены на голод и нищету, на жизнь в землянках. Но и такой "жизни" скоро пришел конец. В разгар Большого Террора 1937 г. руководство Коммунистической партии и Советского правительства вспомнило о них и решило с ними расправиться окончательно. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об углублении и расширении репрессий, придав им плановый (в соответствии с законами социализма) характер. Было намечено проведение в масштабе всей страны крупной плановой операции "против кулаков, уголовников и прочих антисоветских элементов", так как "замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время в северные и сибирские регионы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности". Партийным комитетам и руководящим органам НКВД областей, краев, республик было предписано "взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них немедленно были арестованы и расстреляны, ...а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД".

Во исполнение этого решения нарком НКВД СССР Н.И.Ежов 30 июля издал под грифом "совершенно секретно" приказ № 00447, утвержденный на следующий день Политбюро. В нем выражалась озабоченность, что "материалами следствия по делам антисоветских формирований" установлено, что в сельской местности "осело значительное количество бывших

кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков". Нарком приказал: "Самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и наконец раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства. В соответствии с этим приказываю: с 5 августа 1937 года начать во всех республиках, краях и областях операцию по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников". Для операции устанавливался срок 4 месяца.

Если по другим "делам" в это время были репрессированы общественно-политические деятели, которые могли оказывать воздействие на общественную жизнь, и ведущие интеллигенты, влиявшие на умы и настроения людей, то по этому приказу уничтожались или отправлялись в лагеря обычные крестьяне (они составляли большинство), сельские учителя, церковники и другие "социально-опасные элементы".

Все местные органы НКВД получили плановые цифры на расстрел (первая категория) и отправку в лагеря (вторая категория). По этой разрядке в Марийской АССР необходимо было репрессировать 1800 человек, из них расстрелять 300, отправить в лагеря 1500 человек. Примерно такое же соотношение было и в других регионах. Например, в Горьковской области по первой категории – 1000, по второй – 3500 человек. Такое соотношение показывает, что большинство репрессированных крестьян не расстреливались, а отправлялись в лагеря, чтобы использовать их дармовой труд в ГУЛАГе.

Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля, утверждая этот приказ, обязал Совнарком выделить из резервного фонда на проведение этой операции 75 миллионов рублей, из них 25 миллионов на оплату железнодорожного тарифа. Репрессированных было решено использовать: "а) на ведущихся сейчас строительствах ГУЛАГа НКВД СССР; б) на строительстве новых лагерей в глубинных пунктах Казахстана; в) для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных". Для последней цели были выделены крупные лесные массивы на Севере и в Сибири, на организацию в них лагерей и проведение подготовительных работ было отпущено еще 10 млн. рублей.

Один из осужденных в это время (А.Е.Сидоркин) рассказывал, как эшелон репрессированных из Марийской АССР долго везли в "телячьих" вагонах на север, в Архангельской области завезли в дремучий лес, где рельсы кончались и выгрузили. Там на заснеженной поляне стояли только два домика для вооруженной охраны. "Врагам народа" сказали: "Вот вам топоры и пилы, а вон деревья: пилите, рубите и стройте себе жилье". И люди несколько дней валяли лес и строили барак, ночью зарывались в сугроб, прижимаясь один к другому...

Приказ № 00447 в Марийской республике был успешно выполнен и перевыполнен (11 сентября бюро обкома партии даже приняло постановление: "Просить ЦК ВКП(б) разрешить дополнительно репрессировать 500 человек"!). Начальник управления НКВД А.И.Карачаров на пленуме обкома ВКП(б) в апреле 1938 г. говорил: "В 1937 году провели огромную работу – нанесли сокрушительный удар по кулачеству, хорошо очистили республику от этих сил. С августа по январь изъято тысячи человек, это помимо буржуазно-националистической организации. Ликвидировали кулацкую силу, которая побывала в ссылках, была судима, сослана, вернулась и устроилась в колхозах. Что бы было, если бы ЦК партии не предусмотрел и не дал соответствующей директивы очиститься и если бы эти тысячи человек остались в деревне? Этот элемент изъят и сослан в лагерь. Проведена массовая операция".

Система ГУЛАГа охватывала всю страну. Внутри нее проводилось своеобразное перемещение населения. Из южных областей, краев, республик репрессированные отправлялись в среднюю полосу, например, в Марийскую АССР. А репрессированные здесь отправлялись на север (в Архангельскую область, Коми АССР и т.д.)

В Марийской АССР тогда проводилась усиленная вырубка леса, значительно превышавшая естественный прирост. И большинство лесозаготовительных предприятий были обеспечены дешевой рабочей силой с принудительным трудом заключенных. Например, летом 1940 г. в республику прибыло 2078 семей спецпереселенцев, 6027 человек. Их распределили по предприятиям Маритранлеса: в Волжский леспромхоз 848 семей, Юринский – 464, Моркинский – 265, Суслонгерский – 264, Йошкар-Олинский – 130, Липшинский – 107 семей. В каких трудных условиях они находились – об этом свидетельствует много документов. Например, обком партии, докладывая в ЦК ВКП(б) об устройстве спецпереселенцев в леспромхозах, вынужден был признать: спецпереселенцы "оказались крайне скучены в небольших бараках семей по 10 и больше, правда, кое-где эти бараки приспособлены, но в большинстве своем эти помещения на зиму не совсем пригодны, к тому же в помещениях масса клопов и тараканов... Среди спецпереселенцев есть безнадзорные дети и старики. Кто их будет кормить? Среди переселенцев много есть легко одетых и совсем раздетых, в одних рубашках... многие зимой могут замерзнуть... В снабжении кроме хлеба ничего нет... Большая часть спецпереселенцев в работу втягивается с большим скрипом. В Волжском леспромхозе спецпереселенцы устроили митинг, требуя улучшить условия жизни, вернуть их на родину и т.д. Комендатура НКВД растерялась, а когда комендант хотел арестовать двух человек, спецпереселенцы не дали. Есть отказы от работы, есть случаи побегов..."

В. И. Коротаев
(Архангельск)

ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

В отечественной истории нет специальных работ, исследующих вклад репрессированных в освоении окраинных территорий СССР. Этому мешали идеологические ограничения советской цензуры. Лишь с утратой КПСС монополии на единомыслие историки и краеведы обратились к освоению новой темы. В их работах пишется как о чем-то самоочевидном о неэффективности подневольного труда. В этом единодушны историки и писатели: Г.М.Иванова, А.И.Солженицин, Л.Э.Разгон и др. Само по себе это справедливо, но недостаточно для осмысления процесса освоения окраинных, в том числе северных, регионов СССР.

На наш взгляд, тема “Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья” проблематична в нескольких аспектах. Дореволюционные репрессированные существенно отличаются от советских репрессированных. Столь же существенна разница между вкладом в освоение Севера профессиональных революционеров, непреклонных в осуществлении своих идей, и вкладом временно очарованных народническими идеалами писателей, фольклористов, географов..., а с 30-х гг. XX в. – между политическими и уголовниками на новостройках индустриализации.

Наконец, само содержание понятия “освоение Севера” не лишено проблематичности. Ясно, что репрессированные до 1917 г. Н.И.Надеждин, Н.А.Энгельгардт и П.С.Ефименко и наши современники А.И.Солженицин, Д.М. Панин и Л.Э.Разгон причастны к освоению Севера. Также очевидно, что иным был вклад в этот процесс репрессированных профессоров П.В.Виттенбурга, П.П.Сушинского и Д.В.Соколова. Если вклад первых был опосредованным и в основном воплотился в научных и художественных произведениях, то вторые своей непосредственной деятельностью, в качестве теоретиков и практиков, способствовали освоению и эксплуатации полезных ископаемых о. Вайгач. Что же считать освоением Севера? Надо полагать, все что связано с исследованием его природно-климатических, экологических и экономических условий с жизнедеятельностью коренного населения и поселенцев, осваивающих Север в последнее время.

Соответственно данному пониманию проблемы освоения репрессированными Севера должна быть и методология ее исследования. Думается, что перспективной может стать идея диалога в качестве сквозного методологического принципа. В частности, ее конкретизацией является сотрудничество политических и уголовников в освоении полезных ископаемых о. Вайгач. Далее идея диалога проявляется в таком историческом процессе,

как догоняющая модернизация. Ее смысл заключается в том, что, с одной стороны, Россия рассматривалась ее правящими кругами, как периферия Запада, у которого некритически (в ущерб собственному опыту) заимствовались наука, техника и технология, а с другой, окраины России, в свою очередь, являлись аналогичной периферией для имперского центра.

По мнению ведущих ученых, сегодня важнейшее значение в исследовании приобретают социальное, политическое, экономическое и экологическое измерения в их взаимосвязи, на базе которых осуществимо устойчивое развитие общества и государства. В этом контексте без экологического измерения исследование процесса освоения Севера не может считаться достаточным, так как здесь на душу населения приходится меньше света, тепла, энергии и органического вещества, чем в центре России [1]. Социальное же измерение обязывает исследователя обращать внимания на наличие или отсутствие программы адаптации поселенцев к природе Севера. Таковы методология и обусловленная ею технология исследования истории освоения Севера репрессированными.

В данной статье исследуется проблема освоения европейского Севера России советским репрессированным на основе рассекреченных в 1993-1995 гг. материалов ГАОПДФАО, ИЦУВДАО и ГААО, в своем большинстве впервые вводимых в научный оборот.

Идея освоения европейского Севера к концу XIX в. все больше привлекала внимание северной интеллигенции и администрации и получила государственную поддержку в начале XX в. Ее суть сводилась к хозяйственному освоению Севера, прежде всего предприимчивыми колонистами, и превращению его в процветающий край, на основе догоняющей модернизации. К 1917 г. колонизация частично удалась в Архангельской губ. – на Мурмане, а Вологодской губ. – в специальном переселенческом в Опарино-Моломском районе. В целом ее результаты были незначительными.

Новый этап освоения Севера пришелся на годы индустриализации и осуществлялся в духе сталинской догоняющей модернизации, но на сей раз не столько добровольно, сколько принудительно, на основе труда репрессированных. Все сколько-нибудь значимые новостройки 30-х гг. начинались главным образом трудом невольников ГУЛАГа: в Вайгачской Экспедиции ОГПУ – 94,3% (1930 г.), на строительстве № 203 НКВД – 88% (1939 г.), на Архбумкомбинате – 93,4% (1939 г.) [2]. Этот этап начинался с раскулачивания и высылки “кулаков” и сопровождался резким падением уровня жизни и на их основе – антропологическим и экологическим кризисами. Экстремальная ситуация в освоении Севера сохранялась на протяжении почти четверти века, так как с каждым массовым притоком спецконтингента ситуация заметно ухудшалась, а периоды нормализации уровня жизни репрессированных были слишком короткими, чтобы заметно сказаться на их здоровье и работоспособности.

31 января 1930 г. Северный крайком ВКП(б) (далее – крайком) утвердил “План расселения кулачества в Северном крае”, которым предполагалось освоить “наименее обжитые районы” и заведомо “худшие земли”. Как явствует из него и “Докладной записки (крайкома – В.К.) по вопросу о размещении и устройстве кулацких переселенцев в Северном крае” (1930), под освоением края понималась, “колонизация неосвоенных земель”, причем преимущественно промышленного характера, а “поселенцы должны рассматриваться как кадры для форсирования лесозаготовок” [3].

Уже 1 марта 1930 г. Северному краю была определена задача – “строительство йодной промышленности” на островах побережья Белого моря. Планировалось построить семь заводов. В качестве “даровой” рабочей силы было предписано использовать “поселенцев – кулаков”, причем из “южных жителей”, а не “жители приморья”, на чем настаивал краевой совнархоз (см. дальше – КСНХ) [4]. А месяц спустя крайком решил отправить “кулаков” в северо-восточные края. Кроме того, он в тот же день (11 апреля 1930 г.) принял специальное постановление “О заселении Печеры”, нацеленное на освоение печорских углей и развитие рыбо-звериных промыслов [5]. Ставка была сделана на эксплуатацию северных и южных спецпереселенцев. При этом в постановлении ни слова о программе адаптации южан к новым для них условиям жизни и труда. Заметим, что интересы КСНХ и ГУЛАГа совпадали лишь частично: в стремлении использовать “даровую” силу репрессированных. Экономические же вопросы и проблема обустройства переселенцев считались ГУЛАГом легко решаемыми.

Некоторое время спустя колоссальные трудности осуществления принудительной колонизации отрезвляюще подействовали на власти. В 1932 г. ОГПУ опубликовал “Временное положение о колонизационных поселках исправительно-трудовых лагерей ОГПУ” (см. дальше – ИТЛ), смысл которого заключается в том, чтобы поселки находились под контролем ИТЛ, а репрессированные обрели бы статус полузаклученных, полусвободных. В состав населения поселков могли входить и свободные (родственники бывших заключенных). Причем и те и другие должны были подчиняться коменданту “в части соблюдения внутреннего распорядка поселка” [6]. Руководствуясь Временным положением Ненецким окружком ВКП (б) в течение полугода принял два постановления, ориентированные на создание поселков на побережье Северного Ледовитого океана из “отбывших сроки” заключенных в Вайгачской Экспедиции ОГПУ и концлагерях, без права покидать их по своей воле. При этом предполагалось комплектовать население поселков в том числе и из добровольцев “по линии оргнабора” [7]. Тем самым все три категории жителей поселков оказывались в статусе полусвободных связанных круговой порукой.

Таким образом, новый этап в освоении Севера изначально оказался малопродуктивным именно потому, что основывался на принуждении

репрессированных к напряженному труду, да еще при крайне низком уровне их жизни и игнорировании властями проблемы адаптации южан к Северу. Отсюда неизбежность некоторого ослабления репрессивного режима, в основном формального характера.

А теперь рассмотрим на примере Вайгачской Экспедиции ОГПУ (см. дальше Экспедиция) вклад репрессированных в освоение Заполярья. Условия жизни и труда на острове Вайгач были суровее, чем на материке. Сюда все необходимое для жизнедеятельности островитян нужно было завозить в основном из Архангельска в короткую летнюю навигацию. Экспедиция была создана для геологических изысканий и эксплуатации свинцово-цинкового месторождения. Организационно она оформилась в качестве ИТЛ весной 1930 г.

Численность заключенных здесь колебалась, порой весьма значительно. Так, 1 июля 1932 г. в Экспедиции числилось 735 чел. Тогда же прибыло 733 чел., а убыло 408 чел. [8]. Очевидно, что в условиях нестабильности количественного состава работников было весьма сложно наладить бесперебойную нормальную работу: каждую новую партию заключенных приходилось обучать горнозаводским профессиям.

1 июля 1933 г. из 783 заключенных (для сравнения: 20 октября 1933 г. было 1674 чел.) 60 составляли "актив"; т.е. помощники руководства Экспедиции. Из этих 60 чел. 44 были осуждены по статье 58 УК РСФСР (политические). В "большинстве своем" они работали в качестве "руководителей отдельных производственных единиц и частей Экспедиции". По агентурным данным "актив" вел себя лояльно и не нуждался "в заведении отдельных агентурных разработок" [9]. В группе "активистов" были три профессора: П.В.Виттенбург, бывший профессор кафедры геологии при АН СССР, осужденный по статье 58-14 УК РСФСР к расстрелу с заменой заключением в ИТЛ на срок 10 лет (начало срока с 6 сентября 1930 г.), П.П.Сущинский, бывший ректор Донецкого политехнического института, минералог, осужденный по статье 58-7 на срок 10 лет ИТЛ (начало срока с 6 января 1931 г.) и мерзлотовед Д.В.Соколов (первое упоминание в архивных делах Экспедиции – с 1934 г.). Уважение к их профессиональным и человеческим качествам запечатлено в приказах начальника Экспедиции, в которых они иногда называются просто профессорами, без добавления "заключенный". Их заслуги неоднократно отличались благодарностями и премиями. Особо выделялся П.В.Виттенбург, начальник геологической части Экспедиции. В 1933 г. часть "активистов" из геологов, инженеров и техников получила возможность учредить инженерно-техническую секцию (см. дальше – ИТС), которая, стала интеллектуальным штабом при начальнике Экспедиции, поскольку в ее ведении были производственные и научно-исследовательские вопросы Экспедиции. На заседаниях ИТС, кроме того, определялись ударники из своей среды. Последнее давало право питаться

из “ударного котла”. Так, 9 января 1934 г. ИТС “выделил” 6 ударников, в том числе и профессоров [10].

Следовательно, островное положение и необходимость выполнять производственный план позволяло его начальнику созвать и поддерживать льготный режим для ведущих специалистов из репрессированных, главным образом политических. А те, в свою очередь, были заинтересованы в работе по своей специальности, поэтому трудились так же, как это делали на материке в особых конструкторских бюро специалисты их круга. Вклад геологических партий в освоении о-ва Вайгача, в которые помимо геолога и его помощника входили 3-4 рабочих и 1-2 надзирателя, оценивался ниже вклада ИТС, но несомненно, чем рабочих на руднике. Дело в том, что руководить малой группой авторитетному руководителю, например, Т.В.Виттенбургу, было значительно легче, чем многолюдным рудником.

Похожим на ИТС из репрессированных Вайгачской Экспедиции ОГПУ был 20-й отдел завода № 402 НКВД, который именовался в системе ГУЛАГа “Спецбюро 4-го Спецотдела НКВД”. В него в 1939 г. были собраны ведущие специалисты судостроительной промышленности, осужденные по статье 58-й. Они должны были консультировать первые шаги военного кораблестроения на Севере [11]. Один из них, С.К.Бондаревский, на вопрос, “что их вдохновляло к творчеству, бескорыстному труду, забывая о своем бесправии” пишет: “...привычка к повседневному творческому труду, душевная удовлетворенность от сделанного” [12]. По-видимому, это вполне искреннее признание, хотя бы потому, что он и его коллеги задолго до 1917 г. связали свою судьбу с судьбой советского государства и занимали высокое положение в обществе до ареста.

Вместе с ними делали общее дело тысячи таких же, как они, заключенных строительства № 203 и завода № 402 НКВД, каждый вкладывая в гигант судостроения свою волю участия. Они жили и работали в экстремальных условиях, по ходу дела приобретая профессии, в соответствии с потребностями производства, поэтому от них нельзя было ждать творчества на уровне интеллектуалов 20-го отдела. Голод, скверная пища, работа по 10-12 часов “без питания”, массовая заболеваемость, в том числе инфекционная, не способствовали творчеству не только заключенных, но и вольнонаемных. Поэтому начальник строительства № 203 Б.Кронов на заседании Архангельского обкома ВКП(б) 11 августа 1939 г. не преувеличивал, говоря: “У людей нет желания понимать трудности и их ликвидировать” [13]. Естественно, что вольнонаемные трудились значительно лучше, чем заключенные. Об этом свидетельствует выступление начальника политотдела строительства № 203 на заседании Архангельского бюро обкома ВКП(б) 24 апреля 1941 г., в котором говорится, что вольнонаемные рабочие в 1940 г. “дали в среднем выработку 176%”, а заключенные – 102% [14].

Проблема эффективности усилий по освоению Севера репрессированными в 30-50-х гг. оставалась трудноразрешимой. Уже было отмечено, что в 1932 г. власти пошли на издание колонизационных поселков, рассчитывая при этом и на воспитательный эффект сотрудничества бывших невольников ГУЛАГа и свободных. Результаты этого сотрудничества были незначительными. В поисках способа повышения инициативы репрессированных в освоении Севера власти опробовали и другие методы, в том числе в организации взаимоотношений между ведомствами и в управленческом процессе.

15 июля 1934 г. Наркомат лесной промышленности СССР (см. дальше – Наркомлес) и ГУЛАГ НКВД подписали “генеральное соглашение” о передаче Наркомлесу “контингента спецпереселенцев” на которых распространялись бы нормативы “для постоянного кадра рабочих лесной промышленности из вольного населения” [15]. Соглашение предусматривало разделение труда между этими ведомствами: хозяйственная работа репрессированных – в ведение Наркомлеса, а их “обслуживание” в спецпоселках – в ведение ГУЛАГа. Но и оно оказалось малодейственным, потому что ведомства продолжали вмешиваться в дела друг друга, порой доводя вмешательство до конфликта. Так, в 1938 г. возникла конфликтная ситуация между ними по поводу возможной переброски (по инициативе Наркомлеса) трудопоселенцев из Устькуломского района в Сысольский и Сторожевский районы Коми АССР, а в 1940 г. – между Каргопольлагом и трестом “Онеголес”: по поводу передачи лесных массивов и предприятий Каргопольлага тресту.

Поиск способов повышения эффективности труда репрессированных шел и путем делегирования им ответственности в управлении службами и предприятиями ГУЛАГа. Первоначальные упования на воспитательную роль труда на предприятиях ГУЛАГа и на патриотизм советских людей, которые якобы будут охотно наниматься вольнонаемным на административные должности и бойцами военизированной охраны в системе ГУЛАГа, не вполне оправдывались. Да и сама индустриализация остро нуждалась в квалифицированных кадрах. Неудивительно, 16 января 1930 г. крайком обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой о мобилизации из промышленных центров для укрепления Северного края 100 человек, из них не менее 20 крупных хозяйственников. Но даже партийная мобилизация не дала потребного числа специалистов. Пришлось прибегнуть к услугам репрессированных.

26 января 1931 г. руководство ГУЛАГа разрешило привлекать на “низшие административные должности и в качестве стрелков военизированной охраны” заключенных (бытовиков и бывших советских партийных работников) [16]. Впрочем, данное решение лишь санкционировало то, что уже делалось в “зоне” и вне ее. Не хватало квалифицированных рабочих на лесопильных заводах, работающих на экспорт. Их директора правдами и

неправдами старались подготовить из грамотных и инициативных переселенцев, занятых на подсобных работах, квалифицированных рабочих. И вновь ГУЛАГ вынужден был пойти на уступки: 25 августа 1933 г. директора лесозаводов получили право “возбуждать перед ПП ОГПУ ходатайства об амнистировании” квалифицированных рабочих из переселенцев [17]. Тем самым тайное стало явным, легализованным.

Лагерная администрация нередко формировалась из политических, а не бытовиков и уголовников, потому что среди первых было значительно больше лиц со средним и высшим образованием, без которых ГУЛАГ не мог обойтись, т.е. не только без ученых конструкторов, руководителей отделов и т.п., но и без техников, бригадиров, нормировщиков и т.п. Об этом убедительно написал Л.Э.Разгон и свидетельствуют архивные материалы, в частности, постановление Архангельского бюро обкома ВКП(б) от 12 февраля 1941 г., в котором анализируется работа Онежского Каргопольского ИТЛ: “лагерная администрация, десятичники, бригадиры, завхозы и кухонные работники – в основном подобраны из заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления” [18]. Но поскольку руководители ИТЛ не должны были доверять этой категории заключенных, за ними (и за бытовиками и уголовниками) присматривали секретные осведомители. В той же Вайгачской Экспедиции ОГПУ, где отношение к ИТС и профессором было благожелательным, из рапорта начальника III отдела (3 марта 1933 г.) начальнику Экспедиции узнаем, что он ходатайствует о снятии судимости с 9 осужденных – секретных осведомителей III отдела (один из них политический) [19].

В результате уже в первой половине 30-х гг. сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, была легализована существовавшая практика использования репрессированных на должностях и работах, требовавших специальных знаний, а с другой, возникла возможность их перевода в вольнонаемные (амнистированные). И то и другое стало реальностью в условиях кризиса экономики и правового произвола. Парадокс и в том, что репрессированные и свободные оказались взаимосвязаны и взаимозависимы, что неблагоприятно влияло на освоение Севера, так как одни сдерживали себя или не хотели выполнять производственные задания ГУЛАГа и специализированных наркоматов, типа Наркомлес, а другие не могли в полной мере реализовать свои способности и призвание (профессора Вайгачской Экспедиции и кораблестроители 20-го отдела НКВД).

В этих условиях многие инициативы властей были малорезультативны. Одна из них – “зачеты”. Например, заключенным Экспедиции выполнявшим “трудовые нормы”, 1 рабочий день приравнивался 2 дням “срока”. Но этот стимул, и движение ударничества и изобретательства могли лишь на время подвинуть на стабильное выполнение, даже некоторое перевыполнение производственных норм. В той же Экспедиции в марте 1934 г. заключенные убили несколько ударников. Центральный штаб ударничества

и соревнования активизировал свою деятельность. 1 мая состоялся слет ударников. В тот же день начальник Экспедиции А.Ф. Дицкалн опубликовал приказ № 4 по ВОХРу, в котором обязывал бойцов военизированной охраны охранять и рабочих-ударников. Прошло почти три месяца. 29 июля в приказе № 9 по Экспедиции читаем: "Ударничество и соревнование проводятся больше формально, чем по существу" [20]. Таким образом, иницируемые руководителями и "активом" ИТЛ мероприятия не встречали поддержки большинства репрессированных. Прав Л.Э Разгон: "Несправедливость (по отношению к репрессированным – В. К.) уничтожает всякое чувство ответственности и любые обязательства" [21]. Поэтому закономерно, что после смерти Сталина начался постепенный отход от принудительной колонизации Севера. А все созданное почти за четверть века: населенные пункты, рудники, шахты, заводы и т.п., – после некоторой их перестройки, были затем использованы для последующего развития в новых, более благоприятных условиях.

Из всего этого следует, что заявленная тема "Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья" – серьезная научная проблема, решение которой – ключ (или один из ключей) к осмыслению истории СССР 30-50-х гг.

Литература и источники

1. Крючков В. В. Север на грани тысячелетий. – М., 1987. – С. 17-18.
2. Информационный центр управление внутренних дел Архангельской области (ИЦУВДАО). Ф. 39, оп. 5, д. 2, л. 1, 3; Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФАО). Ф. 296, оп. 1, д. 505, л. 15; д. 506, л. 1. Вычислено мною. – В. К.
3. ГАОПДФАО. Ф. 290, оп. 1, д. 378, л. 11; д. 380, л. 54; д. 379, л. 5. Вычислено мною. – В. К.
4. ГАОО. Ф. 603, оп. 2, д. 14, л. 3, 5, 22.
5. Там же. Л. 40.
6. ИЦУВДАО. Ф. 39, оп. 1, д. 5, л. 38.
7. ГАОПДФАО. Ф. 290, оп. 1, д. 1441, л. 81-82.
8. ИЦУВДАО. Ф. 39, оп. 5, д. 1, л. 1-85; оп. 3, д. 3, л. 34-37. Вычислено мною. – В. К.
9. Там же. Оп. 4, д. 16, л. 3, 5.
10. Там же. Оп. 6, д. 38, л. 10.
11. Шмигельский Л. "Спецбюро НКВД" // Северодвинск. Испытание на прочность. – Северодвинск, 1998. – С. 219.
12. Бондаревский С. Двадцатый отдел // Там же. – С. 231.
13. ГАОПДФАО. Ф. 296, оп. 1, д. 506, л. 50.
14. Там же. Д. 918, л. 22.
15. ГАОО. Ф. 2239, оп. 1, д. 11, л. 34.
16. ИЦУВДАО. Ф. 39, оп. 1, д. 6, л. 6.

17. ГААО. Ф. 468, оп. 4, д. 8, л. 57.
18. ГАОПДФАО. Ф. 296, оп. 1, д. 919, л. 4.
19. ИЦУВДАО. Ф. 39, оп. 4, д. 16, л. 54.
20. Там же. Оп. 6, д. 2, л. 17; д. 16, л. 9.
21. Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказов. – М., 1991. – С. 135.

Р.А.Ханталин
(Архангельск)

РОЛЬ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ПОМОРЬЯ (1930-1954 гг.)

Поморье издавна было местом политической ссылки противников государственной власти. Политических противников обвиняли в “государственных преступлениях” и этапами направляли сюда, особенно активно – в XV – начале XX в. С конца 50-х гг. XVI в. до самого конца XIX в. действовала государственная политическая тюрьма в Соловецком монастыре. В XIX в. ссылка революционных противников царского самодержавия применялась особенно широко. Сюда высылались декабристы, участники польских освободительных восстаний 1830-1831 и 1863 гг., в ссылке находились многие видные деятели землевольческого и народовольческого движения. С середины 90-х гг. ссылка принимает “марксистский” характер: передовые русские рабочие и интеллигенты наполнили тюрьмы и места ссылки, среди ссыльных третью часть составляли рабочие, здесь находились многие социал-демократические лидеры. Стремительно возрастало число политссыльных после революционных событий 1905-1907 гг. Оказались здесь И.В.Сталин, В.А.Шелгунов, К.Е.Ворошилов, А.И.Рыков, Н.И.Бухарин, Г.И.Ломов-Оппоков, А.С.Енукидзе и др. [1].

Ссыльные отбывали наказания, но их не использовали в развитии производительных сил европейского Севера, Поморья. Использование подневольного труда началось при советской власти, с кампании по водворению в наш край спецпереселенцев – зажиточных крестьян из средней полосы России, Северного Кавказа и многих областей Белоруссии, Украины. Уже в феврале 1930-1931 гг. в Северном крае было рассредоточено до 59 тысяч семей, всего 288 560 чел. [2]. О них наш рассказ впереди.

Наш регион, удаленный от центра страны, с огромными пространствами, богатыми лесом, рыбой и полезными ископаемыми, был привлекателен для властей страны как источник сырьевых ресурсов. На эту привлекательность обращали их внимание наши местные органы власти, их руководители ежегодно отправляли в Москву петиции с предложениями об усилении использования трудовых ресурсов для развития производительных сил края, страны. Благие планы обернулись трагедией для сотен

тысяч сограждан, многие из которых нашли здесь свой последний приют. При условии размещения в Поморье огромных масс спецпереселенцев и заключенных, И.В.Сталиным достигалась важнейшая цель – не только развитие производительных сил края, но ... и истребление так называемых “врагов народа”, а также сокрытие тайн массового геноцида по отношению к значительной части наиболее трудолюбивого населения нашей огромной страны. На необъятных пространствах и в труднодоступных местностях легко было сохранять до поры до времени тайны массового террора, развернутого И.В.Сталиным и его окружением в СССР. Тоталитарный политический режим приобрел криминальный характер. Принятие в 1929 г. плана индустриализации страны ускорило развитие ГУЛАГа.

Ведущими принципами сталинской репрессивной политики в Поморье, как и во всей стране, были подавление человека, пренебрежение к тем, кто не согласен с официальной политикой, практическое осуществление принципа “человек человеку – зверь”, идеологическое оболванивание огромных масс народа, духовное разложение, а также физическое уничтожение инакомыслящих и непокорных. Истоки политики ГУЛАГа на Севере находим в Холмогорском и Пертоминском, в Архангельском и Соловецком лагерях. Для управления и оперативного руководства было создано Управление северных лагерей. В 1931 г. Управление северных лагерей было переведено в Кемь, а лагеря после реорганизации были размещены на Соловках (СЛОИ). В 1929 г. были организованы Ухтинская, а в 1930 г. – Вайгачская экспедиции ОГПУ. Активно распространяется “опыт работы” СЛОИ. Деятельность СЛОИ была признана руководством ОГПУ как “крупный фактор в экономическом и культурном развитии Севера” [3].

В документах ОГПУ отмечался положительный итог в использовании труда 57 тысяч заключенных в эксплуатации богатств и производственных возможностей Соловецких островов и Севера. “Использование рабочей силы заключенных на лесозаготовительных, дорожных и других работах по договорам подрядного характера с госпредприятиями, нуждавшимся в рабочих руках, помимо первоначальной цели – занять заключенных работой – получило большое самостоятельное значение в развитии хозяйственной деятельности УСЛОИа” [4].

Руководители партийных и советских органов Северного края усиленно добивались колонизации вверенных им территорий. И первый опыт деятельности УСЛОИа, как им казалось, свидетельствовал о широких возможностях системы лагерей в общегосударственном масштабе. Вот почему С.А.Бергавинов, в 1927-1931 гг. первый секретарь Севкрайкома партии, горячо поддерживал политику водворения на территории края спецпереселенцев (так называемых кулаков). В то время мало кто задумывался о жестоких последствиях деятельности ОГПУ и ГУЛАГа на территории края.

В.И.Иванов и Д.А.Конторин, возглавлявшие впоследствии парторганизацию Северного края, А.Ф.Никаноров, возглавивший партийную организацию Архангельской области, всегда горячо приветствовали расширение системы спецпоселков и лагерей.

В 1937 г. на территории Поморья с благословения местных партийных и советских руководителей создаются отдельные лагерные пункты (ОЛП), которые широко заполнили всю Архангельскую область. В создании ОЛП особенно активное участие принимал первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) А.Ф.Никаноров, руководивший им в 1937 – начале 1939 г. Александр Филиппович забивал первые колышки на местах строительства будущих истребительных лагерей, имеющих зловещие названия: Кулойлаг, Каргопольлаг, Онеглаг, Ягринлаг, Севжелдорлаг и др. ОЛП были созданы даже на острове Вайгач, в Амдерме и ряде других мест. Всего к концу 1938 г. в области было сосредоточено более 150 тысяч заключенных [5].

Знаменателен 1937 год. Первый год страна живет на основе новой – сталинской Конституции, провозгласившей главной целью построение в СССР социализма. Пропагандистский аппарат, используя свою мощь, вещал о преимуществах нового строя перед капитализмом, о достижениях и победах, о свободе и равенстве. И, казалось бы, все эти успехи должны в значительной степени способствовать росту количества его друзей, сторонников. События же развивались в противоположном направлении. Вопреки здравой логике, но согласуясь с теорией И.В.Сталина, газеты много писали об успехах социалистического строительства и о великом множестве врагов советской власти, собирающих свои силы для восстановления капитализма. А в тайге тут и там поднимались сотни средних и маленьких островов и островков ГУЛАГа. По районам шли и шли этапные колонны заключенных, они размещались в палатках и сараях, в шалашах и бараках с многоэтажными нарами. Наведению порядка среди заключенных использовались карцеры, штрафные бараки, штрафные изоляторы, овощехранилища, подвалы...

В связи с критическими публикациями в западных средствах массовой информации об использовании труда подневольных людей, председатель СНК СССР Молотов, выступая на VI съезде Советов СССР, утверждал, что принудительный труд в нашей стране не используется ни в лесной, ни в любой другой отрасли народного хозяйства. С.А.Бергавинов, первый секретарь Севкрайкома партии, проклинал капиталистов, которые “подняли вой против новых форм организации труда в СССР и общественной повинности...” Он призвал дать “боевой ответ на угрозы из лагеря империализма...” [6].

Руководящие деятели ВКП(б) и советских органов власти утверждали, что труд заключенных должен активно использоваться и впредь, поскольку он приносит исключительную пользу обществу и способствует

перевоспитанию даже матерых преступников. Не этим ли объясняется тот факт, что если в 1928 г. в северных лагерях СССР содержалось 30 000 заключенных, а в 1930 г. – уже 662 257 чел.! [7].

Органы ОГПУ (НКВД), суды и трибуналы, “тройки” и коллегии осуществляли суд и расправу во всех городах и районах: в Архангельской области в период с 1937 по 1941 г. фабриковались “дела”, велись процессы над рабочими, служащими, над интеллигенцией. В Архангельске и районах области были запланированы и проведены процессы против специалистов Холмогорского племсовхоза, против руководящих работников лесозаготовительной промышленности, против иностранных граждан... По разнарядкам, данным из столицы, выявлялись “враги народа” в потребном количестве. Часть осужденных подвергалась расстрелу, остальных – по этапам отправляли в лагеря. На основе Уголовного кодекса и нормативных актов ОГПУ-НКВД постоянно расширялся круг наказуемых деяний. В области формировались новые и новые лагерные комплексы. Не пустовали камеры тюрем, не истощались лагерные этапы: черные колонны людей с котомками шествовали через города, деревни, через леса и болота к новому месту проживания.

Все вопросы решались по-военному, стремительно. Вот пример. НКВД СССР в июле 1937 г. разрабатывает оперативный приказ № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов”, а 2 августа подобный приказ издает Бак, начальник УНКВД СССР по Северной области. В августе за подписью Ежова появляются приказы об организации 12 лесозаготовительных лагерей, в том числе трех в Северной области: Каргопольлаг, Кулойлаг, Онеглаг. И первые два лагеря возникли уже в сентябре-октябре 1937 г., а Онежский исправительно-трудовой лагерь – весной 1938 г. К началу 1939 г. в СССР действовало 42 лагеря, в 1940 г. – более 70, из них каждый седьмой был в Архангельской области.

Кулойский исправительно-трудовой лагерь действовал на территории области в 1930-1950-е гг. Работы по созданию Кулойлага начались в сентябре 1937 г. Основой производственной деятельности нового подразделения в системе ГУЛАГа СССР были предусмотрены лесозаготовки. По решению обкома партии и облисполкома трест Двинолес передал ему два лесозаготовительных района: Верхнекулойский и Лодемский, где до этого времени осуществляли лесозаготовки Пинежский и Приморский леспромхозы. Темпы их работ были крайне низки, а на стройки страны требовалась древесина, и эти потребности в связи с осуществлением политики индустриализации страны все возрастали. Общая площадь лесных массивов, переданных Кулойлагу, была огромна – 1,7 млн. гектаров. Кулойлагу были переданы также здания, сооружения, все оборудование и промышленно-производственный персонал бывших леспромхозов [8].

В составе Кулойлага были сформированы три производственно-эксплуатационных района: Верхне-Кулойский район, расположенный по верхнему течению реки Кулой и по ее притокам Полте, Келде, Сотке и Олме; Лодемский эксплуатационный район, расположенный по среднему течению реки Лодьмы и ее притокам – Куропольде, Колозьме и Сумаре. С этими районами и была связаны дислокация двух основных лесозаготовительных подразделений Кулойлага – Пинежского отдельного лагерного пункта (ОЛП) с центром в селе Красный Бор (на реке Кулой) и Приморского – с центром в деревне Часовенская Приморского района. Не на пустом месте был организован и третий – Талажский производственно-эксплуатационный район. Его центр располагался в деревне Талаги Приморского района. Здесь находился комендантский лагпункт. В начале 30-х гг. в районе Талаг предполагалось строительство Архангельского сульфат-целлюлозного завода, ТЭЦ, канифольного завода. Была расчищена площадка, частично построены бараки для будущих строителей. Однако строительство было законсервировано. Бараки, избы лесозаготовителей и строителей стали первыми лагерными сооружениями.

Управление Кулойлагом располагалось в Архангельске. Первые партии заключенных прибыли в Кулойский лагерь в сентябре 1937 г., на 1 октября в списочном составе было 211 заключенных, а уже к 1 января 1938 г. контингент заключенных насчитывал 10581 человек.

В каждом из трех районов Кулойлага, где непосредственно велись заготовки леса, постепенно образовывались многочисленные лагерные подразделения – лагпункты, командировки, подкомандировки. Их количество находилось в прямой зависимости от объема и вида работ. На 1 января 1938 г. Пинежское отделение включало 7 лагпунктов и 7 командировок, Приморский ОЛП – 3 лагпункта с одной командировкой. На 1 января 1939 г. в Пинежском отделении уже насчитывалось 10 лагпунктов и 9 командировок, в Приморском ОЛП – 5 лагпунктов и 3 командировки [9].

Общий объем лесозаготовок по Кулойлагу на конец 1937 г. не был спланирован, а на 1938 г. был определен в 1462 тыс. куб.м. Это составляло десятую часть объемов лесозаготовок в области (в 1939 г. в Архангельской области было заготовлено 14,7 млн. кубометров леса). Основная тяжесть его выполнения ложилась на Пинежское отделение, в котором планировалось заготовить 1152,4 тыс. куб.м., в Приморском ОЛП – 309,6 тыс. куб.м. В зависимости от этого плана распределялся и контингент заключенных. Так, в Пинежском отделении на 1 июля 1938 года числился 6351 заключенный, в Приморском ОЛП – 1380.

Заготовка леса велась в основном вдоль сплавных рек. До 1938 г. в этих районах проводилась выборочная рубка – заготавливалась крупная товарная древесина, но в соответствии с указаниями ГУЛАГа для Кулойлага

были запроектированы и в дальнейшем осуществлялись сплошные рубки лесов с оставлением в лесосеках лишь части дровяной древесины.

Планы лесозаготовок по Кулойлагу были огромны, а техники – мало: до 30 тракторов и до 80 автомашин; 1500 лошадей. Нужны были люди – заключенные. Лесоповал оказался безжалостным, вот почему на лагерном языке его вскоре стали называть “зеленый расстрел”.

В лагере действовал принцип “кто не работает, тот не ест”.

Все лагерное население разбивалось на три категории по трудоспособности: 1-я категория – тяжелый физический труд, 2-я категория – легкий труд, 3-я категория – больные и инвалиды. На 1 апреля 1938 г. эта статистика по Кулойлагу выглядела следующим образом: 1-я категория – 8383, 2-я категория – 1259, 3-я категория – 940 чел., в том числе 266 инвалидов [10].

В зависимости от категории распределялись и котлы питания, а в итоге – зависел вес пайки хлеба. Так, для 1-й категории хлебная пайка составляла 800 г, для 2-й категории – 500 г, для 3-й категории – 400 г [11]. Хлеб да еще черпак каши утром и миска баланды вечером – вот рацион питания в лагере. На многих лагпунктах минимальная величина пайки доходила до 300 г.

Тяжелый труд, плохое продовольственное и вещевое снабжение, антисанитария стали причинами большой смертности заключенных: в диагнозах отмечались туберкулез, воспаление легких, заболевания кожи, цинга; смертность в Кулойлаге была очень велика. Самая высокая смертность отмечена в 1938 г. (25%). Из 1636 человек, умерших в 1 квартале, на январь пришлось 535 смертельных случаев, на февраль – 556, на март – 545 [12].

Условия производили столь тяжелое впечатление, что многие заключенные приходили к выводу: существование в неволе невозможно и выход один – уйти из жизни. Заключенные нередко становились под падающий ствол дерева и погибали.

15 февраля 1939 г. коммунисты Пинежского отделения Кулойлага осудили поведение руководителя лагпункта “Полевая” Славного, решили привлечь его к ответственности. В ходе собрания Славный застрелился [13]. Кулойлаг существовал долго, много древесины получила страна.

Немалую роль в системе сталинских репрессий сыграл **Каргопольлаг**.

Дислокация Каргопольлага была установлена обкомом ВКП(б) и Управлением НКВД Архангельской области, его центр располагался в г. Каргополе. Там был штаб лагеря (с 16 августа 1937 г. по 1 декабря 1940 г.), затем он был перемещен на станцию Ерцево (с 1 декабря 1940 г. по настоящее время). Численность заключенных составляла: на 1 января 1938 г. – 15 217 чел.; в январе 1939 г. – 30 069; в 1940 г. численность заключенных стала снижаться – с 27 066 в начале года до 25 363 в конце года. На начало 1942 г. насчитывалось 17 404 чел. [14].

С первых дней работы Каргопольлагу было установлено главное направление его деятельности – лесозаготовки. В 1938 г. необходимо было

заготовить 1,1 млн. кубометров леса. В 1939 г. объемы лесозаготовок возросли до 2,4 млн. кубометров [15].

Начальник Каргопольлага Соколов неоднократно разъяснял своим подчиненным: “Каргопольлаг – лесной лагерь, на который наша страна, наша партия и правительство возложили почетную задачу – освоение лесов Севера и обеспечение промышленности лесом” [16].

В 1938–1939 гг. шло постоянное увеличение численности Каргопольлага: в мае 1939 г. списочный состав был доведен до 31 900 чел. Потребность в свежей, здоровой рабочей силе ежегодно составляла 29 тыс. чел. Плановые объемы заготовки леса и в 1940 г. составляли 2,4 млн. кубометров. Основная нагрузка по выполнению планов лесозаготовок в каждый год приходилась на Ерцевский ОЛП. Лес отправляли по железнодорожным путям. Однако значительная часть леса также сплавлялась, планы по лесосплаву возрастали. Если в 1939 г. они составляли 880 тыс. куб. м., то в 1940 г. план лесосплава был увеличен до 1 млн. кубометров.

Техники в лагере было крайне недостаточно, всего 29 тракторов, 44 автомашины, но и она использовалась неудовлетворительно по причине отсутствия запасных частей. В результате все нагрузки, связанные с лесозаготовками, падали на плечи заключенных. Заболевания, смертность среди заключенных Каргопольлага были крайне высоки. Так, только за 1938 г. в лагере умерло более 4 тыс. чел. Причины – истощение организма и тяжелая физическая работа, а также болезни (туберкулез, заболевания желудочно-кишечного тракта, цинга и др.). Зато себестоимость одного кубометра древесины постоянно снижалась: вместо плановых 23 руб. 25 коп. составляла в 1940 г. 19 руб. 80 коп. [17]. Каргопольлаг дал стране миллионы кубометров леса.

В феврале 1938 г. создан и оставил зловещий след в истории Севера Онеглаг, центр которого находился на станции Плесецкая. 30 лагерных зон было в Онеглаге, сыгравшем немалую роль в сталинской репрессивной политике. В 1940 г. в них находились 19 854 заключенных. Более половина лагерного населения было осуждено за “контрреволюционные деяния”. Заключенные заготавливали и вывозили ежегодно от 1,5 до 1,8 млн. кубометров леса.

В 1940 г. из Онеглага бежало 139 заключенных, в том числе 117 конвойных и 22 расконвоированных. Задержано было 123 человека. В 1941 г. побегι участились. Наибольшее число их пришлось на летнее время, когда началась Великая Отечественная война.

Заключенным жилось крайне тяжело, и потому многие из них смогли протянуть только полгода-год из своего многолетнего срока, данного за мифические преступления.

26 июня 1942 г. Онеглаг был передан Каргопольлагу. Но и эта передача не дала его обитателям улучшения положения. Тысячи узников погибли в этой тюрьме под открытым небом.

Заслуживают внимания и судьбы узников **Ягринлага**. История лагеря в городе Молотовске (ныне Северодвинск) ждет вдумчивых исследователей.

Еще 13 апреля 1938 г. в недрах Наркомата внутренних дел ССР появился совершенно секретный приказ “Об организации управления строительства № 203 и Ягринского исправительно-трудового лагеря НКВД” [18]. Цель его создания – выполнение гидротехнических работ по строительству завода № 402 (Севмашпредприятия). Лагерь напрямую подчинялся ГУЛАГу НКВД. Численность заключенных составляла: в сентябре 1938 г. – 14 тыс. чел., в 1939 г. – 27 680, в 1940 г. – 30 893, в 1941 г. – 31 116, в 1942 г. – 19 378, в 1945 г. – 5 201 чел. Помимо выполнения главных задач – строительства завода № 402 – лагерь занимался производством боеприпасов для фронта, сооружением железнодорожной ветки Исакогорка–Молотовск, Архангельского ЦБК, лесозаготовками и другими работами. С 1938 г. до 1953 г., когда лагерь был закрыт, силами заключенных удалось построить судостроительный завод, огромное количество зданий и сооружений в городе.

В июле 1938 г. для завершения строительства Архангельского ЦБК, начатого в 1935 г., был создан **Архангельский ИТЛ (Архбумлаг)**. Численность заключенных в нем на 1 января 1939 г. – 7 900, в 1944 г. – 1 650 чел.

Численность вольнонаемных на стройке сократилась в 1938 г. с 1 886 чел. в первом квартале до 384 чел. в четвертом квартале.

С созданием лагеря предусматривалось выполнение разнообразных строительных работ на общую сумму 50 млн. руб. В первые месяцы его работы осваивалось по 400-500 тыс. рублей, в течение года ежемесячная выработка увеличивалась и достигла к 1 августа 1939 г. 3 млн. руб. Архангельский ЦБК построен и существует благодаря усилиям людей подневольного труда.

Для строительства железной дороги Коноша–Котлас и лесозаготовок в сентябре 1940 г. был создан **Северо-Двинский ИТЛ (Севдвинлаг)**. Управление лагеря было расположено в Вельске. Здесь расположились лагерное отделение, штаб отряда ВОХР, следственный изолятор, оперативные заставы, посты, лагерные службы. Задействовано было и большое число вольнонаемных. Численность лагеря была велика: в 1941 г. – 15 365, в 1942 г. – 34 425 чел. В 1943 г. произошло заметное снижение – до 20 663 чел., в 1945 г. осталось 7 822 чел. Лагерные пункты располагались по всей трассе – от Коноши до Котласа. Палатки, бараки, тяжелейшая работа в условиях скверного питания приводили заключенных Севдвинлага в состояние истощения, к болезням, к преждевременной кончине. У лагерного начальства самым любимым был лозунг “На трассе нет дождя, в зоне нет отказников!” [19].

Однако, несмотря на все старания начальства, заключенные регулярно совершали побеги: в 1941 г. 548 чел. сбежали из лагпунктов, в 1943 г. – 68,

в 1945 г. – 55 чел. Велико было число умерших (в 1943 г. – 1335, в 1944 г. – 654, в I квартале 1945 г. – 116 чел.) [20].

Во многих узловых пунктах, где пересекались железнодорожные, водные, автомобильные, гужевые пути, действовали пересыльно-перевалочные пункты ГУЛАГа. Репрессивная машина в государстве работала безотказно: доставлялись новые и новые партии заключенных. Стройки требовали жертв. Людских жертв. Шли в расход человеческие жизни... Вот почему невыносимо трудными, для многих – смертельными были пути-дороги заключенных, отбывавших наказания в лагерях Архангельской области.

Состояние дел в лагерях Архангельской области в 1938 г. отразил в письме И.В. Сталину первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) А.Ф. Никаноров: “В Архангельской области 6 лагерей, несколько труд-колоний. Примерно в них сосредоточено до 150 тыс. заключенных. Кроме того, в области большое количество кулацких поселков с контингентом около 50 тысяч спецпереселенцев.

Лагерь выполняют большую работу: строительство судов (завод 203 Судострой), строительство Архангельского бумажного комбината, спецсульфатзавода, железнодорожное строительство, лесозаготовки (примерно с объемом годовой программы 3-4 миллиона кубометров).

Мы – обком – до сих пор лагерями не занимались. Только недавно установили ряд тревожных фактов: побеги – до трех тысяч человек (в 1938 г.), из которых до тысячи человек не пойманы; факты сращивания работников лагерей, стрелков с заключенными, в том числе и факты половой связи лагерных работников с заключенными женщинами. В одном только Ягринском лагере было 8 случаев отрубания заключенными себе пальцев; факты безобразных взаимоотношений лагерей с колхозами; многочисленные факты так называемых “промотов”, т.е. растраниживание казенного имущества, причем большая часть имущества покупалась местным населением... Руководящие работники лагерей довольно неохотно рассказывают о наличии таких фактов. Я узнал... о буквально массовых фактах убийств заключенных со стороны Каргопольского лагеря (материалы проверки у военного прокурора).

Крупнейшей ошибкой в практике НКВД до последнего времени считаем посылку на руководящую работу в лагерях лиц с “хвостами”, почему-либо уволенных из оперативных органов НКВД. Это приводит к тому, что раздраженные, а часто даже озлобленные бывшие работники аппарата НКВД посылаются на работу, которая требует особой политической и моральной устойчивости.

Мы просим проверить всю работу лагерей НКВД, усилить войска внутренней охраны в Архангельской области, с размещением дополнительного дивизиона в Архангельске и другого – в Котласе...” [21].

Так представлял обстановку в лагерях ГУЛАГа на территории Архангельской области высокопоставленный чиновник. На самом же деле картина была еще более жестокой, чем та, о которой А.Ф.Никаноров и поведал товарищу И.В.Сталину. (А.Ф.Никаноров как “враг народа” осужден 26.01.1940 г. и расстрелян).

А какова была участь спецпереселенцев?.. Главные задачи, которые ставили перед ними местные и центральные органы власти, – лесозаготовки, сплав леса, лесопиление, строительство жилья, освоение новых земель. Так шла колонизация края.

Спецпереселенцы энергично трудились в лесных деланках. Бергавинов был доволен резким увеличением объемов лесозаготовок: в зиму 1929–1930 гг. они возросли до 20,3 млн. кубометров. Однако, как сообщали в ЦК ВКП(б) руководители Управления ОГПУ по Северному краю, и в 1930 г., и в 1931 г. в поселках спецпереселенцев отмечались голодовки, высокая смертность. Особенно трудными были 1932 и 1933 гг., нередкими стали случаи людоедства. Участились побег из поселков. Лишь в середине 30-х гг. жизнь в спецпереселенческих поселках стала налаживаться: возникли колхозы, сюда завозили сельскохозяйственную технику, племенной скот; возрастали объемы лесозаготовок, сплава, лесопереработок. Так, за счет спецпереселенцев, а позднее и заключенных, формировался рабочий класс Поморья [22].

В 1938 г. на территории Архангельской области проживало в 81 поселке 38762 спецпереселенца (в том же году более 3 тысяч человек сбежали. Отловленных беглецов, как и прежде, направляли в тюрьмы, лагеря). В 1941 г. проживало 12683 семьи (36181 чел.) [23].

Великая Отечественная война не миновала ни спецпереселенцев, ни эзков: в регулярные войска были призваны тысячи заключенных, 4200 спецпереселенцев. Многие из них в годы войны были отмечены за ратные подвиги орденами и медалями. 1312 спецпереселенцев, работавших в тылу, награждены медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” [24].

После окончания войны начался процесс освобождения раскулаченных семей из спецпоселков (в августе 1948 г. в области проживало 4385 семей – 9268 чел.) [25]. Многие из них работали на лесозаготовках, строительстве дорог. Создавались новые производственные объекты. За счет этой категории трудящихся в значительной мере выполнялись производственные планы. 86 спецпереселенцев получили звание “Почетный работник лесозаготовительной промышленности”. Вот почему органы власти стремились сдерживать процесс оттока этих кадров [26]. Более того, руководители обкома ВКП(б) и облисполкома 24 марта 1949 г. направили министру внутренних дел СССР т. Круглову письмо, в котором просили прислать в Архангельскую область для работы в лесной промышленности еще 15–20 тысяч спецпереселенцев [27].

13 августа 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление “О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц” [28]. Закончилась ссылка так называемых кулаков, затянувшаяся на четверть века. В 1990-е гг. все спецпереселенцы были реабилитированы. Прощены. Но за что? Ведь абсолютное большинство из них никогда не совершало преступлений, в годы войны они защищали советскую власть, Отечество.

В городах, в поселках, в селах Поморья сегодня работают потомки заключенных и спецпереселенцев, обеспечивая развитие производительных сил Севера.

История спецпереселенцев и ГУЛАГа – одна из тяжелейших страниц в биографии нашего Отечества и Поморья. Эта страница имеет устрашающий, зловещий характер. Всякий пишущий не может не содрогаться от тех материалов, которые появляются в его руках. Невольно возникает мысль – да было ли такое, возможно ли такое?! Да, это было, никуда от этого не уйдешь. Однако следует признать и тот факт, что спецпоселки, исправительно-трудовые лагеря, колонии, тюрьмы чудовищным образом поспособствовали развитию производительных сил Поморья. Они помогали сталинскому репрессивному режиму держать своих сограждан в страхе и покорности.

Литература и источники

1. Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на европейском Севере в конце XIX – начале XX вв. Краткий библиографический словарь. – Вологда, 1989. – С. 8-9.
2. Ханталин Р.А. Большая разборка // Правда Севера. – 1997. – 30 октября.
3. Поморский мемориал. Т.1. – С. 779.
4. Там же. – С. 780.
5. Ханталин Р.А. О чем болела голова у обкома и Папанина // Правда Севера. – 1993. – 6 января.
6. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф.106, оп. 6, д. 25, л. 4; Оп. 1, д. 84, л. 1, 2, 3.
7. Морозов Н. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Мартиролог. Т.1 / Сост. Г.В.Невский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – С. 56.
8. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (далее ГА ОПДФ АО). Ф. 296, оп. 1, д. 38-а, л.13, 14, 14 (об.).
9. Архив Управления внутренних дел Архангельской области (далее УВД АО).
10. Там же.
11. Архив Регионального Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Архангельской области.
12. Архив УВД АО.
13. Митин В.А. Лагерная пыль // Правда Севера. – 1997. – 7 августа.

14. Архив УВД АО.
15. ГА ОПДФ АО. Ф. 6770, оп.1, д. 1-а, л. 17.
16. Там же. Д. 29, л. 17.
17. Там же. Д. 113, л. 91-96.
18. Архив УВД АО.
19. Там же.
- 20 Там же.
21. Хангалин Р.А. О чем болела голова у обкома и Папанина // Правда Севера. – 1993. – 6 января.
22. ГААО. Ф. 106, оп. 6, д. 25, л. 4; Ф. 621, оп. 1, д. 100, л. 3.
23. Социс. – 1990. – № 11. – С. 7.
24. ГА ОПДФ АО. Ф. 296, оп. 1, д. 510, л. 36, 44, 50.
25. Там же. Оп. 2, д. 474, л. 167-168.
26. Там же. Л. 170-171.
27. Там же. Д. 715, л. 21.
28. Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 143-144.

В.И. Мусаев
(Санкт-Петербург)

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (1930-е гг.)

На рубеже 1920–1930-х гг., одновременно с индустриализацией, советское государственное и партийное руководство взяло курс на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию зажиточных слоев деревни. Принятое ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. постановление “О темпе коллективизации и мерах помощи государственному колхозному строительству” декларировало переход “от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса” [1]. При этом ставилась задача не только подорвать хозяйственную мощь зажиточного крестьянства, лишить его прежнего влияния на деревню, надлежало физически ликвидировать его, выселив “кулаков” из их домов и выслав их в отдаленные районы страны. 1 февраля вышло постановление ЦИК и СНК СССР “О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством”, второй пункт которого гласил: “Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)” [2]. Закрытое постановление ЦК ВКП(б) “О борьбе с искривлениями

партийной линии в колхозном движении", принятое в марте 1930 г., временно привело к некоторому ослаблению давления на зажиточные слои деревни, но не прекратило его. Ссылать стали несколько меньше, однако с начала следующего года кампания по выселению "кулаков" возобновилась с особой интенсивностью. 1 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства" [3]. 15 марта появился меморандум НКВД СССР за подписью главы наркомата Г.Г. Ягоды, в котором было записано: "В целях полной очистки от кулаков, с мая по сентябрь 1931 г. намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза со всех областей". Для осуществления намеченной "массовой операции" краевым и областным властям предлагалось "установить количество кулацких хозяйств края..., подлежащих высылке", выявить кулаков, проникших в колхозы, бежавших в города и устроившихся на работу в промышленности, не позднее 10 апреля представить количество кулацких семей, подлежащих высылке и план проведения операции" [4]. Всего по стране в 1930–1931 гг. депортации подверглись 356 544 семей или 1 679 528 чел., из них 551 330 чел. (113 013 семей) в 1930 г. и 1 128 198 чел. (243 531 семья) – в 1931 г. [5].

Раскулаченных отправляли преимущественно на спецпоселение (иначе именуемое "кулацкой ссылкой") в районы российского Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа и Средней Азии, в которых либо располагались подлежащие разработке месторождения полезных ископаемых, либо находились лесоразработки, либо начиналось или намечалось строительство крупных промышленных объектов. Спецпереселенцы не считались заключенными, однако они были лишены самых элементарных гражданских прав, прежде всего свободы перемещения – жить они могли только в спецпоселках (трудпоселках), которые не имели права покидать, паспорта им также не выдавались. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. административное управление спецпоселениями, хозяйственное устройство и использование спецпереселенцев было передано ОГПУ (с 1934 г. – НКВД) [6], что еще больше приближало сосланных "кулаков" к системе ГУЛАГа.

С самого начала было решено использовать дешевую рабочую силу спецпереселенцев в промышленности и на промыслах в отдаленных районах с суровым климатом, куда люди по вольному найму ехали неохотно (к тому же им надо было хорошо платить, спецпереселенцам же платили меньше, а норма выработки у них зачастую была выше). 18 марта 1930 г. было принято постановление СНК РСФСР "О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области", в котором предписывалось "признать необходимым при проведении спецколонизации максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на

лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах”, а “в сельском хозяйстве использовать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах” [7]. Общая численность спецпереселенцев по стране на конец 1931 г. в докладной записке Г.Г.Ягоды И.В.Сталину от 4 января 1932 г. определялась в 1 421 380 чел. [8].

Условия жизни и работы спецпереселенцев были ужасающими, заболеваемость и смертность среди них была очень высока. Это заставило власти принять некоторые меры: в циркуляре отдела спецпоселений НКВД от 18 июля 1931 г. констатировалось, что “имеющиеся материалы о положении спецпереселенцев характеризуют тяжелые условия жизни и работы, в особенности кинтингентов, расселенных в 1930 и в начале 1931 гг.; существующие ненормальности свидетельствуют о невнимательном отношении хозорганов к вопросам устройства и обслуживания спецпереселенцев...”. В частности, отмечалось в циркуляре, “1. в большинстве договора с промышленными предприятиями и сельхозорганизациями не заключены, имеющиеся договора в достаточной мере не обеспечивают их жилищное и бытовое устройство, лечебную помощь, культурное обслуживание, снабжение продовольствием... 3. для подростков, нетрудоспособных, беременных женщин зачастую устанавливаются одинаковые нормы со здоровыми мужчинами, в некоторых местах нормы для спецпереселенцев увеличивались вдвое по сравнению с вольнонаемными рабочими... 7. жилищные условия спецпереселенцев крайне тяжелы и неудовлетворительны, в качестве постоянных жилищ существуют бараки, в которых живут семьи при исключительной скученности..., ютятся с детьми в шалашах и всяких иных примитивных помещениях без окон, печей... 8. При таких тяжелых жилищных условиях к тому же отсутствуют санитарные мероприятия, бани не везде оборудованы, медпомощь недостаточна”. Предписывалось “в короткий срок устранить указанные выше основные дефекты” [9]. Этот циркуляр был продиктован вовсе не филантропическими, а практическими соображениями: рабочую силу надо было беречь. То же можно сказать и о появившемся еще раньше, 20 мая, меморандуме за подписью Г.Г.Ягоды, в котором было записано, что “детей выселяемых кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65 лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать” [10]: для освоения отдаленных районов Севера, Урала и Сибири требовались трудоспособные и здоровые люди, больные и иждивенцы не были там нужны.

Одним из районов страны, который активно осваивался в период первых пятилеток и в который соответственно направлялось значительное количество спецпереселенцев, был Кольский полуостров. До начала XX в. этот богатый полезными ископаемыми регион был заброшенной окраиной Российской империи и в промышленном отношении не эксплуатировался.

Начало хозяйственному освоению полуострова было положено в 1910-е гг., когда началось строительство морского порта на побережье Кольского залива и Мурманской железной дороги. В 1920-х гг. в Хибинских горах были разведаны богатые месторождения апатитовой руды, которая представляет собой ценное сырье для изготовления минеральных удобрений, в частности, суперфосфата и аммофоса, а содержащийся в апатитах нифелин используется в алюминиевой промышленности. В 1929 г. был организован трест “Апатит”, на следующий год в Хибинах заработал рудник, началось строительство обогатительной фабрики, Нивской ГЭС и города Хибиногорска (с 1935 г. – Кировск). Весной 1931 г. стройка в Хибинах была включена в число ударных строек пятилетки [11].

Рабочая сила для возводимых объектов была, однако, в явном дефиците, вольнонаемных рабочих и служащих не хватало. Поэтому в 1931 г. ОГПУ сочло необходимым при планировании дальнейших высылки на спецпоселение уделить более существенное внимание Кольскому полуострову. 18 мая 1931 г. Ф.И. Медведь, полномочный представитель ОГПУ в Ленинградской области, обратился к своему руководству с просьбой разместить, “исходя из хозяйственных соображений”, около 4000 “кулацких” семей, подлежащих высылке из Ленинградской области, внутри области и отправить их на Кольский полуостров [12] – на хибинские апатитовые разработки и на предприятие Нивстрой – и на торфоразработки в районе Синявино, мотивируя свою просьбу следующими соображениями: “Развертывающиеся Хибинские разработки, Нивстрой и огромный рост производственной программы по добыче торфа обуславливают непрерывную нужду этих хозяйственных единиц в рабсиле, удовлетворить которую за счет найма свободной рабсилы невозможно ввиду отдаленности и природной дикости Хибин и Нивстроя и тяжелых условий работы на торфоразработках... Если даже все кулацкие семьи, подлежащие выселению из нашей области, разместить по этим трем отраслям работы, то и тогда потребность в рабсиле на них будет чрезвычайно острой” [13] (тремя днями ранее было принято решение о переселении этих семей в Казахстан). Эта просьба была удовлетворена: 30 мая специальная комиссия ЦК ВКП(б) в составе А.А.Андреева, Г.Г.Ягоды и П.П.Постышева по вопросу “о внутреннем переселении в Ленинградской области кулацких семей из южных и западных районов в северные районы области” постановила отменить решение о переселении из Ленинградской области в Казахстан и “разрешить Ленинградской области в период июня месяца произвести внутреннее переселение 4000 кулацких семей в северные районы для хозяйственного использования их на Нивстрое и Хибинских апатитовых разработках” [14]. В дальнейшем выселения “кулаков” в Ленинградской области были преимущественно внутриобластными: с начала июня до середины сентября 1931 г. внутри области (то есть, преимущественно на Кольский полуостров) был переселен 17 651 человек (3500 семей) [15].

Сводка о политико-экономическом состоянии спецпереселенцев от 10 июня 1931 г. следующим образом характеризует положение в Мурманском округе:

“Ленинградская область 2978 семей – 14 439 человек.

1. Спецпереселенцы, населяющие первый поселок (10 194 человека) работают на Хибинских апатитовых разработках. Большая часть спецпереселенцев еще до сего времени размещена в землянках, помещениях из обыкновенного теса, обитых толем, отепленных палатках и только несколько ударников из спецпереселенцев находятся в рубленых домах. Скученное расселение является рассадником большого процента эпидемических заболеваний. В части снабжения и культурного обслуживания спецпереселенцы приравнены к вольнонаемным. За 1930 год бежало 207 человек, умер 791 человек.

2. Второй поселок населяют спецпереселенцы (1573 чел.), работающие на Нивстрое. Все спецпереселенцы размещены в стандартных домах и только небольшая часть помещается в отепленных палатках. В области снабжения строительство создало сеть кооперативов и организовало столовую, обслуживающую рабочих и иждивенцев, которые получают горячую пищу в любое время. Снабжение промтоварами удовлетворительное. Благодаря такой постановке обслуживания спецпереселенцев, несмотря на ряд возможностей, не было ни одного побега с поселка” [16].

До конца 1931 г., как сообщалось в упоминавшейся выше докладной записке Г.Г. Ягоды, в Ленинградской области (то есть, преимущественно в Мурманском округе, так как в других районах области нигде, кроме Сиявино, где к середине 1931 г. размещались 2672 спецпереселенца [17], спецпоселений не было) было расселено 32 905 спецпереселенцев (8140 семей) [18]. Население трудпоселков было многонациональным, здесь жили русские, украинцы, ингерманландские финны, эстонцы, немцы, представители других национальностей. По данным на 1 апреля 1939 г., на территории Мурманской области находилось шесть трудпоселков, в которых проживали 7255 семей или 24 144 чел. [19]. Таким образом, с 1931 г. численность трудпоселенцев (как с середины 1930-х гг. стали называть спецпереселенцев) на Кольском полуострове сократилась примерно на 6 тысяч человек (около 3 тысяч трудпоселенцев, размещенных на основной территории Ленинградской области, после образования Мурманской области учитывались отдельно), видимо, часть из них была освобождена, нередкими были и случаи побегов из трудпоселков (побеги участились после восстановления трудпоселенцев в гражданских правах в 1935 г., которое многими было воспринято как возвращение права свободного перемещения). В 1940-е гг. численность трудпоселенцев (спецпоселенцев) на территории Мурманской области продолжала сокращаться. Так, в июне 1940 г., после образования Карело-Финской ССР, около 4 тысяч находившихся на спецпоселении на Кольском полуострове финнов-ингерман-

ландцев были переселены в Карелию. После начала войны с Германией часть жителей трудпоселков была перемещена из Мурманской области, ставшей прифронтовой зоной, в тыловые области, практиковалось также снятие членов бывших “кулацких” семей призывного возраста с учета в трудпоселениях с последующим их призывом в действующую армию [20].

Высланные кулаки составляли основную часть рабочей силы на апатитовых разработках и промышленных предприятиях: по свидетельствам очевидцев, вольных рабочих в Хибинах было немного [21]. Бывшие крестьяне, таким образом, превращались в пролетариев. В начале 1938 г. на территории Ленобласти (опять же в основном в Мурманском округе) в системе Наркомата тяжелой промышленности трудились 11362 трудпоселенца [22].

К концу 1930-х гг. Мурманская область добилась впечатляющих народнохозяйственных успехов. Так, в 1931 г. Хибинские дали 40 000 тонн, а в 1939 г. – уже 1 459 000 тонн апатитового концентрата. С 1934 г. стала давать ток Нивская ГЭС, что позволило начать электрификацию полуострова [23]. Мало кто задумывался, однако, над тем, что за этими (как, впрочем, и за многими другими) цифрами достижений первых пятилеток стоит почти каторжный труд раскулаченных крестьян и других репрессированных.

Литература и источники

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – М., 2000. – Т. 2. – С. 85.
2. Собрание законов рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. – 1930. – № 9. – С. 105.
3. Известия. – 1931. – 2 февраля.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479с, оп. 1с, д. 3, л. 2-3.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 17, оп. 120, д. 52, л. 59.
6. Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 7.
7. ГАРФ. Ф. 9479с, оп. 1с, д. 1, л. 1.
8. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996. – С. 242.
9. ГАРФ. Ф. 9479с, оп. 1с, д. 3, л. 83.
10. Земсков В.Н. Указ. соч. – С. 14.
11. Майстерман С.А. Хибинские. – Мурманск, 1976. – С. 5-6.
12. Кольский полуостров (Мурманский округ) в 1926–1937 гг. входил в состав Ленинградской области. Мурманская область была образована в 1938 г.
13. РГА СПИ. Ф. 17, оп. 120, д. 26, л. 151.
14. Там же. Л. 148.

15. Там же. Л. 176-177. В предыдущем году в Мурманский округ из других районов Ленобласти было отправлено 2554 чел. (Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 7179, оп. 3, д. 128, л. 181), из других областей – 8499 чел. (РГА СПИ. Ф. 17, оп. 120, д. 52, л. 20). С начала января до начала мая 1931 г. из 4118 семей, раскулаченных в Ленобласти и Карелии, внутри области было переселено 858 семей (4290 чел.) (Там же. Д. 26, л. 86).

16. РГА СПИ. Ф. 17, оп. 120, д. 26, л. 197.

17. Там же.

18. Ивницкий Н.А. Указ. соч. – С. 242.

19. ГАРФ. Ф. р-5446, оп. 32, д. 25, л. 44.

20. На 1 января 1949 г. в Мурманской области оставалось 3887 спецпоселенцев, из них 2094 бывших “кулаков” и 1793 “власовца” (Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 11).

21. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507, оп. 1, д. 25, л. 16-18.

22. Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” в 30-е годы... – С.15.

23. Майстерман С.А. Указ. соч. – С.6.

Л.Н.Мазур
(Екатеринбург)

КРАЙ ССЫЛКИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В 1930–1950-е гг. (по материалам Урала и Северного края)

В 1990-е гг. вышло немало научных работ, в которых рассматривались вопросы раскулачивания, ссылки, образ жизни спецпоселенцев [1]. Они заложили основу дальнейшего изучения проблемы, создав общее представление о динамике и содержании раскулачивания и насильственного переселения. В настоящее время актуальным становится тщательное исследование конкретно-исторических аспектов массовых репрессий 1930–1940-х гг., в частности, их влияния на демографическую, социальную структуру общества, систему расселения.

Особенностью системы расселения северных районов России, Урала, Сибири было то, что они издавна выступали как районы ссылки неугодных режиму элементов и интенсивно использовались в этом качестве. Причем поток осужденных – заключенных и ссыльных – на протяжении XIX, начала XX в., и особенно в течение 1920-х гг. неуклонно увеличивался, создавая угрожающую ситуацию для местного населения. В Уралобласти в конце 1920-х гг. основная ссылка, главным образом, размещалась в

Тобольском и Верхне-Камском округах и, в соответствии с Законом о принудительных работах 1929 г., ссыльные использовались на сельскохозяйственных и лесозаготовительных работах. Уже в 1929 г., по сравнению с предшествующим годом, число заключенных, размещенных в Уралобласти, выросло на 63,3% и достигло по состоянию на 1.01.1929 г. 11382 чел. [2].

Однако на данном этапе воздействие административной ссылки на систему расселения Урала и Севера России было достаточно ограниченным. Ссылка в основном осуществлялась в форме "приселения" осужденных и размещения их под наблюдением в уже существующих населенных пунктах. Ситуация кардинально меняется, когда административная ссылка становится основным методом ограничения прав для миллионов раскулаченных.

Как результат массовой репрессивной политики государства в системе расселения северных территорий появляются новые типы поселений – спецпоселки для раскулаченных и других категорий, подлежащих выселению. Они выполняли специфические функции – это изоляция общественно опасных элементов и обеспечение постоянной рабочей силой трудодефицитных отраслей хозяйства, в том числе лесной, добывающей, строительства и др. Спецпоселки имели особый административный статус, свою систему управления и были оформлены в виде сети поселений, фактически выпадавшей из ведения гражданского управления.

Первоначально для контроля за спецпереселенцами при Облисполкомах организовывались административные отделы. В январе 1931 г. происходит перестройка административных органов и задачи наблюдения и обслуживания спецпереселенцев возлагаются на вновь создаваемый в составе областного управления милиции комендантский отдел, возглавляемый ПП ОГПУ. На местах при райисполкомах организуются комендантские отделения и участковые комендатуры. Так организационно оформляется система комендантского контроля, которая стала отличительной чертой спецпоселений. Первоначально они находились под двойным руководством – гражданских властей (исполкомы) и уполномоченных ОГПУ. В 1931 г. ссылка была полностью передана в ведение ГУЛАГа, соответственно поселки спецпереселенцев оказались под его контролем и управлением.

Поселенческая сеть, представленная спецпоселками, а немного позднее и лагерными образованиями, входящими в систему ГУЛАГа (лагерные пункты, командировки, подкомандировки), по своим системным характеристикам была 1) исключительно подвижной (динамика изменений численности спецпоселков – это одна из труднорешаемых проблем); 2) ориентированной на решение производственных задач и, как следствие, неустойчивой; 3) закрытой, так как предполагала особый режим передвижения спецпоселенцев.

Рассмотрим основные этапы эволюции кулацкой ссылки и, соответственно, развития сети спецпоселков:

1 этап – 1930–1932 гг. – проведение раскулачивания и начальный этап формирования системы спецпоселений. На данном этапе идет массовое строительство новых поселков, оформляются их нормативно-правовой статус и основные принципы застройки;

2 этап – 1933–1936 гг. – завершение массового переселения раскулаченных. В этот период происходит создание устойчивой сети спецпоселений, которые стали базой размещения ссыльных на последующие годы;

3 этап – 1936–1947 гг. расширение системы спецпоселений в результате развертывания массовых репрессий против различных категорий населения, а также выселения с исторических мест обитания репрессированных народов. На данном этапе система спецпоселений развивается во взаимодействии с пространственно-организационной структурой ГУЛАГа, как один из составных ее элементов;

4 этап – 1947–1956 гг. – постепенная ликвидация спецссылки и системы спецпоселений.

Начало массовому переселению раскулаченных положило Постановление ЦК ВКП(б) от 30.01.30г. “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации”, в котором определялись ориентировочные цифры по раскулаченным разных категорий и местам ссылки. Особо отмечалось, что районы высылки должны быть малообжитыми или совсем необжитыми [3].

По сведениям, опубликованным В.Н.Земсковым, в 1930–1931 гг. было отправлено на поселение 391026 семей общей численностью 1803392 чел., в том числе на 1 января 1932 г. состояло на учете на Урале – 484 380 чел.; в Северном крае – 120 509 чел. [4]. К маю 1931 г. в Уралобласть было направлено 47157 семей спецпереселенцев, размещенных в 33 районах, на 10 февраля 1932 г. здесь насчитывалось около 500 000 переселенцев, к 1933 г. – более миллиона.

Использование труда ссыльных было одной из центральных проблем и осуществлялось через заключение договоров с хозорганизациями, среди которых по объемам применения подневольного труда заключенных выделялись тресты лесной и добывающей промышленности. В обязанности принимающих организаций входило строительство поселков для раскулаченных, их благоустройство и обеспечение заключенных необходимыми продуктами и вещами в соответствии с установленными нормами. Организация поселков носила во многом стихийный характер, хотя местные органы власти и хозяйственные организации пытались планировать процессы обустройства ссылки. Однако эти планы подчас мало отражали реальные условия ее функционирования. Контрольные показатели, заявленные в постановлениях постоянно превышались. Устанавливались очень жесткие сроки приема переселенцев: по 2-3

эшелона в день. В срочном порядке отводились участки, как правило, отдаленные от жилья, без изучения пригодности их для жизнеобеспечения переселенцев, сельскохозяйственного и производственного использования. Уже осенью 1930 г. стало ясно, что часть основанных поселков не имеет перспективы развития из-за непригодности почв, отсутствия воды, как это было в пос. Талое Ивдельского района, пос. Талица того же района, пос. Мари Надеждинского района [5].

Оформление административно-правового статуса спецпоселений осуществлялось в несколько этапов. Сначала в рабочем порядке на местном уровне создавались необходимые нормативные документы. В апреле 1931 г. было разработано Положение об обслуживании и управлении спецпереселенцами в Уралобласти, в котором определялись основные моменты системы управления, права и обязанности комендантского отдела и спецпереселенцев. В положении получили отражение основные принципы организации поселений и их виды (промышленные, лесные и сельскохозяйственные). Размер поселков определялся от 80 до 150 домов. В октябре 1931 г. центральными властями было разработано Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, в котором, используя опыт местных органов власти, были утверждены основные вопросы социально-правового статуса спецпереселенцев, принципы их расселения [6].

В зависимости от производственной направленности создаваемые поселки подразделялись на сельскохозяйственные, лесные, промысловые, промышленные. Они отличались по уровню благоустройства, материального обеспечения и принципам застройки.

Среди поселков спецпереселенцев особое место занимают те, которые создавались при крупных промышленных стройках: в Магнитогорске в 1932 г. насчитывалось 3 поселка с общим числом 40 426 чел., в Нижнем Тагиле в 1933 г. – 8 поселков с населением 13 884 чел. [7], в Каменск-Уральском – пос. Синарстрой (около 1100 чел.). Специфической чертой их было то, что они организовывались рядом или в черте существующих населенных пунктов. При этом реализовывался принцип изоляции спецпоселенцев, так как было запрещено размещать ссыльных вместе с вольнонаемными рабочими. Под спецпоселки в этом случае выделяли отдельные участки, которые застраивались бараками, образуя особую режимную зону. Промышленные поселки изначально были ориентированы на строительство крупных жилых объектов барачного типа с коридорной системой. В качестве примеров поселков промышленного типа можно рассматривать спецпоселки Широкореченского торфяника. В 1932 г. спецпереселенцы здесь размещались на 4 участках, застроенных бараками. К примеру, 4-й участок (683 чел.) имел 7 бараков, в которых были установлены двойные нары с перегородками из мешковины, двери не утеплены, рамы отсутствовали. Отапливали бараки кирпичными очагами. Повсюду в поселке отмечены грязь, нечистоты. Такая же картина наблюдается и на остальных

участках. Наиболее благоустроенным из всех поселков Широкореченского торфяника был 2-й участок, где располагались службы Торфоуправления и Торфокооперации. Здесь помимо нескольких барачков были баня, ясли, хлебопекарня, прачечные, столовая, магазин, ларек, молочная ферма и свинарник. Все участки электрифицированы за исключением одного. Водоснабжение обеспечивалось на 1-м участке колодцем; на 3-, 4-, 5-м участках – болотной водой. Неудивительно, что промышленные поселки, где скученность спецпереселенцев была исключительно высокой становились очагами инфекций и давали вспышки таких заболеваний как сыпной тиф, дизентерия и др.

Лесные поселки заселялись спецпереселенцами, которых использовали для лесозаготовительных, сплавных работ. Наиболее крупные леспромпхозы на Урале располагались в Ивдельском, Гаринском, Таборинском, Серовском, Туринском Исвском, Верхне-Тавдинском районах области.

До появления в конце 1920-х гг. лесозаготовительных колоний и спецпоселков, на лесозаготовки привлекалось местное население и с целью организации производственного процесса создавались временные населенные пункты – лесные бараки, где в сезон заготовки проживали работники.

Первые поселки для спецпереселенцев, формируемые в системе леспромпхозов, также строились по этому образцу: возводились бараки, обустроенные нарами вместимостью 100–150 чел. Однако такой тип застройки не способствовал закреплению ссыльных на постоянное местожительство. Типовой план поселка уже предусматривал строительство изб на две семьи (зырянского типа), в каждом намечалось построить баню, хлебопекарню, создать сеть медобслуживания (один фельдшерско-акушерский пункт на два поселения) и культурно-просветительских учреждений, планировалось развитие дорожного строительства. Все это требовало финансовой поддержки, которая осуществлялась в весьма урезанных размерах. Так, например, при потребности Уралобласти на обустройство спецссылки в 2 млн. 897 тыс. руб. в 1930 г. было выделено только 400 тыс. руб. [8].

Сельскохозяйственные поселки были связаны с решением задач сельхозколонизации. По состоянию на февраль 1931 г. насчитывается в Уралобласти 51 сельскохозяйственный поселок [9], на сельхозработы направлялись те, кого нельзя было использовать на лесоразработках, рыбных и иных промыслах. Поэтому сельхозссылка в районах Северного Урала была немногочисленной и сосредотачивалась, главным образом, в районах Тобольского округа, Нижне-Тагильском районе. Здесь первичная застройка осуществлялась в виде землянок, шалашей, барачков с постепенным разделением на отдельные дворохозяйства. Таким образом, в сельскохозяйственных спецпоселках воспроизводился традиционный тип деревни. Как правило, данные населенные пункты имели наиболее

благоприятную историческую перспективу и стабильно развивались. Многие из них в последствии стали усадьбами колхозов и совхозов и существуют до сих пор. В Тавдинском районе в настоящее время насчитывается 5 таких поселений, из них 4 превратились в крупные, благоустроенные села. Так, например, пос. Чернушка Тавдинского района, возникнув в 1931 г. на берегу реки Карабашки, благодаря каторжному труду раскулаченных уже к концу 1930-х гг. превратился в достаточно большой и благоустроенный населенный пункт, а колхоз, созданный раскулаченными, стал самым богатым в районе.

В дальнейшем одним из направлений развития сельхозколонизации стало использование труда ссыльных в совхозном строительстве. Уже в 1931 г. в ряд зерносовхозов Уралобласти направляются партии спецпереселенцев, в том числе в зерносовхоз Арамашевского, Исетского, Красноуфимского районов [10]. Описывая ситуацию в совхозах Коми-Пермяцкого округа (Юрлинский льносовхоз, Юкасеевский совхоз), отмечается, что переданные для работы в хозяйствах спецпереселенцы не обустроены, размещаются среди местного населения, денег на строительство не выделяется. Однако, если убрать из совхозов спецпереселенцев, то их придется закрывать, так как работать будет некому.

Очень сложно проследить и оценить динамику численности поселков спецпереселенцев, созданных в 1930-1940-е гг. в регионах. Как правило, присутствуют отрывочные данные на отдельные моменты времени, которые часто бывают несопоставимыми. По признанию чиновников того времени "Ни одна областная организация не знает точного количества и месторасположения имеющихся у них спецпереселенцев" [11]. На 8.06.1930 г. в Уралобласти вновь организовано 193 поселка, в том числе в Тобольском округе – 60; Тагильском округе – 74; Ирбитском – 6; Пермском – 8; Верхне-Камском – 36; Коми-Пермяцком автономном округе – 9 [12]. На конец 1930 г. в Уралобласти зарегистрировано 188 спецпоселений [13]. По приближенным данным на 10 февраля 1932 г. в Уралобласти насчитывалось порядка 650 поселков спецпереселенцев, на июль 1932 г. – 600 поселков [14]. Эта цифра была уже неоднократно опубликована, однако она требует пересмотра и уточнения. Приведенное число (650) включает как новые спецпоселки, созданные специально для поселения бывших кулаков, так и деревни, где проживали ссыльные вместе с коренным населением. Число новых поселений для кулаков, созданных в 1930–1931 гг., видимо, не превышает 200 и достигает к 1938 г. – 243. В 1933–1934 гг. было ликвидировано около 60 поселков, как не имеющих перспектив развития. Согласно карте спецпоселений, приведенной в монографии В.М.Кириллова, в 1935–1956 гг. в Свердловской области насчитывалось около 190 поселений, в том числе спецпоселков кулаков – 142, советских немцев и украинцев – 17, крымских татар – 20 [15]. К январю 1940 г. в Свердловской области насчитывалось 146 поселков.

К 1935 г. расселение трудпоселенцев (с 1934 г. по 1944 г. так стали именовать спецпереселенцев) приобрело упорядоченный вид. Были найдены наиболее оптимальные варианты организации и обустройства спецпоселков, налажены необходимые условия жизни, решены на простейшем уровне проблемы социально-культурного обеспечения и здравоохранения. Одним из значимых показателей стабилизации стало превышение рождаемости над смертностью.

На 1 июля 1938 г. на учете отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР числилось 997 329 трудпоселенцев, которые проживали в 1741 трудпоселке, в том числе в Свердловской области – 243 поселка (171899 чел.), в Челябинской области – 40 (57 337 чел.), в Оренбургской области – 3 (2532 чел.), в Коми АССР – 37 (20172 чел.) [16]. На 1 октября 1941 г. в стране на учете состояло 936547 трудпоселенцев, из них 871851 чел. (93,1%) – это бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации. К 1 января 1945 г. численность спецпереселенцев контингента “бывшие кулаки” снизилась до 631137 чел. Основной причиной сокращения численности стало освобождение трудпоселенцев в течение 1938–1944 гг. 28 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР № 00868/208сс “О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков”, по которому определялись категории спецпереселенцев, подлежащих снятию с учета. За период с 1946 по 1952 г. в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР, которые были приняты по представлению местных партийных и советских органов, в 28 республиках, краях и областях бывшие кулаки были почти полностью сняты с спецучета (за исключением лиц немецкой, калмыцкой, чеченской и других национальностей) [17]. На 1 июля 1952 г. контингент “бывшие кулаки” насчитывал 28009 чел., в том числе в Свердловской области – 2052, Молотовской – 208, Челябинской – 189 чел. В 1954 г. кулацкая ссылка окончательно прекратила свое существование.

Однако, наряду с кулацкой ссылкой, которая имела тенденцию к сокращению, начиная с 1934 г., растет число осужденных по различным политическим статьям, а во время войны и в послевоенные годы к категории спецпереселенцев добавляются депортированные народы, сосланные на поселение “навечно”.

Только в Свердловской области в начале 1941 г. состояло на учете около 98 тыс. трудпоселенцев и 61441 чел. заключенных, находящихся в Ивдельлаге, Севураллаге, Тагиллаге и других лагерях [18]. За годы войны численность заключенных еще более возросла и составила в 1943 г. по Свердловской области – 3 млн. 266 тыс. чел. [19]. В начале 1950-х гг. численность заключенных сокращается до 15322 чел. (на 15 мая 1953 г.) [20], но категория лиц с ограниченными правами перемещения по-прежнему остается достаточно большой: в 1956 г. насчитывалось 60616 спецпоселенцев [21].

Во второй половине 1930-х – 1940-е гг. развитие поселенческой сети на Урале и в северных районах России во многом связано с созданием и развертыванием лагерных систем. Роль лагерных образований в развитии системы расселения пока мало изучена. Разраставшаяся структура ГУЛАГа, представленная в виде сотен лагерных пунктов, ИТК, колоний для несовершеннолетних, приобретала сложную пространственную организацию, способствуя формированию новых населенных пунктов. Только в Свердловской области насчитывалось 7 лагерных систем (Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Богословлаг, Востураллаг), которые в свою очередь делились на лагерные отделения, включавшие десятки лагерных пунктов, командировок, тюрем и т.д. (в 1947 г. насчитывалось около 80 подразделений). Многие из созданных лагерных пунктов заложили основы населенных пунктов или послужили толчком к интенсивному развитию созданных ранее поселений. В отличие от поселенческой сети, сложившейся в результате кулацкой ссылки, лагерная система расселения имела четкую промышленную ориентацию. Особенно значимую роль сыграли лагерные системы в освоении и развитии Ивдельского, Тавдинского, Сосьвенского, Краснотурьинского районов. Так, например, в Тавдинском районе пос. Северная Чернушка возник как лагерьный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг., население его состояло из семей обслуживающего персонала. Эта специфика сохраняется вплоть до настоящего времени.

Не менее сложная и напряженная ситуация по организации спецпоселков сложилась на русском Севере, ставшем наряду с Уралом одним из основных районов ссылки и заключения репрессированных. В 1930-1933 гг. в Северный край было завезено более 375 тыс. раскулаченных. Первые партии переселенцев начинают прибывать уже в феврале 1930 г. Они расселялись в Архангельском округе (150 тыс.), Вологодском (50 тыс.), Северо-Двинском (47 тыс. 500), области Коми (60 тыс.). По сообщениям ПП ОГПУ, в Северный край к началу сентября 1930 г. прибыло кулаков-переселенцев – 261232 чел., административно-ссылных – 32396, всего 293628 чел., направлено на лесозаводы – 12425 чел. [22].

В рамках организации лесной промышленности на территории Северного края были построены в необжитых местах, глуши 201 спецпоселок [23]. В большинстве своем условия жизни в них не соответствовали элементарным требованиям выживаемости. Самым тяжелым на начальном этапе был вопрос обеспечения жильем. Строящиеся в срочном порядке бараки были фактически не приспособлены для жилья – с щелями, плохо отапливаемые, темные и тесные, они не соответствовали элементарным нормам [24].

Интересные данные о системе расселения Республики Коми приведены в справочнике, составленном И.Л. Жеребцовым “Где ты живешь” [25]. В справочнике приведено описание более чем 1500 населенных пунктов, из

них примерно 225 были созданы в 1930-е гг. и основная масса их – это поселки спецпереселенцев (например, поселки Бортом, Зимстан, Вожаель, Велдорья и др.). Наиболее многочисленной выступает группа лесных поселков (81), далее по численности следуют сельскохозяйственные (40), промышленные. Несколько населенных пунктов (например, пос. Аджером, пос. Лемты, Кедровый Шор и др., всего – 11) отмечены как лагерные пункты. Характерно и то, что основная масса спецпоселков прошла официальную регистрацию лишь во второй половине 1950-х гг.

Особенностью спецпоселков как на стадии их образования, так и их дальнейшего развития стала значительная роль государственных органов и хозяйственных организаций, на которые возлагались задачи обустройства ссылки. Поэтому они развивались в соответствии с разрабатываемыми планами и, кроме того, в отличие от традиционной деревни, на обустройство этих поселков и создание инфраструктуры государством выделялись определенные финансовые средства, пусть и незначительные. Но они, как не парадоксально, способствовали созданию в поселках спецпереселенцев культурно-бытовых условий, которые не всегда были доступными обычным уральским и северным деревням.

Литература и источники

1. См., напр.: Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е гг. // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С.3-10; Он же. Спецпоселенцы // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С.5-27; Он же. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. – 1992. – № 2; Кириллов В.М. История репрессий в Нижне-Тагильском регионе Урала. 1920–1950-е гг. В 2-х частях. – Нижний Тагил, 1996 и др.
2. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 59, л. 41-43.
3. РГАЭ. Ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 17-25.
4. Земсков В.Н. Судьба “кулацкой ссылки” (1930–1954) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 119, 122.
5. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 67, л. 132.
6. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 74а, л. 180.
7. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920 – начало 1950-х гг. – Ч. 1. – С. 128.
8. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 2, л. 222.
9. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 74а, л. 92-105.
10. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 63, л. 119.
11. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, л. 43.
12. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 3, л. 102.
13. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 2, л. 139.
14. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 91, л. 254.
15. Кириллов В.М. История репрессий в Нижне-Тагильском регионе Урала. 1920 – начало 1950-х гг. – Ч. 1. – С. 128.

16. Там же. – С. 126.
17. Земсков В.Н. Указ соч. – С. 138
18. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 1950-х гг. – Ч. II. – С. 7.
19. Там же. – С. 30.
20. Там же. – С. 68.
21. Там же. – С. 65.
22. Шубин С.И. Северный край в истории России. – С. 325.
23. Шубин С.И. Указ.соч. – С. 334.
24. Шубин С.И. Указ. соч. – С.335.
25. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Историко-демографический справочник. – Сыктывкар, 1994.

В.А. Саблин
(Вологда)

ДВАЖДЫ РЕПРЕССИРОВАННЫЕ (К ПРОБЛЕМЕ ВЫСЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ ИМУЩЕСТВ В 1920-е гг.)

Изменение социально-экономического и правового положения помещичьих хозяйств, прошедших испытание российской революцией 1917 г., и их судьба в 1920-е гг., к сожалению, до сих пор не стали предметом пристального историографического анализа. Сегодня исследователь знает гораздо больше о жизни российского дворянства в эмиграции, чем об оставшихся на родине. Между тем их проживание в советской России было поистине драматичным.

В начале XX в. помещичьи латифундии центральных и южных губерний России, наряду с крепкими крестьянскими хозяйствами, являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции на рынок. В нечерноземной полосе и в особенности на европейском Севере помещичья земля представляла собой довольно значительный фонд, фактически находившийся в арендном пользовании крестьянства.

Каков бы ни был статус помещичьих земель, отношение крестьян к этому виду собственности было на редкость единодушным. Деревня усматривала в сохранении помещичьего землевладения величайшую несправедливость и требовала его ликвидации и передачи крестьянству. Таким путем предполагалось решить извечную проблему малоземелья крестьянских общин.

Пришедшее к власти в марте 1917 г. Временное правительство одной из своих главных задач поставило задачу подготовки проекта аграрного

закона к предстоящему Всероссийскому Учредительному собранию. Созданные на местах по инициативе Временного правительства земельные комитеты (губернского, уездного и волостного уровней) разрабатывали особые технологии выявления общественных взглядов на эту проблему. К примеру, в Вологодской губернии это был вопросник "К разрешению земельной реформы в Вологодской губернии". Вопросник заполнялся волостными земельными комитетами. Мнение населения выражалось на сходах сельских обществ.

В свое время нам приходилось анализировать довольно многочисленные заполненные анкеты, сохранившиеся по ряду сельских обществ Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Мнения крестьян относительно помещичьих и иных владельческих земель были предсказуемыми: требование стопроцентной национализации земли, ликвидации помещичьего хозяйства и распределение частновладельческой земли и инвентаря по уравнилельно-трудовой норме между крестьянами того или иного сельского общества [1]. По сути своей это было требование юридического запрещения данного вида собственности.

В такой ситуации помещик оказывался без правовой и политической защиты со стороны государства. Даже партия кадетов, считавшаяся выразительницей интересов помещиков, в 1917 г. сначала непоследовательно, а потом и весьма категорично отказывала в праве на существование помещичьей частной земельной собственности. Во всяком случае, Земельный закон, принятый Всероссийским Учредительным собранием в январе 1918 г., признавал право на существование только трудового землепользования: "Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляется только в форме пользования" [2].

Большевистский Декрет о земле 1917 г. и Основной закон о социализации земли 1918 г. ликвидировали частную собственность на землю, поэтому бывшие помещики на основании параграфа 1 Инструкции переходных мер по применению "Основного закона" в принудительном порядке были выселены из принадлежавших им имений. Начался процесс уничтожения целого класса. Правовым основанием для этой первой кампании по ликвидации помещичьих хозяйств, если вообще можно вести речь о праве применительно к революционной эпохе, служила "революционная целесообразность" и безапелляционное мнение крестьянского сообщества.

Можно сегодня сколько угодно сетовать и сожалеть по поводу разграбленных и расхищенных имений, распыленной земли, снижения агрокультуры в силу того, что наряду с надельными помещичьи земли поступали в принудительный и, как правило, примитивный трехпольный севооборот. Факт остается фактом. На европейском Севере помещичьи имения были конфискованы в течение 1918-1919 гг. По данным на 15 сентября 1918 г. в Вологодской губернии было конфисковано 2 577 построек, 2132 головы

крупного рогатого скота, 2514 голов мелкого скота, 1676 единиц сельскохозяйственных орудий, 470 сельскохозяйственных машин, 6627 единиц сельскохозяйственного инвентаря и 63 единицы заводской техники [3].

Общая земельная площадь конфискованных частновладельческих земель на европейском Севере составила к концу 1920 г. свыше 300 тыс. десятин, из которых 208 тыс. были распределены между крестьянами на уравнильных началах, 15 тыс. десятин были переданы советским и "коммунальным" хозяйствам [4].

В эти же годы решилась и личная судьба большинства помещиков. В массе своей они утонули в пучине гражданской войны, либо эмигрировали из страны. Некоторая часть, лишившись земли, осталась на месте, получив землю в пользование на общих основаниях. Наркомат земледелия РСФСР своим Циркуляром от 16 сентября 1918 г. предоставил уездным земельным отделам право "оставить на месте тех бывших помещиков, кои своей деятельностью не проявляли контрреволюционных выступлений, но при условии ограничения их землепользования трудовыми нормами и обязательством вести хозяйство без наемного труда" [5]. Реальная жизнь оказалась разнообразнее и сложнее всякого рода формальных правовых оснований.

Какое количество бывших помещиков подверглось "окрестьяниванию" в общероссийском и региональном масштабе, еще предстоит выяснить. В любом случае это важно, так как в годы НЭПа именно их судьба вновь станет предметом пристального внимания политических, административных и хозяйственных органов.

С одной стороны, на протяжении всех 1920-х гг. бывшие помещики сохраняли статус хозяйствующих субъектов и наравне со всеми членами сельского общества подлежали "действию всех постановлений Земельного Кодекса 1922 года, касающихся трудового землепользования" [6].

С другой стороны, "эксплуататорское" прошлое автоматически лишало их многих политических прав и безусловных правовых гарантий.

Такое изначально двойственное положение бывшим помещикам в начале НЭПа не казалось столь очевидным. Некоторые из них даже пытались возбудить вопрос о возвращении им конфискованных в ходе аграрной революции имений. Сказывалась, вероятно, уверенность в глубокой качественной либерализации нового экономического курса.

Большевистское правительство сочло необходимым поставить все на свои места. 15 ноября 1922 г. был принят Декрет ВЦИК РСФСР "Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений", в котором подчеркивалось, что выселенные из имений помещики "утратили навсегда какие-либо права на свои имения и всякие домогательства их о восстановлении права на эти имения, полностью или частично, подлежат решительному отклонению" [7].

Этим же декретом воспрещалось отобрание земель у помещиков, которые после революции были наделены землей. Более того, указывалось на неправильность действий местных властей, которые своими распоряжениями выселяли бывших помещиков, получивших землю в трудовое пользование. Таким образом, законодатель до 1922 г. еще относил бывших помещиков к разряду "трудового населения".

Относительно мягкий период НЭПа закончился для бывших помещиков очень рано. Уже на XI съезде Советов РСФСР 29 января 1924 г. А.И.Свидерский (он выступал с докладом вместо заболевшего наркома земледелия А.П.Смирнова), отвечая на записки из зала почему не ликвидированы помещичьи владения, подчеркнул, что в этом вопросе "Рабкрин и НКЗ принимают самые крутые меры" [8]. Как бы в продолжение его заявления 31 мая 1924 г. Наркомзем РСФСР направил своим уполномоченным, областным и губернским земельным управлениям циркуляр "О предоставлении сведений о бывших частных землевладельцах (помещиках), оставленных в прежних их имениях". В циркуляре особо отмечалось, что "оставление бывш[их] помещиков в прежних их имениях" в 1918 г. допускалось "лишь в виде исключения" и таким образом мера эта "не могла и не должна была иметь сколько-нибудь широкого распространения". Было подчеркнуто, что с опубликованием Земельного кодекса всякого рода исключения в земельном пользовании потеряли свою силу. Наркомзем потребовал предоставить ему по определенной форме сведения о бывших помещиках, оставленных в прежних их имениях и тех "быв[ших] землевладельцев, коим были отведены земли... вне пределов бывших их имений" [9].

30 августа 1924 г. в газете "Сельскохозяйственная жизнь", официальном органе НКЗ РСФСР, появилась статья "Землепользование бывших помещиков", подписанная инициалами В.Л. (возможно, членом Коллегии НКЗ Ладисом). Формально статья носила характер инструкции к развернувшимся работам по земельной регистрации [10], но наряду с указанным выше циркуляром, на наш взгляд, содержала программные установки по развертыванию репрессивной кампании против бывших помещиков.

Автор выделял два условия, создававших, по его мнению, права на землепользование: трудовой характер пользования, т.е. применение личного труда и "закономерность". В связи с этим делался вывод о том, что "все землепользования бывш[их] помещиков, не обоснованные на постановлениях уездных земотделов и не получивших в той или иной форме санкций этих органов, с точки зрения земельного законодательства Республики являются незаконными. Землепользователи этой категории должны рассматриваться в качестве граждан, желающих получить землю для трудового использования, хотя бы в действительности они эту землю уже имели" [11].

С мая 1924 г. в Наркомат земледелия с мест стали поступать списки бывших помещиков. 13 декабря при Управлении землеустройства и мелиорации и Госземимуществ НКЗ была создана комиссия "по проверке прав землепользования бывших помещиков и других нетрудовых землепользователей". На своем заседании 17 декабря 1924 г. комиссия рассматривала список из 37 бывших помещиков Вологодской губернии. Было принято решение о выселении 19 человек "как не оформивших своего землепользования в порядке Циркуляра Отдела текущей земельной политики № 13 от 16 сентября 1918 г." [12]. Список из Северо-Двинской губернии был составлен 29 декабря и включал в себя 72 чел. в прошлом "мелких частных владельцев большей частью из крестьянской среды" [13].

Решение комиссии о выселении стало претворяться в жизнь. В марте 1925 г. в Вологодской губернии было выселено шесть бывших помещиков [14]. Маховик репрессий был приведен в движение. Правда, на первых порах власти объясняют свои действия формальными правовыми основаниями.

С весны 1925 г. борьба против бывших помещиков окончательно приобретает характер политической кампании. 29 марта было опубликовано Постановление Президиума ЦИК СССР "О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах". Особо не стесняя себя правовыми рамками, Центр обвинил всех бывших помещиков в разрушении доверенного им имущества, эксплуатации крестьян и самое главное "непримиримо-враждебном отношении" к большевистской власти. В Постановлении подчеркивалось, что "значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контр-революционном движении и в продолжении 7 лет ведет в деревне явную и скрытую контр-революционную агитацию против мероприятий советской власти, направленных к подъему крестьянского хозяйства, а равно использует и поддерживает пережитки старого режима – покорность и страх перед помещиком – в наиболее отсталых слоях крестьянства".

Тон Постановления категоричен: "Бывшие помещики из дворян и их семьи лишаются права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания декрета о земле 26 октября 1917 года, и ныне находящихся полностью или частично в их фактическом пользовании" [15]. Наряду с помещиками должны были быть выселены и бывшие землевладельцы "не из дворян", если будет доказан "кабальный характер их отношений с окрестным населением". Все мероприятия по выселению возлагались на исполнительные органы власти. Для урегулирования всех проблем должны были быть созданы межуведомственные комиссии (своеобразные "тройки") из представителей ОГПУ, земельных органов и прокуратуры.

4 мая 1925 г. состоялось совещание представителей Наркомата земледелия РСФСР, ОГПУ, Наркомюста, НКВД по рассмотрению инструк-

ции по применению постановления Президиума союзного ЦИКа [16]. Принятая инструкция была оформлена в виде Декрета ВЦИК и СНК РСФСР, который был утвержден 22 июня и 28 июня 1925 г. появился в печати.

Выселение помещиков планировалось провести не позднее 1 января 1926 г. В первую очередь выселялись помещики из приграничных районов. Выселяемые сохраняли права на личное имущество, "предметы питания", урожай озимого посева 1924 г. и ярового посева 1925 г. Предусматривалась вероятность обжалования решений комиссий по выселению в вышестоящих инстанциях [17].

Сравнительно мягкие условия ликвидации бывших помещичьих хозяйств, с одной стороны и, фактическое отсутствие реальных помещиков в СССР, с другой, не придали кампании ожидаемого эффекта. К примеру, заместитель заведующего Вологодского уездного земельного управления отмечал в своем отчете, что возможность обжалования решений комиссий по выселению, непомерно затянули выселение помещиков: "Все эти распоряжения: выселить, приостановить, оставить и обратно, безусловно, ставили места в недоумение. Население недовольствовало, а помещиков [ставило] на высоту своего положения. Отсюда вытекали следующие явления: ВИКи, получая различные распоряжения, относились к ним без должного внимания, ожидая, что поступит другое противоречивое распоряжение. Помещики, видя, как одного за другим оставляют по постановлению центра в своих имениях, начали подавать массовые заявления с протестами, а население, недовольствуя медленным ходом выселения, отмечали это на волостных съездах Советов" [18].

После того как сроки ликвидации хозяйств и выселения бывших помещиков были передвинуты до 1 августа 1926 г., ходом кампании заинтересовались центральные контролирующие органы. 18 сентября 1926 г. в ЦКК-РКИ был заслушан первый доклад сектора контроля по этой проблеме, 9 апреля 1927 г. – второй. Количество выселенных к этому времени составило по стране в целом 75%. 30 ноября 1927 г. Президиум ЦКК-РКИ после очередного отчета сектора контроля поручил соответствующим органам закончить выселение помещиков.

Кампания завершилась к 20 июня 1928 г. В 10 автономных республиках и губерниях, в том числе Карельской АССР, Коми АО, Архангельской и Мурманской губерниях помещиков к тому времени не было и здесь кампания не проводилась. В 38 губерниях РСФСР было выселено 3725 бывших помещиков. В Вологодской губернии было ликвидировано 31 хозяйство, в Северо-Двинской – 12 хозяйств [19].

По имеющимся сведениям о 21 ликвидированном помещичьем хозяйстве Вологодского уезда Вологодской губернии в большинстве из них земля была национализирована еще в 1918 г. Во время второй кампании кон-

фисковался в основном сельскохозяйственный инвентарь, скот, техника и постройки [20].

Таким образом, выселение бывших помещиков превратилось в 1920-е гг. в кампанию по уничтожению чуждой Системе социальной прослойки общества. Главной причиной, вызвавшей применение насилия в отношении бывших помещиков, являлось их "эксплуататорское" дореволюционное прошлое. Сам ход и идеологическое наполнение кампании послужили своеобразной базой для развертывания более масштабной кампании по "ликвидации кулачества как класса".

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 99-01-00356.

Литература и источники

1. Саблин В.А. Важный источник для изучения крестьянских представлений о решении аграрного вопроса в России // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений (Казань, 22-25 октября 1986 г.). – М., 1986. – С. 114.

2. Учредительное собрание. Россия. 1918 г.: Стенограмма и другие документы / Сост. Т.Е. Новицкая. – М., 1991. – С. 158.

3. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 67, оп. 1, д. 106, л. 1-6; Д. 107, л. 1, 3; Д. 108, л. 1, 2; Д. 109, л. 1-2; Д. 110, л. 1, 2; Д. 111, л. 1, 2; Д. 112, л. 1, 2; Д. 114, л. 1-76; Д. 115, л. 2-265; Д. 121, л. 1; Д. 122, л. 1-166; Д. 123, л. 2-146; Д. 125, л. 1-50; Д. 317, л. 1; Д. 318, л. 3; Д. 319, л. 1.

4. Саблин В.А. Земельная политика партии в северной деревне 1917-1920 гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период): Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1988. – С. 121.

5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. № 25. Ст. 346.

6. СУ РСФСР. 1922. № 76. Ст. 946.

7. Там же.

8. Сельскохозяйственная жизнь. – 1924. – № 5. – С. 8.

9. Сельскохозяйственная жизнь. – 1924. – № 24. – С. 23-24. Местным земельным органам предлагалось составить особый список с указанием фамилий бывших владельцев, количества едоков, трудовой земельной нормы в данном регионе, размера полученного земельного участка, количества жилых и хозяйственных построек, скота, сельскохозяйственных орудий и инвентаря, переданных в пользование вместе с землей, названия органа, сделавшего распоряжение о передаче земли бывшему помещику, сохраняет ли землепользование трудовой характер.

10. Земельная регистрация в 1920-е гг. проводилась на основе Земельного кодекса РСФСР и принятой в развитие его положений инструкцией НКЗ от 27 июля 1923 г. Подробнее об этом см.: Колотинская Е.Н. Правовые основы советского земельного кадастра. Ч. 1. – М., 1974. – С. 91-142.

11. Сельскохозяйственная жизнь. – 1924. – № 36. – С. 5-6.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478, оп. 7, д. 2248, л. 1-6.
13. РГАЭ. Ф. 478, оп. 7, д. 3270, л. 1.
14. Там же. Д. 2248, л. 9.
15. Постановление было принято 20 марта 1925 года. См. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1925. № 21. Ст. 136.
16. РГАЭ. Ф. 478, оп. 7, д. 3164, л. 36.
17. СУ РСФСР. 1925. № 44. Ст. 328.
18. ГАВО. Ф. 267, оп. 1, д. 1676, л. 10.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374, оп. 27, д. 107, л. 19-21.
20. ГАВО. Ф. 267, оп. 1, д. 1676, л. 1-9.

Приложение:

Доклад заместителя заведующего Вологодским уездным земельным управлением “О результатах кампании по выселению бывших помещиков в порядке декрета ВЦИК и СНК от 29 марта 1925 года”:

“В Вологодское губернское земельное управление.

Копия Вологодскому уездному исполнительному комитету.

К настоящему времени выселены следующие помещики:

1. Ведрова Парасковья Михайловна.

Имение “Неверовское” Шипяковской волости.

Имеющиеся у нее ранее земля, постройки, скот и сельскохозяйственный инвентарь, изъяты еще в 1918 году. Затем, с течением времени, на указанной выше земле организовалось Неверовское сельскохозяйственное товарищество, куда все постройки, скот и инвентарь перешли в пользование как госимуществу. Сама Ведрова, до момента ее выселения, состояла членом товарищества и являлась, как председатель. При выселении ее, все имущество, как было, так и осталось в указанном товариществе.

2. Волоцкая Наталия Александровна.

Село “Барское” Шепяковской волости.

При фактическом выселении помещицы Волоцкой изъято из пользования по постановлению народного суда: одна паровая мельница с двумя десятинами земли, которая по имеющимся сведениям, передана ВИКом в пользование ВККОВА. Имевшиеся у нее ранее: земля, постройки и сельскохозяйственный инвентарь, изъятый еще в 1918 году, как национализированное, и затем было организовано сельскохозяйственное товарищество “Красная заря”, которое с течением времени самоликвидировалось. В данное время вся земля по селу “Барское” передана в постоянное трудовое пользование бывшим членам товарищества с доприселением известного количества едоков и организацией земельного общества.

3. Кудрявый Николай Андреевич.

Село “Мосейково” Шепяковской волости.

Земельная площадь в количестве 21 десятины еще до момента его выселения была использована мелиоративным товариществом "Пионер".

При фактическом выселении изъято следующее количество: жилых домов – 2, скотный двор – 1, каретник – 1, лошадь – 1, погреб – 1, сарай – 1, разный сельскохозяйственный инвентарь – 7, коров – 2.

За исключением одного жилого дома, лошади и двух коров перечисленное имущество реализовано в 1925 году: остался один дом – передан ВИКу для использования под школу, лошадь была передана ВИКу, а затем в усадьбу Порошина для использования [в] сельхозартели "Пчела", две коровы переданы в Ермоловскую артель Пригородной волости.

4. Шеины Виктор и Ольга Петровичи.

Село Дудкино Шепяковской волости.

Построен и другого сельскохозяйственного инвентаря в момент выселения не имели. Земельная площадь, в количестве 7 десятин, в следствии того, что Шеины с 1918 года в указанной усадьбе не проживали, – использовалась соседними гражданами, за которыми в настоящее время и осталась.

5. Белозеровы Христофор и Михаил.

Усадьба "Власово" Шепяковской волости.

Хотя Белозеровы в данной усадьбе не проживали фактически и ничем не пользовались, но, тем не менее, уездная и губернская комиссии выселение своими постановлениями подтвердили. В момент проведения в исполнение указанных постановлений по усадьбе "Власово" оказалось: 120 дес. земли, используемых по договору с Уземуправлением Мироносецким сельскохозяйственным товариществом, и следующее имущество, которое фактически реализовано в 1925 году: жилых домов – 2, конюшня – 1, скотный двор – 1, овин – 1, амбар – 1, погреб – 1, баня – 1, сараев – 2, сельскохозяйственного инвентаря – 9.

В настоящее время Мироносецкого товарищества, как такового, не существует, ибо последнее еще ранее нарушили устав товарищества и перешли к единоличным формам землепользования. Земельная площадь по распоряжениям НКЗ и ГубЗУ фактически передана в трудовое пользование соседним деревням.

6. Пулькин Сергей Васильевич.

Усадьба "Зиновка" Володарской волости.

В момент выселения изъята земля в количестве около 62 десятин и имущество, которое выражается следующим количеством:

постройки:

жилых домов – 2, амбар – 1, скотный двор – 1, баня – 1, сараев – 6, погреб – 1, овин с гумеником – 1, кирпичный завод – 1, жилая изба – 1;

мертвый сельскохозяйственный инвентарь:

косилка пароконная – 1, грабли конный – 1, вилы стальные – 1, андрец двухколесный – 1, пролетка – 1, молотилка с конным приводом – 1, тарантас – 1, телега-одноколка – 1, саней – 2, плугов однолемешных – 2, дровни зимние – 2, пожарная машина – 1, железных борон – 2, [борон] деревянных – 1;

живой инвентарь: лошадей рабочих – 1, коров – 5, телок – 2, овец – 3, бычков – 2.

В указанной усадьбе организован коллектив, которому передано все имущество и земля за исключением скота, переданного сельхозартели "Северное хозяйство".

7. Волков Арсений Николаевич.

Село "Мартьяново" Володарской волости.

Земельная площадь после выселенного помещика Волкова определяется в 11 десятин.

Постройки:

жилых домов – 2, скотный двор – 1, кладовая – 1, гуменник – 1, сараев – 2, хлевов для скота – 2;

Мертвый сельскохозяйственный инвентарь:

плуг однолемешной – 1, железная борона – 1, телега – 1, скатных колес – 4, сани простые – 1, хомутов – 2, шлей – 1, молотилка – 1;

живой инвентарь:

лошадь рабочая – 1.

Земельная площадь используется ККОВ, постройки и лошадь проектируются к передаче ВИКу, остальной инвентарь – к реализации.

8. Волоцкая Нина Петровна.

Хутор "Владимировка" Пригородной волости.

После выселения помещицы Волоцкой освобожден хуторской участок площадью в 6 десятин, который передан для использования обществу граждан деревни Белое Пригородной волости. Вся земля, постройки и сельскохозяйственный инвентарь, национализированные у помещицы Волоцкой в 1918 году, перешли в пользование Раскопинской сельскохозяйственной артели и в дальнейшем реализованы.

Всего фактически реализовано: домов – 1, конюшня – 1, погребов деревянных – 1, флигелей – 5, скотный двор – 1, бык – 1, сараев – 1, сеновалов – 1, каретник – 1, гуменник с овином – 1, лошадей – 1, коров – 5, сельскохозяйственного инвентаря – 29.

При выселении изъято ничего не было.

9. Богословская Мария Павловна.

Усадьба "Дудинское" Пригородной волости.

Освободившаяся земельная площадь в размере $6 \frac{3}{4}$ десятин присоединена к землепользованию по усадьбе "Чехолдино – Дудинское" и передано в пользование бывшим членам артели "Северный пахарь" с организацией земельного общества и выселка.

Изъятые постройки в количестве: домов жилых – 1, погребов – 1, амбар – 1, каретник – 1;

сельскохозяйственный инвентарь: плуг пароконный – 1, молотилка деревянная – 1, седелок – 2, хомутов – 2, беговых дрожек – 1, линейка – 1, одноколок – 2, сеялка – 1, каток для овса – 1, дуг – 2, сани – 1, дровни – 1, кур – 4.

Как совершенно не годные к употреблению будут назначены к реализации.

10. Соловьева Александра Александровна.

Усадьба "Коротково" Угольской волости.

Освободившаяся земельная площадь в количестве 10 десятин проектируется

использовать путем перевода батрака Журкова из усадьбы "Любомирово" в указанную усадьбу в следствии того, что в усадьбе "Любомирово" организована Школа крестьянской молодежи.

Изъятые постройки в количестве: жилых домов – 3, маслодельный завод – 1, конюшня на каменных столбах – 1, ледник – 1, дровяник – 1, сеновалов – 2, гуменник – 1, амбаров – 2, баня – 1, машинный сарай – 1. Будут назначены к реализации. Мертвого и живого инвентаря нет.

Причины позднего хозяйственного назначения указанной усадьбы являются те, что рассмотрение жалобы Соловьевой ВЦИКом последовало лишь только в конце июля текущего года.

11. Семенов Василий Яковлевич.

Усадьба "Любомирово" Угольской волости.

На освободившейся земельной площади в количестве 32 десятин организована Школа крестьянской молодежи, которой передана земля, постройки и весь живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь.

Построек:

жилых домов – 2, амбаров – 2, скотный двор – 1, каретник – 1, сеновалов – 2, гуменник – 1;

мертвый сельскохозяйственный инвентарь:

плугов – 3, борон – 4, окучников – 1, косилка – 1, пожарных машин – 1, веялка – 1, шлей рабочих – 3, узд рабочих – 2, конные грабли – 1, точильный аппарат – 1, подпруг – 3, седелок – 2, тарантас – 1, дровни – 1, возжей – 3, хомутов – 3, дуг рабочих – 2, телег – 3, дрожки – 1, мелкий сельскохозяйственный инвентарь – 30;

живой инвентарь:

лошадей – 2, коров – 3, телок – 2, бычок – 1.

12. Лаунеры Карл Иванович и Иван Иванович.

Усадьба "Дмитриевское" Владыченской волости.

После выселения братьев Лаунер из освободившейся земельной площади в количестве около 88 десятин со стороны Уезуправления были неоднократные попытки создать показательное коллективное хозяйство из наиболее культурного и сознательного слоя крестьянства. На первых порах создание коллектива поимело успех и коллектив при ближайшем участии ВИКа был создан. Последнему вместе с землей было передано следующее имущество, изъятые от пользования бывших владельцев усадьбы:

1. Лаунер Карл.

Постройки: домов жилых – 1, погребов – 2, баня – 1, овин – 1, рига – 1, гуменник – 1, сараев – 7, мельница ветряная – 1, коровник – 1, амбар – 1, дворов для скота – 2, дровяник – 1;

сельскохозяйственный инвентарь:

плугов – 2, культиватор – 1, тарантас – 1, саней – 1, борон – 1, веялок – 1, телег – 1, дровней – 2, хомутов – 3, седелок – 3, шлей – 3, косилка – 1.

2. Лаунер Иван.

Постройки: жилых домов – 2, баня – 1, амбар – 1, овинов – 2, сараев – 6, водогрейка – 1, двор – 1, каретник – 1, погреб – 1, гуменник – 1, хлебов для телят – 1.

Сельскохозяйственный инвентарь:

плугов однолемешных – 2, борон – 2, сортировка – 1, хомутов – 2, тарантас – 1. Телег с колесами – 4, саней – 1, шлей – 2, седелок – 2.

Весь живой инвентарь обоих братьев распределен следующим образом:

1. Сельскохозяйственной артели “Смена”: коров – 5, овец – 1, телят – 4, быков – 2, ягнят – 3.

2. Сельскохозяйственной артели “Ермоловской”: коров – 5, телят – 3, быков – 2.

3. По постановлению уездной межуведомственной комиссии одна корова отдана обратно Лаунер Карлу вследствие крайне бедственного положения и

4. Одна корова передана батраку.

Лошадь передана ВИКу для использования главным образом нужд участкового агронома.

В дальнейшем организованный коллектив распался. Часть семейств выбыла обратно. В данное время организован выселок из наиболее малообеспеченных граждан Владыченской волости.

13. Васильев Михаил Анатольевич:

Усадьба “Гнусилово” Владыченской волости.

Оставшаяся земля, в количестве около 20 десятин, предназначена по постановлению УЗУ и ГЗУ к передаче в ведение ККОВ для организации общественно-показательной запашки.

Постройки: жилых домов – 2, скотный двор – 1, каретник – 1, хлебный амбар – 1, баня – 1, конюшня – 1, сараев – 2, погреб – 1, овин – 1, гуменник – 1;

сельскохозяйственный инвентарь: пароконная косилка – 2, конные грабли – 1, жнейка пароконная – 1, плугов – 3, шлей – 2, веялка – 1, молотилка – 1, борон – 8, хомутов – 3, седелки – 2, мелкого инвентаря – 7 назначены к реализации, за исключением построек, переданных ВИКу для организации школ, больниц и т.д.

14. Лихачев Иван Иванович.

Усадьба “Дудкино” Владыченской волости.

По постановлениям УЗУ и ГЗУ земельная площадь по усадьбе “Дудкино” в количестве 11 десятин передана в распоряжение ВИКа для организации семеноводческого товарищества. Имеющиеся постройки: жилых домов – 1, скотный двор – 1, ремонтный сарай – 1, водогрейка – 1, гуменник – 1, каретник – 1, амбаров – 2, сараев – 5, баня – 1, овин – 1, конюшня – 1 переданы ВИКу для использования под общественные нужды.

Сельскохозяйственный инвентарь: плугов – 2, косилка – 1, сортировка – 1, хомутов – 3, шлей – 1, седелок – 2, борон – 2, конные грабли – 1, телег – 2, саней – 1, колес – 8, тарантас – 1.

Скот – одна корова передана Ермоловской артели. Мертвый сельскохозяйственный инвентарь будет назначен в Госфонд и реализован.

15. Белоусов Григорий Иванович.

Хутор “Прокшино” Тошне-Емской волости.

Сам Белоусов, как имеющий вторую семью в городе Вологде выселен и лишен землепользования. Семья его во главе с сыном-общественником оставлена с передачей по хутору “Прокшино” всего имущества и земли.

16. Маак Владимир Оскарович.

Хутор "Нагорное-Логиново" Тошне-Емской волости.

Освободившаяся земельная площадь в количестве 11 десятин передана ККОВу для организации общественной запашки. Постройки в количестве одного жилого дома и одной служебной постройки, сельскохозяйственный инвентарь: косилка – 1, грабли – 1, плуг – 1, соломорезка – 1, веялка – 1, борона – 1 будут назначены к реализации.

17. Петрова А.

Усадьба "Шадрино" Тошне-Емской волости.

Фактически кроме земли ничего не имела. По выселении на указанной земле, в количестве около 24 десятин, организован выселок.

18. Викторова Анна Аркадьевна .

Село "Кряжево" Новленской волости.

Освободившаяся земельная площадь, примерно до 40 десятин, после неудачных попыток организовать коллектив, была передана в трудовое пользование местному населению.

Постройки: жилой дом – 1, двор скотный – 1, хлебный амбар – 1, баня – 1, овин с гуменником – 1, конюшня-сарай – 1, погреб – 1, сеновалов – 2;

мертвый сельскохозяйственный инвентарь: плугов – 2, борон – 1. Жнейка – 1, хомутов – 1, тарантас – 1, веялка – 1, телега – 1, сани-возок – 1, шлей – 1, дуг – 1; скота: лошадь – 1, быков – 1, коров – 4, молодняка – 3.

Все имущество, за исключением скота, переданного сельскохозяйственной артели "Смена", будет назначено к реализации.

19. Полевая-Кудрявая Мария Игнатьевна.

Усадьба "Коротыгино" Владыченской волости.

Вскоре после национализации земли и имущества, принадлежащего Полевой-Кудрявой, в указанной усадьбе был организован сельскохозяйственный коллектив "Ясная поляна", которому и передано все имущество и земля. Сама помещица, не желая расстаться с нажитым добром, сумела под каким-то видом втереться в доверие к членам коллектива, вступила сама членом такового и заняла руководящую роль председателя. Под ее руководством артель самоликвидировалась и перешла к единоличным формам землепользования. Все это было учтено и отмечено актом комиссии, обследовавшей данную усадьбу.

В дальнейшем Полевая-Кудрявая за ее разлагающее влияние на коллектив и как социально-чуждая трудовому крестьянству была административно выселена. Межведомственные комиссии только подтвердили факт выселения.

Артель "Ясная поляна" не существует. Земля передана бывшим членам таковой в постоянное трудовое пользование с доприселением и организацией земельного общества. Постройки переданы ВИКу, оставшийся инвентарь назначен к реализации.

20. Буман Христофор Федорович.

Усадьба "Белозерово" Кубено-Озерской волости.

В указанной усадьбе помещик Буман давно не проживает. Последняя с момента национализации и с течением времени перешла в ведение

ГУБСЕЛЬТРЕСТА, как приселок к одному из совхозов. Таким образом ни земли ни имущества в момент выселения отобрано не было.

Заключение.

Из всех намеченных уездной комиссией по выселению бывших помещиков к выселению 51 семейства, в настоящее время: выселено – 21, приостановлено по распоряжению губернских органов – 3, и оставлено вовсе, как не подпадающих под действие декрета от 25 марта 1925 года 27 семейств.

К числу положительных сторон проводимой кампании относится твердая линия Уезуправления по отношению хозяйственного назначения имущества после выселенных помещиков в сторону использования его под агрокультурные общественно-показательные мероприятия, а также для усиления действующих коллективов и совхозов.

К числу отрицательных моментов относятся: прежде всего затяжной характер, который приняла кампания в последнее время. Причины этого кроются, главным образом, в следующем: часть помещиков, недовольные постановлением губисполкома, непосредственно едут в Центр, обставляют дело в таком виде, что его запрашивают, рассматривают и отменяют постановления ГИКа. Но хуже всего получается, когда бывает такая картина: пример, был назначен к выселению помещик Озоль. Постановлением ВИКа и Укомиссии последний, как подпадающий под известный пункт декрета о выселении, – выселяется. Постановлением Губернской комиссии дело решено доследовать. Заседанием Президиума ГИКа Озоль выселяется. По распоряжению Губкомиссии выселение приостанавливается, ввиду подачи жалобы Озодем губпрокурору. После просмотра дела губпрокурор дает распоряжение выселить. Затем по распоряжению Прокурора Республики выселение опять приостанавливается. И, в конце концов, Озоль по постановлению ВЦИКа оставлен в своем имении.

Все эти распоряжения: выселить, приостановить, оставить и обратно, безусловно, ставили места в недоумение. Население недовольствовало, а помещиков [ставило] на высоту своего положения.

Отсюда вытекали следующие явления: ВИКи, получая различные распоряжения, относились к ним без должного внимания, ожидая, что поступит другое противоречивое распоряжение. Помещики, видя, как одного за другим оставляют по постановлению Центра в своих имениях, начали подавать массовые заявления с протестами, а население, недовольствуя медленным ходом выселения, отмечали это на волостных съездах Советов. Даже в данное время, спустя больше года времени после начала кампании по выселению бывших помещиков остается вопрос невырешенным еще с тремя помещиками.

Зам. зав. УЗУ – Першанов

Секретарь Трапезников”.

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КРЕСТЬЯНСТВА В 20-30-е гг. XX в. В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере интерпретации социальной группы "кулак")

1. Трактовка классовой структуры российской деревни в советской литературе. Анализу социальной структуры российского крестьянства и государственной политики в деревне в 1920–1930-е гг. посвящены специальные историографические исследования [49; 50; 53; 54]. Это позволяет ограничиться формулировкой лишь основных положений, которые господствовали в советских представлениях о социально-экономической структуре крестьянства и, в частности трактовки "класса" кулачества. Литература, анализируемая в статье, прошла через критический авторский отбор: основное внимание сосредоточено на тех публикациях, в которых формулировались положения и высказывались идеи, представляющие особую значимость для оценки современного этапа исследования проблемы. Цель отбора – зафиксировать ту исходную основу, по отношению к которой можно было бы оценивать современные концепции и ответить на вопрос: как изменилось традиционное видение и какие из его элементов сохранились в дальнейшем?; появился ли действительно новый взгляд, или это новое не более чем отблеск старого, приукрашенного новой терминологией.

Методологический подход, на котором строилась вся советская концепция, назывался в российской литературе "ленинской методологией классового анализа". Социальная структура общества в целом или его подразделений (в частности деревни) является, – по мнению исследователя, – следствием и выражением системы социально-экономических отношений, сложившихся на данном этапе исторического развития" [14. – С. 296.]. При характерной для советской науки абсолютизации экономического критерия социальной дифференциации определяющим (и практически единственным) признаком класса признавалось отношение к средствам производства и характеру труда*. Все социальные различия в крестьянстве 1920-1930-х гг.

* Абсолютизация экономического критерия социальной дифференциации определила то особое внимание, которое ученые уделяли социально-экономической структуре крестьянства. Советскими историками введен в научный оборот огромный фактический материал, раскрывающий динамику имущественной дифференциации в 20-е гг., распространение отношений найма-сдачи средств производства, аренды земли и наемного труда. (П.Н.Першин, А.Ю.Поляков, В.Н.Яковецкий, Л.И.Боженко, Н.Я.Гущин и др.). Особая роль в изучении социально-экономических отношений в крестьянстве в 20-е гг. принадлежит В.П.Данилову.

сводились преимущественно к различиям, обусловленным принадлежностью к классу (классовому слою).

Одной из важнейших особенностей социального развития деревни в 1920-е гг. было, по мнению исследователей, "столкновение двух противоположных процессов – стихийного процесса классового расслоения крестьянства, образования в деревне буржуазии и пролетариата, с одной стороны, и сознательно организуемого государственной властью процесса осереднячивания посредством помощи бедноте, поддержки середнячества и ограничения кулачества – с другой"; "соотношение классовых групп в каждый данный момент и изменения в их соотношении были результатом взаимодействия всех сил, отношений и связей, всех факторов социальной эволюции" [14. – С. 11]. Регулирование государством социальных процессов: протекционизм в отношении бедноты и ограничение кулачества – центральная проблема всех исследований, посвященных изучению социальной структуры деревни.

Историографической аксиомой советской литературы стал "официальный образ" классовой структуры крестьянства: батраки, бедняки, середняки и кулаки. Анализируя "типологические черты социальных групп" в деревне 1920-х гг., исследователи акцентируют свое внимание на "полярные группы": пролетарские (батрацкие) и капиталистические (кулацкие) [35. – С. 283-284, 291].

Наибольший интерес с точки зрения сформулированной темы и сравнительного анализа с оценками современных исследований представляет характеристика в советской литературе политики в отношении кулачества и трактовка социальной группы "кулачество" и группы "раскулаченные" крестьяне.

В советской исторической литературе термины "кулак" и "сельская (крестьянская) буржуазия" рассматриваются как синонимические. "Кулачеством" называется социально-экономический слой "капиталистических предпринимателей в земледелии, живущих за счет капитала, накопленного на эксплуатации трудящегося крестьянства". К признакам кулачества (крестьянской буржуазии) исследователи относят "эксплуатацию наемного труда, содержание торгово-промышленных заведений, ростовщичество". Практически во всех исследованиях отмечается, что кулачество "проявило себя непримиримым врагом социализма" [9. – С. 262; 41. – С. 207; 67. – С. 174; 44. – С. 106].

В официальной идеологии и ортодоксальных исследованиях советских историков в политике власти в отношении кулачества в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. выделялись два этапа: политика "наступления", "ограничения и вытеснения кулачества" ("подготовительная стадия к ликвидации капиталистических элементов в деревне") и политика "ликвидации кулачества как класса". Как правило, историки подчеркивали "коренное отличие" двух этапов. Политика "ограничения", проводившаяся до начала

1930-х гг., была направлена “на ослабление кулачества, на подрыв его позиций в деревне. Не выходя из рамок политики “ограничения”, она имела целью “подрыв экономических источников существования”, существенное ослабление его производственных и социально-политических позиций в деревне; кулаки при этом “сохраняли в своем пользовании землю, а в собственности – рабочий скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь”. Политика “ликвидации кулачества как класса” “означала изъятие у кулачества всех средств производства и уничтожение его как социально-экономической категории” [44. – С. 108; 68. – С. 188, 195, 213-214, 237].

В некоторых работах историков 1960-1980-х гг. высказывалась принципиально иная оценка результатов политики наступления на кулачество и времени перехода к массовой экспроприации кулачества и ликвидации “кулачества как класса”: “решительное наступление против кулачества в 1928-1929 гг. привело к “свертыванию кулацкого производства и массовой ликвидации кулацких хозяйств”. В исследованиях приводятся данные о массовой экспроприации кулацких хозяйств в отдельных районах страны до законодательного закрепления политики “ликвидации кулачества как класса” [1. – С. 90; 11. – С. 198; 28. – С. 115; 36. – С. 210; 46. – С. 174; 53. – С. 168-169; 62. – С. 458].

Трактовка в советской литературе “социально-экономической категории”, раскулаченной в первой половине 1930-х гг., тесно связана с признанием факта раскулачивания “не только кулаков, но и середняков и даже бедняков” [68. – С. 243]. Естественно, что раскулачивание середняков и бедняков оценивается как “недостатки”, “левацкие ошибки”, “перегиб”, отступление от генеральной линии партии”.

Приведу две типичные характеристики, взятые из обобщающих работ: “В практике ликвидации кулачества были допущены серьезные ошибки и извращения... В нарушение четких и ясных директив партии во многих районах раскулачивание проводилось огульно, в большой спешке и сильно затронуло середняка... ЦК партии пресекло огульное раскулачивание, затронувшее середняков” [11. – С. 219-220].

“К середнякам, отказавшимся вступать в колхозы, применяли административные меры. В результате в разряд “кулаков” попадала иногда часть середняков и даже бедняков, причем в ряде районов процент “раскулаченных” вырос до 15, а лишение избирательных прав – до 15-20%. ...В период хлебозаготовок твердые задания по сдаче хлеба устанавливались не только для кулаков, но и для наиболее крепких середняцких хозяйств, которые нередко механически зачислялись в разряд кулаков” [34. – С. 62-63].

* В литературе высказывалась также и иная точка зрения на причины “перегибов”; некоторые историки объясняли “перегибы” “неправильными установками И. Сталина по вопросам ликвидации кулачества как класса и темпов коллективизации” [45; 46; 70].

2. Дискуссии о социальной структуре в литературе второй половины 80-х – 90-е гг. Характер дискуссий, развернувшихся в современной исторической и историко-публицистической литературе был четко сформулирован В.П.Даниловым: “что представлял собой бедняк, середняк и кулак в советской деревне: были ли они реальными социальными фигурами, или же мы имеем дело всего – навсего с идеологическими персонажами, мифами?” [37. – С. 31]. Эта формулировка четко обозначила две основные, причем взаимно исключающие друг друга, позиции в трактовке проблемы.

Новая для отечественной литературы точка зрения связана с оценкой дифференциации крестьянства 1920-х гг. как экономической и, следовательно, с *отрицанием социально-экономической (“классовой”) дифференциации*: в крестьянстве были бедняцкие, середняцкие и зажиточные хозяйства, “в деревне были только зажиточные трудовые крестьяне” и “никакой сельской буржуазии не существовало”. По мнению исследователей, единственным признаком отнесения к кулакам (сельской буржуазии) был политический – отношение к власти. “Термин “кулак” употреблялся по отношению к зажиточным крестьянам, настроенным против Советской власти”; кулак – это “идеологический персонаж” [60. – С. 170; 66. – С. 22].

Возникновение в 1990-е гг. точки зрения о кулаке как “идеологическом персонаже” связано, по моему мнению, со стремлением ученых разрешить противоречие между традиционной концепцией кулачества как социально-экономической группы сельской буржуазии и новыми данными о масштабах раскулачивания, затронувшего значительно больше крестьян, чем числилось сельской буржуазии в официальных данных конца 1920-х гг.

Сторонники традиционной для нашей литературы позиции придерживаются точки зрения о *социально-экономическом характере дифференциации* в 1920-е гг., т.е. признают факт расслоения крестьянства “на социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые и эксплуатирующие” [39. – С. 33]. Критикуя “ошибочность появившихся в

* Исследователи, придерживающиеся традиционной точки зрения на характер дифференциации крестьянства в 1920-е гг., объясняют возникновение новой позиции “стремлением некоторых ученых и публицистов отмежеваться от пресловутого “классового подхода”. Это стремление, по мнению И.Е.Зеленина, “вполне понятно, так как на основе этого подхода в деревне, начиная с Октября 1917 г., творилось много безобразий и жестокостей”. Для исследователей, пытающихся “сконструировать иные принципы выделения групп и слоев доколхозной деревни”, свойственная, как пишет И.Е.Зеленин “иллюзия, что стоит все переписать “с точностью наоборот”, и можно будет найти правильную методологию исследования”. “Но не надо путать объективные исторические процессы, – считает И.Е.Зеленин, – и идеологические установки политической элиты” [57. – С. 23; 58. – С. 101].

печати утверждений о том, что в послереволюционной деревне не оставалось социального расслоения", В.П.Данилов отстаивает точку зрения, что "социальное расслоение крестьянства в 1920-е гг., наличие в нем формирующегося эксплуататорского слоя – кулачества – факты истории", *"кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами"* [15. – С. 10-13, 49; 16. – С. 4; 39. – С. 31-40].

По мнению В.П.Данилова крестьянские хозяйства "к моменту революции были уже необратимо втянуты в товарно-капиталистическую систему развития". Внутри крестьянства "давно уже шло и далеко продвинулось формирование социальных слоев буржуазного общества: обнищание и пролетаризация превращали все более широкие массы крестьян в бедняков и батраков; их эксплуатация служила основой для роста кулачества; размывающаяся собственно крестьянская среда становилась средним, мелкобуржуазным слоем". Новые социальные слои, формировавшиеся в деревне, "еще не обособились вполне, еще оставались слоями внутри крестьянства, еще сохраняли единство образа жизни и многих интересов". В послереволюционной деревне происходило "перераспределение удельного веса социальных групп, сложившихся задолго до революции", "изменилось место бедноты, середняков и кулаков в хозяйственной и политической жизни деревни, но сами эти группы еще сохранялись, как и возможность их роста в дальнейшем" [15. – С. 10-12; 16. – С. 7; 39. – С. 32-33].

Одна из центральных проблем в исследованиях, посвященных социальной структуре крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг., – проблема *признаков*, на основании которых крестьян относили к социальным группам и, в частности, к группе "кулачество".

По мнению большинства сторонников социально-экономического характера дифференциации крестьянства в конце 1920-х гг. к крестьянским хозяйствам, "официально объявленных кулацкими", относили главным образом наиболее зажиточных крестьян: "крестьянин, уровень хозяйства которого оказался выше среднего", "наиболее состоятельная часть крестьянства" [30. – С. 83; 61. – С. 8; 65. – С. 81]. Исследователи также отмечают, что уже "в конце 20-х годов после XV партийного съезда, принявшего курс на усиление наступления на "кулачество", возобладали сугубо *политический взгляд на "кулака" как классового врага, который подлежит ликвидации*" [13. – С. 31]. Высказывалось мнение, что "с 1928 г. всякие социально-экономические критерии отнесения к кулачеству были отброшены" [51. – С. 144].

В 1930-е гг. "термин "кулак", по мнению сторонников социально-экономического характера расслоения, все больше терял социально-экономическое значение и превращался в политический жупел борьбы с крестьянством, под него подгонялись все крестьяне, недовольные проводившейся политикой". "Кроме активности и несогласия с мнением ячейки,

никакого иного критерия в определении кулака не применялось", "кулаком или подкулачником является тот, кто не хотел вступить в колхоз", "кулак становится скорее не реальным социальным персонажем, а мифической фигурой" [22. – С. 17; 23. – С. 33; 59. – С. 121].

В последнее десятилетие центральная проблема, на которой акцентируется внимание всех исследователей, это трактовка той социальной группы крестьян, которая подвергалась раскулачиванию в период осуществления политики "ликвидации кулачества как класса" в 1930-е гг.

Общепринятым для сторонников точки зрения о существовании кулацких хозяйств в 1920-е гг. стало утверждение, что в годы коллективизации было раскулачено значительно больше крестьянских хозяйств, чем числилось сельской буржуазии по данным официальной статистики: "под топор репрессий попало больше "кулацких" хозяйств, чем их было на самом деле в деревне накануне сплошной коллективизации"; "только незначительная часть" из раскулаченных хозяйств "принадлежала к эксплуататорскому слою деревни" [29. – С. 189, 257; 48. – С. 159].

В исторической литературе высказывается мнение, что "к началу коллективизации "раскулачивать" уже было некого", "сельская буржуазия была экспроприрована до официального провозглашения политики ликвидации кулачества как класса". Большинство исследователей, признающих существование в 1920-е гг. социально-экономической группы "кулачество", полагает, что "кулачество как социально-имущественная группа крестьян свое существование прекратила после массового раскулачивания зимы 1929/30 г.", "политика ликвидации кулачества, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 г., привела к тому, что большинство кулацких хозяйств (если даже исходить из признаков, установленных СНК), прекратили свое существование", в 1931–1932 гг. "реально функционирующих кулацких хозяйств давно уже не было" [16. – С. 9; 24. – С. 30; 29. – С. 189, 257; 32. – С. 182].

Выводы исследователей о ликвидации кулацких хозяйств в конце 1920-х гг. или по крайней мере в первый период проведения политики "ликвидации кулачества как класса", утверждение, что "только незначительная часть" из раскулаченных хозяйств "принадлежала к эксплуататорскому слою деревни", означает, что в 1930-е гг. ликвидировали "другие социальные группы крестьянства".

Таким образом, сторонники социально-экономического характера дифференциации термином "кулак" ("кулачество") называют две разные

* По утверждению В.П. Данилова, "крестьянские хозяйства, имеющие социально-экономические признаки предпринимательства, были экспропрированы в ходе налоговых и заготовительных кампаний 1928–1929 гг.": "После осени 1929 г. не осталось хозяйств, имевших кулацкие признаки, – фактическое раскулачивание уже состоялось" [16. – С. 9].

по своему социальному составу группы: до начала осуществления политики “ликвидация кулачества как класса” “кулачество” – это группа “сельской буржуазии”; после того, как сельская буржуазия была ликвидирована, т.е. в 1930-е гг., “кулачество” – это “другие социальные группы”.

В последние годы наметилась тенденция замены исследователями, признающими существование сельской буржуазии, термина “кулаки” на “относительно нейтральный” термин “зажиточные” (“зажиточные слои деревни”) [21. – С. 147; 30. – С. 178; 43. – С. 163].

Но действительно ли термин “зажиточный” является “нейтральным”?

Во-первых, термин “зажиточный” используется сторонниками различных взглядов на характер дифференциации крестьянства: в одном случае термин “зажиточные” используется в качестве синонима понятия “крепкие трудовые хозяйства”, в другом – в группе “зажиточные хозяйства” выделяют два типа хозяйств: предпринимательские, “за которой закрепилось название “кулаки”, и часть трудовых крестьян-середняков (“верхушечная часть середняков”).

Во-вторых, использование термина “зажиточные” в отношении группы раскулаченных крестьян подразумевает, что в 1930-е гг. раскулачивались преимущественно наиболее состоятельные, “зажиточные” хозяйства, “верхушку крестьянства”, а середняцкие и бедняцкие хозяйства репрессиям (раскулачиванию) не подвергались. Подобное заключение не соответствует выводам исследователей, использующих этот термин, о раскулачивании не только зажиточных крестьян, “но и середняков и даже бедняков”.

И последнее, третье, обстоятельство. В официальной идеологии, аграрном законодательстве и политике 1931–1935 гг. присутствует два типа (группы) единоличников – “трудовые хозяйства” и “кулацко-зажиточные” (“кулацко-зажиточная верхушка деревни”). В социальной группе “кулацко-зажиточные” хозяйства выделяются две “прослойки” (типа, группы): “кулацкие” и “зажиточные” хозяйства*. Существование в социальной структуре единоличного крестьянства отдельных социальных групп, как “кулаки” и “зажиточные”, является серьезным аргументом в пользу тезиса о недопустимости замены термина “кулак” на термин “зажиточный” (так

* К кулацким относились хозяйства, имеющие нетрудовые доходы; признаки этой группы определялись налоговым законодательством. Основным признаком группы “зажиточные” был признак “мощность хозяйства”; однако законодательно признаки этой группы не были установлены. Признаки зажиточных хозяйств, на которые налагались твердые задания по государственным заготовкам, определялись в самой общей форме лишь в инструктивных документах, регламентирующих проведение натуральных заготовок. Исследований, посвященных анализу “зажиточных” хозяйств как особой социальной группы (“прослойки”) единоличных хозяйств в 1931–1935 гг., в исторической литературе пока нет.

же как и использование историками в качестве синонимов понятий “кулацкие хозяйства” и “кулацко-зажиточные хозяйства”).

Анализ используемых исследователями дефиниций и характеристика признаков социальной группы крестьян, репрессированной в 1930-е гг. как “кулаки”, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, термин “кулак” (“кулачество”) *используется* сторонниками социально-экономического характера дифференциации для обозначения двух разных по своему социальному составу групп: в 1920-е гг. “кулачество” – это социальная группа “сельской буржуазии”, а после ее ликвидации (в 1930-е гг.) “кулачество” – это “другие социальные группы”. Замена термина “кулак” на более “нейтральный” “зжиточный” еще больше запутывает проблему.

Во-вторых, позиции исследователей, придерживающихся разных взглядов на существование сельской буржуазии в 1920-е гг., и оцениваемые ими как противоположные, сошлись при трактовке социальной группы крестьян, репрессированной в 1930-е гг. как “кулаки”. Фактически все историки признают, что в 1930-е гг. в группу “кулаки” крестьян относили по политическому признаку, “кулак становится скорее не реальным социальным персонажем, а мифической фигурой”, “идеологическим персонажем”. *Противоположность и несовместимость позиций исследователей оказалась кажущейся.*

В последнее десятилетие появилось значительное число публикаций историков, социологов и политологов, авторы которых *решающую роль в структурировании советского общества* (и крестьянства в частности) *отводят “властной номинации”* (“властного структурирующего слова”) – “публичного и официального названия соответствующих отношений”. Способность власти модифицировать социальное пространство и конструировать социальные структуры рассматривается в современной социологии как одно из ее главных качеств.

Разделив общество на “союзников” и “врагов”, большевистское государство проводило номинацию реальных и мнимых социальных общностей (в данном случае степень их реальности не столь и значима): “одни группы признаются в качестве передовых, прогрессивных, в качестве опоры государства, другие определяются как враждебные или потенциально враждебные”. По мнению В. Ильина, “возможны различные варианты взаимодействия реальной социальной группы и властного структурирующего слова (властной номинации): 1) власть дает имя реально существующей группе, фиксируя в нем реально существующие отношения этой группы, вытекающие из ее объективных интересов к данному государству; 2) власть верно выделяет реальную социальную группу, но приписывает ей ложную характеристику и исходя из нее строит свою социальную политику; 3) власть придумывает группу, дает ей имя и на этой основе формирует реальную социальную политику” [31. – С. 38-39].

В исторической литературе подчеркивалось отсутствие в официальной трактовке социальных групп зависимости между экономическим положением и отнесением в группу "врагов" или в группу "друзей". П.В.Кладова пишет, что "в соответствии со стереотипом, внедряемого в массовое сознание", "кулак – не обязательно зажиточный, но обязательно сопротивляющийся мероприятиям власти либо могущий оказать это сопротивление в силу специального происхождения, рода занятий и т.д. Все потенциально ущемленные властью – ее вечные враги, потому что никогда не примиряется с ущемлением" [38. – С. 30-31].

Подчеркивая решающую роль "властной номинации" в конструировании властью социальных отношений, исследователи анализируют механизм превращения "идеологических персонажей" в реальные социальные группы [17. – С. 9-10; 25. – С. 150-151; 26. – С. 51-60; 32. – С. 4-60; 31. – С. 38-39].

Первый шаг в к структурированию социального пространства – "формирование в политико-правовом пространстве статусных позиций, лишенных избирательных прав". "Лишение избирательного права было, – по мнению В.Ильина, – официальной меткой для вражеской части социального спектра", по которой в дальнейшем "били из более тяжелых "орудий" социальной и экономической политики" [31. – С. 53].

Большевистское государство, "используя в отношении класса "врагов" любые формы насилия вплоть до классового террора, "понижает статус групп, названных враждебными". В отношении "друзей" проводится целенаправленная политика на их поддержку, "политико-административными средствами повышает социальный статус групп, названных лояльными". В результате социальной политики власти, основным классовым содержанием которой была поддержка "друзей" и борьба с "врагом", политико-идеологическое структурирование неизбежно порождала новую социальную структуру общества" [4; 31; 69].

Важнейшим "инструментом" конструирования социальных отношений являлось, по мнению А.Г.Здравомыслова, "создание властью конфликтных ситуаций", "при этом активно используются как ранее сложившиеся различия, так и новые социальные расслоения", в том числе и различия "между богатыми и бедными" [25. – С. 168-169; 26. – С. 61-63].

На сознательное "углубление расколов" внутри крестьянства большевистским государством в ходе гражданской войны акцентирует внимание В.Н.Бровкин: "крестьяне являлись теперь кулаками, середняками и бедняками, а не просто крестьянами. Одних полагалось убивать, других взять на учет, одних заставить смириться, а другим дать возможность править соседями в качестве агентов центра". "Ярлыки, придумываемые большевиками, по мнению В.Н.Бровкина, не имели ничего общего с действительностью". Главным отличием "так называемых кулаков, как и других "врагов", "являлась их независимость": "всякий, кто осмеливался выразить

сомнение относительно большевистской политики либо действий, не говоря уже о сопротивлении им или защите старинных нравов, экономических интересов или самосознания, автоматически получал одно из ругательных марксистских определений, введенных большевиками" [3, 29]. Намеренное создание властью глубокого социального конфликта в деревне как движущей силы коллективизации и раскулачивания отмечается во многих исследованиях, посвященных истории российской деревни конца 1920-х – начала 1930-х гг. [29; 52].

3. Нужна ли современному исследователю методология? В последние годы появились публикации, в которых утверждается, что исследователь не нуждается в методологии, причем нередко у молодых историков сама постановка вопроса о "методологии исследования" вызывает отторжение. Так С.В.Кондратьев в выступлении на Всероссийской научной конференции "Историческая наука на пороге третьего тысячелетия" (2000 г.) утверждает, что "все те, кто занят конкретными сюжетами, не стремятся к генерализациям, не нуждаются в какой-то специальной методологии". На вопрос "какова Ваша методология", такой историк "пожимает плечами". Возникновение "реального полицентризма" в современной исторической науке С.В.Кондратьев связывает с "уходом эпохи генеральных линий и универсальных идей" [40. – С. 4-5]. Теория воспринимается многими современными исследователями не как познавательная модель, обеспечивающая успех в конкретной ситуации и ведение продуктивного исследования, а, по старой традиции, как идейный каркас, в который вкладывали соответственно ей отобранный эмпирический материал. Последним обстоятельством объясняется популярное утверждение о том, что "мы не нуждаемся в методологии".

Дискуссия в современной науке вокруг проблемы существования сельской буржуазии и социальной группы "кулаки" показывает уязвимость эмпирических исследований. Введение в научный оборот огромного фактического материала, новые данные о масштабах раскулачивания не укладываются в традиционную схему "кулачество как социальный слой сельской буржуазии"; старая методология анализа социальной структуры на новых материалах "не работает". Что касается попытки заменить старый конструкт (в основе которого лежала объективистский подход) прямо противоположный – конструктивистский, то и здесь пока исследователи работают на уровне эмпирики, ограничиваясь "сбором фактов".

Необходимо признать, что оба подхода (объективистский и конструктивистский) находятся в диалектической связи и возможен их синтез на основе методологического подхода, названного в западной социологии "структуралистский конструктивизм" или "конструктивистский структурализм". Структуралистский конструктивизм является синтезом традиционных для гуманитарных наук объективистских и субъективистских подходов [5; 6; 7; 8].

Сформулировать однозначно соотношение этих двух подходов применительно к социальной структуре крестьянства в первые послереволюционные десятилетия невозможно, потому что в один исторический период на первый план выходит один аспект, в другой период – второй. В периоды открытой “классовой борьбы” власти с крестьянством – период гражданской войны и так называемый период “социалистических преобразований” – на первый план выходит конструктивистский аспект. В относительно спокойный период НЭПа преобладает, по-видимому, структуралистский (или как его называют историки – социально-экономический) аспект (хотя полностью отрицать влияние конструктивистского аспекта конечно нельзя).

Этот методологический подход открывает принципиально новые возможности к изучению социальной группы “кулачество”.

Не вызывает сомнения тот факт, что в периоды открытой борьбы власти с крестьянством численность крестьян, получивших клеймо “кулак”, значительно превышает “официальную” численность сельской буржуазии. Сопоставление данных официальной статистики о численности сельской буржуазии накануне коллективизации (2,3%), контрольных заданий по раскулачиванию (до 5%) и статистики фактически раскулаченных (приводимые в исследованиях данные противоречивы и колеблются от 6-8% до 12-16%) свидетельствует, что в начале 1930-х гг. ставилась задача и “велась борьба” не с сельской буржуазией, а с другой социальной группой. Под тем же названием “кулак” (сельская буржуазия) фигурировала совсем другая социальная группа и по качественным и по количественным показателям.

Поэтому, представляется необходимым отказаться, применительно к послереволюционной истории, трактовки терминов “кулак” и “сельская (крестьянская) буржуазия” как синонимов и развести проблемы “существования в деревне крестьянской буржуазии” (эксплуататорских хозяйств) и “существования социальной группы “кулачество” и анализировать проблему кулачества в другом исследовательском “поле”.

Власть сконструировала группу “кулачества” для устранения потенциальных и реальных политических противников большевистской аграрной политики. В группу “кулачество” относили крестьян, которые в данный момент или в будущем могли, по мнению режима, представлять для него какую-либо угрозу. Степень лояльности крестьянина находилась в прямой зависимости от зажиточности и именно “крепким” крестьянам было что терять при вступлении в колхоз. Поэтому в сконструированной по идейно-политическим критериям группе “кулачество” была повышенная доля хозяйств зажиточных, в том числе, по-видимому, и сельской буржуазии.

* Речь идет только о дефинициях кулачества в послереволюционный период российской истории; эта дефиниция не работает по отношению к социальной структуре российского крестьянства в пореформенный период.

Превращение “идеологических персонажей”, сконструированных в большевистской идеологии, в реальные социальные группы являлось важнейшей особенностью социальной структуры российской деревни первых послереволюционных десятилетий. Идеологический конструкт дополнялся мерами социальной политики, целью которой было выделить крестьян, получивших метку “кулак” в отдельную группу и противопоставить ее другим социальным группам, а потом – ликвидировать эту группу. Сконструированная группа становится реальной социальной группой крестьян, с общими интересами, толкаемая к общему типу реакции на политику властей, с общей трагической судьбой. Таким образом, “кулачество” можно определить как “социальную группу крестьян, подвергавшуюся ограничениям и репрессиям по политическим мотивам” [17. – С. 9-16; 18. – С. 52-55].

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 01-01-50002 а/С.

Литература и источники

1. Абрамов Б.А. Коллективизация сельского хозяйства в РСФСР // Очерки истории коллективизации в союзных республиках. – М., 1963.
2. Борисов Ю.С. Эти трудные 20-е – 30-е гг. // Страницы истории советского общества. – М., 1989.
3. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. – 1994. – № 5.
4. Булдаков В.П., В.В. Кабанов. Идеология и общественное развитие // Вопросы истории. – 1990. – № 5.
5. Бурдые П. Начала. – М., 1994.
6. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
7. Бурдые П. Социальное пространство и генезис “классов” // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1.
8. Бурдые П. Практический смысл. – СПб., 2001.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Изд. 3-е, дополненное. – М., 1987.
10. Волобуев О.В. Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность: Тез. докладов Междунаро. науч.-практ. конф. (Пермь, 12-14 июля 1994 г.). – Пермь, 1994.
11. Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. – М., 1982.
12. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. – СПб., 1996.
13. Гушин Н.Я. “Раскулачивание” в Сибири. 1928-1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири: Сер. Отечественной истории. – Новосибирск, 1996. – № 2. – С. 31.

14. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. – М., 1979.

15. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. Из истории деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1930 гг. / Под редакцией В.П. Данилова и Н.А.Ивницкого. – М., 1989.

16. Данилов В.П., Красильникова С.А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Составители С.А.Красильникова, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко и др. – Новосибирск, 1992.

17. Доброноженко Г.Ф., Ильин В.И. “Кулачество” как феномен социального конструирования // Социальная стратификация: история и современность: Тез. докладов Всеросс. конф. (10-13 сентября 1996 г.). – Сыктывкар, 1996.

18. Доброноженко Г.Ф. Дефиниции понятий “кулак” и “сельская буржуазия” // Политические репрессии в России. XX век: Материалы регион. науч. конф. (Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). – Сыктывкар, 2001.

19. Жукова О.В. “Образ врага” как компонент тоталитарного террора // История и террор: Тез. докладов на межвузов. науч. конф. Вып. II. – Пермь, 1996.

20. Журавлев В.В. Методология исторической науки. Вчера. Сегодня. Завтра? // Кентавр. – 1995. – № 6.

21. Журов Ю.В. Зажиточное крестьянство России в годы революции, гражданской войны и интервенции (1917-1920 гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет): XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докладов и сообщений. – М., 2000.

22. Захаровский Л.В. Политика “ликвидации кулачества как класса” и ее проведение в Уральской области. 1929-1932 гг.: Автореф. дисс... канд. истор.наук. – Екатеринбург, 2000.

23. Зеленин И.Е. Осуществление политики “ликвидации кулачества как класса” (осень 1930-1932 гг.) // История СССР. – 1990. – № 6.

24. Зеленин И.Е. “Революция сверху”: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. – 1994. – № 10.

25. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М., 1995.

26. Здравомыслов А.Г. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6.

27. Здравомыслов А.Г. Власть и общество // Социологический журнал. – 1994. – № 2.

28. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса, 1929-1932. – М., 1972.

29. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). – М., 1994.

30. Ивницкий Н.А. Раскулачивание и депортация зажиточной части деревни (конец 20-х – начало 30-х гг.) // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докладов и сообщений.* – М., 2000.
31. Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. – Сыктывкар, 1996.
32. Ильиных В.А. В поисках кулаков. (Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х – 1930-х гг. в Сибири) // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докладов и сообщений.* – М., 2000.
33. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
34. История КПСС. Т. IV. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921-1937. Книга вторая. (1929-1937). – М., 1971.
35. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917-1927 // *История советского крестьянства: В 5 томах.* – М., 1986. – Т. I.
36. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927-1937 // *История советского крестьянства: В 5 томах.* – М., 1986. – Т. 2.
37. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – М., 1967.
38. Кладова П.В. Опыт психоанализа исторического источника (по материалам следственных дел репрессированных в период коллективизации) // *Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всеросс. науч. конф.* – Томск, 1999. – Т. III.
39. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за "круглым столом" // *История СССР.* – 1989. – № 3.
40. Кондратьев С.В. Что день грядущий нам готовит (взгляд на историю из провинции) // *Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Тез. докладов Всеросс. науч. конф.* – Тюмень, 2000.
41. Краткий политический словарь. Изд. 2-е, дополненное. – М., 1980.
42. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск, 1983.
43. Кузнецов В.А., Щетнев В.Е. Зажиточное крестьянство Дона и Кубани в 1920-е годы // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докладов и сообщений.* – М., 2000.

44. Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. – М., 1969.
45. Немаков Н.И. Коммунистическая партия – организатор колхозного движения (1929-1932 гг.). – М., 1966.
46. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сборник статей / Под ред. В.П.Данилова. – М., 1963.
47. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. – М., 1994.
48. Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. – 1993. – № 4.
49. Погудин В.И. Советская историография о некоторых проблемах социально-экономических отношений в доколхозной деревне СССР // История СССР. – 1973. – № 3.
50. Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историко-графический очерк. – М., 1975.
51. Рогалина Н. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП. Приобретения и потери. – М., 1994.
52. Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. – Саратов, 1994.
53. Селезнев В.А., Смышляев В.А. Первые шаги социалистических преобразований в сельском хозяйстве Северо-Запада РСФСР, 1917-1929 гг. – Л., 1983.
54. Селунская В.М. Основные этапы и направления развития союза рабочих и крестьян в строительстве социализма и коммунизма // Проблемы истории советского крестьянства: Сборник статей. – М., 1981.
55. Селунская В.М. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии // История СССР. – 1971. – № 6.
56. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995.
57. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1993. – № 2.
58. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1993. – № 6.
59. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1995. – № 3.
60. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. – М., 1990.
61. Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории. – М., 1991.
62. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. – Иркутск, 1966.
63. Стецовский Ю. История советских репрессий. – М., 1997. – Т. 1.

64. Толковый словарь русского языка / Составители Г.О.Винокур, Б.А.Ларин, С.И.Ожегов и др.; Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1939. – Т. 2.
65. Тихонов В. А. У истоков // Погружение в трясину. – М., 1991.
66. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20-30-х годов. – М., 1990.
67. Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана // Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2-х томах. – М., 1967. – Т. 2.
68. Трифонов. И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. – М., 1960.
69. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. – 1990. – № 8.
70. Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928-1932 гг. – М., 1963.

В.В.Якоб
(Сыктывкар)

**ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В 1920-е ГОДЫ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на примере Коми автономной области)**

Автор доклада ставил цель выявить основные стороны и уровни отношений крестьянства и власти, показать реакцию снизу на власть, исследовать динамику этих взаимоотношений на примере Коми области в 1920-е гг. Рассматриваемое десятилетие с точки зрения изучения проблемы "крестьянство и власть" выбрано не случайно. В исследуемый период аграрная политика Советского правительства была одним из главных факторов развития сельского хозяйства в 1920-е гг. и критериев его оценки.

Этап 1921 – первой половины 1929 г. можно охарактеризовать как время попыток глубоких реформ с целью поднять сельское хозяйство до такого уровня, при достижении которого крестьянство без проблем обеспечивает страну продуктами сельскохозяйственного производства и промышленность рабочей силой. Политика Советского правительства по отношению к крестьянству на протяжении исследуемого периода, отличавшаяся непостоянством, носила, главным образом, ситуативный характер. В эти годы государство постоянно выбирало путь развития, то в сторону мелких крестьянских хозяйств, то к кооперации и коллективным хозяйствам, но главным критерием оставался принцип добровольности. Крестьяне сами выбирали способы хозяйствования. Но двойственность политики постоянно приводила к различным коллизиям как в центре, так

и в деревне. Стремление сделать крестьян зажиточными и при этом осуждение нэпмана, добровольность выбора видов землевладения и землепользования и при этом поддержка бедноты и насильственные переделы земли – все это вносило свой вклад в обстановку в деревне, в ее поступательное движение. Стержнем аграрной политики рассматриваемого периода являлось стремление государства следовать принципам В.И.Ленина и “приучить” крестьян к кооперативным формам общегития и хозяйствования. Власть стремилась распропагандировать свои действия как не игнорирующие интересы села.

Роль, сыгранную деревней в выходе из структурного кризиса, пережитого страной в начале 1920-х гг., трудно переоценить. В поступательном развитии сельского хозяйства в 1920-е гг. была и заслуга государства в лице В.И.Ленина, предложившего кардинально противоположную существовавшей экономической политику, с опорой на частную инициативу населения. Сущность этой политики виделась В.И.Ленину как политика переходного от капитализма к социализму периода. Именно в этом качестве она и вводилась, причем она никогда не пересматривалась теоретически, даже когда на самом деле осуществлялась принципиально иная политика [1]. В качестве иллюстрации главного принципа аграрной политики Советского государства в рассматриваемый период можно привести слова Резолюции XIII конференции РКП(б) 18 января 1924 г. “Об основных задачах экономической политики”: “переживаемые нами хозяйственные затруднения... в значительной степени объясняются недостаточным учетом ...указаний партии на роль и значении крестьянского хозяйства и на особенности, вытекающие из осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением... Задача партии ...проводить указанную политику..., не допуская экономически и политически вредных отклонений в сторону недооценки значения крестьянского хозяйства в общей экономической структуре страны” [2]. Важнейшая роль при осуществлении данного курса отводилась кооперации [3].

Начало НЭПа связано с заменой продразверстки натуральным налогом и разрешением крестьянам продавать свою продукцию в целях стимулирования сельскохозяйственного производства и улучшения продовольственного положения в стране [4]. В декрете много говорилось о льготах и прогрессивности налога, но как таковой, исходя из мнений крестьян коми области, он не выполнялся в плане связи города и деревни по обмену сельскохозяйственных продуктов на технику в силу бедности самого крестьянства и их обдирания налогами государством [5]. В марте 1922 г. правительство объявило о снижении продналога до 10% от хозяйственного производства [6], т.е. теперь крестьяне платили своеобразную десятину государству, часто задавая вопросы о том, куда пропадают деньги после уплаты, если они не идут на развитие сельского хозяйства или промышленности [7]. Также была запрещена конфискация

ската у крестьян за неуплату налога [8], но его он мог потерять и за неуплату кредита, а такие случаи в Коми области не были единичными.

При обложении учитывалось классовое и имущественное положение населения, и наиболее высоким налогом облагались хозяйства причисленные государственными органами к кулацким. Совсем освобождались от налога или получали льготы бедняцкие хозяйства (особенно семьи красноармейцев) и хозяйства, потерпевшие от стихийных бедствий. Наряду с этим применялась система премирования в виде льгот при обложении налогом за те или иные улучшения в сельском хозяйстве. Система налогового обложения основную тяжесть налогов перекладывала на зажиточные слои населения и, предполагалось, создавала более благоприятные условия для развития и укрепления бедняцких хозяйств, что само по себе важно, но при этом перед крестьянским двором устанавливалась своеобразная планка выше которой подниматься не рекомендовалось, так как можно было оказаться в "кулаках" и, следовательно, в классовых врагах советской власти [9]. Система премирования должна была создать более благоприятные условия развития для наиболее важных отраслей сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) [10], но премирования крестьяне не знали, постоянно жалуясь на свое бедственное положение, осуждая власть, премирующую совсем не тех крестьян, которых бы нужно. Только в Палевицкой волости под обложение не попало около 60% крестьян в 1925/1926 г., на что крестьяне, платившие налоги, писали в ОЗУ через волостного статистика: "...Ведь в деревне, все одинакие надель, ненадельных нет только у немногих кто работает людям да остатки от хлеба выпьет (самогон) и живут едят не хуже других получают поблажки. Есть у нас и инвалиды получают пенсии на водки и только. Где-то есть несправедливость, но я не судья, только твердо скажу есть..." [11]. По В.Н. Давыдову, по Коми области в 1926/1927 г. полностью освободили от единого сельскохозяйственного налога 22,3%, в 1927/1928 г. — 32,1%, в 1928/1929 г. 42,7% крестьянских хозяйств [12]. Освобождая из года в год все большее число крестьянских хозяйств от уплаты налога, советское государство продолжало затягивать налоговую петлю вокруг шеи остальных 60-70% дворов, плативших налог. В сводках органов политического надзора отмечалось, что крестьяне постоянно недовольны системой налогообложения, применяемой советской властью, и налог обычно не выплачивался за неимением средств, а если отдельным крестьянам предоставлялись льготы, то зажиточные крестьяне утверждали, что маломощные крестьяне, освобожденные от налога, могли бы его и уплатить, так как имеют и посевы и коров и пр., а обложение только крепких хозяйств ни к чему хорошему не приведет [13]. В Важгортской волости крестьяне, недовольные неравномерным распределением налога, прямо говорили, что "от налогов не избавиться до самой смерти" [14]; "опять освобождение

преподобных лентяев, все равно работать не будут, какими были так и останутся" [15].

Уплата налога в Коми области распределялась на осенне-зимний период. Несмотря на льготные условия и сроки, уплата налогов на протяжении рассматриваемого периода была связана с трудностями, вследствие бедности, натуральности крестьянского хозяйства, низкой товарности при недостаточной оплате на заработках. В 1923/1924 г. сельхозналог составил 2 р. 83 коп. на хозяйство, волсбор – 1 р. 47 коп., в 1924/1925 г., соответственно, 5 руб. 19 коп. [16], в 1928/1929 г. хозяйства области платили налога на сумму до 71 руб. 19 коп. [17], при чем доход на душу населения в 1925 г. оценивался в 2 р. 48 коп., а расход – в 2 руб. 09 коп. [18]. Уплата налога приурочивалась властями всегда к срокам получения крестьянством неземледельческих заработков, и на протяжении 1920-х гг. существовало три срока: 1 января платили налог 40%, к 15 февраля – 40%, к 1 апреля – 20%. Налог с оленеводческих хозяйств, кочующих на территории Коми области, нередко достигал 120 и более рублей [19], что объяснялось их большей доходностью, но не покупательской способностью. Несмотря на рост суммы налога и доходов населения, крестьяне по-прежнему не могли не то что своевременно, но вообще зачастую уплатить налог, по-прежнему выбивавшийся из крестьян административными мерами, среди которых метод “кнута и пряника” был не из последних [20]. Надзор за плановой уплатой налога и по совокупности за политической надежностью крестьян осуществляло областное ОГПУ.

Одним из аспектов экономической и налоговой политики советских хозяйственных органов области являлась помощь в поисках и предоставлении заработков крестьянам, что, впрочем, в большинстве случаев вызывало лишь очередное обострение социальной и экономической обстановки в деревне, так как организуемые мероприятия срывались по вине нерасторопности властей при организации работ (итог – срыв), неплатежей авансов и зарплат, дискриминация крестьян при приеме их на временную работу [21]. Крестьяне расценивали неземледельческие заработки как одно из средств к подъему собственного хозяйства, власть эту проблему решала иначе – для нее крестьянские заработки, предоставленные ей же самой крестьянам – это помощь последним в уплате налога. Тем самым безысходный круг замыкался.

Значительная помощь от государства государственной властью предполагалась через организацию банковского сельскохозяйственного кредита, в который крестьяне обычно не обращались про причинам краткосрочных кредитов, предоставляемых в этих учреждениях и конфискации и продажи с торгов скотины и имущества в случае неуплаты [22].

Одной из головных болей местного аппарата управления было снабжение зерном и хлебными изделиями сельского населения. Ежегодно в область ввозилось значительное количество хлебных продуктов (в размере

до 48% общего потребления) при весьма незначительном вывозе продуктов собственного сельскохозяйственного производства [23]. Эти тревожные симптомы должны были заставить местную власть задуматься над принципами аграрной политики, раздавались отдельные голоса, но, словно испугавшись, представители коми партийной номенклатуры сбивались и за голосом из центра вновь были видны ровные ряды строителей социализма в отдельно взятой стране. Поэтому покрытие хлебного дефицита и налогового бремени происходило за счет доходов от неземледельческих промыслов, поэтому оборотные средства сельского населения направлялись не на улучшение технической базы сельскохозяйственного производства, не на его расширение, а на покрытие дефицитности натуральной части бюджета крестьянства [24].

В рассматриваемый период властями предполагалось ускорить и удешевить работы по внутриселенному землеустройству, усилить над ними контроль земельных органов и принять все меры к увеличению подготовки землеустроительного персонала, а также пересмотреть лесной фонд республики для предоставления лесов местного значения в пользование местному населению и при этом усилить охрану лесов [25]. Многие из постановленного было выполнено, особенно касаясь органов управления, но удешевить землеустроительные работы государство не смогло, как сообщают сводки ОГПУ: у крестьян попросту не было денег на них.

Для обеспечения каждому крестьянскому хозяйству прочности землепользования в 1920-е гг. декларировалось ограничение уравнительного перераспределения земли (этот вопрос всегда решало земельное общество большинством голосов), чего в реальности никогда не придерживались, идя на поводу требований бедняков [26]. Непосредственное управление землепользованием и регулированием поземельных отношений своих членов формально осуществляло земельное общество, и решения схода по вопросам землепользования никто не имел права изменять или отменять, но если земельные, советские или партийные органы получали жалобы от бедняков или т.д., то они вполне сознательно вмешивались в землеустроительные проблемы общины. Коми крестьянство бывало недовольно (середняки, зажиточные) вмешательством государства в общинные решения, так как таковое только разжигало социальную рознь на селе, не умея опыта решения земельных вопросов [27].

В течение рассматриваемого периода государство в своем законодательстве много внимания уделяло развитию крестьянской кооперации, которая, по мнению В.И. Ленина, должна была противостоять капиталистическим тенденциям НЭПа в деревне. Через нее виделся путь к социализму. Одним из показательных актов, касающихся кооперации, явилось постановление XIII съезда РКП(б) 23-31 мая 1924 г. [28]. В отношении деревни говорилось, что кооперация должна противостоять капиталистическим тенденциям в сельском хозяйстве и торговле, она должна

организовать крестьянское потребление и производство и приучить это самое крестьянство к коллективному хозяйствованию. В этом документе всячески упоминалось, будто бы существующее социальное расслоение в деревне, хотя даже советская историография отмечала выравнивание материального положения крестьянства в 1920-е гг.

Важная роль отводилась потребительской кооперации (в нее входило часто от 70 до 100% крестьянских дворов в волостях Коми области), как посреднической между "городом и деревней", в снабжении последней промышленными товарами хозяйственного и широкого потребления. Проблему снабжения коми крестьянства недостающим продовольствием должен был решать Хлебопродукт или Главвнутторг. Но взятые государством на себя обязательства чаще всего не выполнялись, а необходимую помощь нарождающейся кооперации на местах местные органы партии и власти должным образом не оказывали. Тем самым ставились под сомнение общие принципы экономического развития, провозглашенные на многочисленных съездах, конференциях, заседаниях, советах и т.д., что постоянно волновало местные органы власти, боявшихся волнений среди крестьянства, не видевшего исполнения обещанного. Задолженность потребительских обществ перед своими членами достигала огромных, по меркам области, цифр. В первой половине 1927 г. по Усть-вымскому уезду не имели задолженности от населения всего три товарищества – Усть-вымское, Разгортское и Косланское, в остальных задолженность доходила от 820 (Коздино) до 7011 руб. (Важгорт) [29]. В товариществах отмечались частые злоупотребления (отпуск товаров выше установленных центром расценок – Сысольский, Устьвымыский уезды), на что власти, предлагавшие кандидатов в приказчики и члены правлений товариществ при выборах, смотрели чаще всего сквозь пальцы. Осуждение и притеснение частной торговли, предлагавшей крестьянам товары по более низкой цене и закупавшее продукты крестьянского труда по более высокой цене, не имело оснований, так как в лице частных торговцев Госторг получил конкурента, бороться с которым можно было вполне рыночными способами, без привлечения административных мер, которые чаще всего просто были вредны.

Вторая половина 1920-х гг. характеризуется усилением внимания государства к расслоению в деревне, поисками опоры в ней при осуществлении политики усиления административных мер в ходе хлебозаготовок и преимущественного внимания к росту числа коллективных хозяйств. Причем размах борьбы между различными группами крестьянства существенно преувеличивался, тем более в условиях Коми области, где вопрос о кулачестве или зажиточности проблематичен. Осуществление задачи поддержки "пролетарским государством" бедняков и середняков против кулачества должно было идти, во-первых, "путем укрепления смычки пролетариата и бедноты с середняком для изоляции кулачества" и, во-

вторых, путем материальной поддержки и организации бедноты против кулачества [30]. Для этого бедняцкая часть крестьянства освобождалась от налога в 1926 г. Подобные меры могли лишь привести к усилению социальной напряженности в аграрном секторе советского общества, а поддержка бедняков государством вызывала сомнения у крестьян вообще в аграрной политике властей. В итоге в 1926 г. ОГПУ фиксировало, что "...отношение к советской власти со стороны крестьянства (кулачества) выявляется в форме антисоветской агитации, они говорят, что "правительство состоит из прежних буржуев и защищает их интересы" ... в волостях Усть-вымского уезда наблюдается недовольство на неравномерное обложение сельскохозяйственным налогом. Так, например, в Важгортской волости крестьяне говорят "от налогов не избавиться до самой смерти" [31]. Вообще же крестьяне очень тонко подмечали двойственность и постоянные смены курса в политике Советской власти, говоря, что "Советская власть вертится на одном месте от того, что коммунисты не умеют управлять государством и не могут держать свой курс по прямой линии" [32].

Одной из ошибок власти являлся поиск опоры в лице сельской бедноты. Простое непонимание основных задач и путей индустриализации и грезы о мировой революции и гибели буржуазии не могли ни к чему хорошему привести деревню. Не разобравшись в проблеме накопления цивилизованными демократичными экономическими методами, власть в лице И.В.Сталина, постоянно возрождая в массах революционный энтузиазм посредством пропаганды, решила задачу очень просто – все проблемы были свалены на плечи крестьянства, получившего статус новых крепостных в течение 1930-х гг. Феодальное сознание на уровне государства облекалось в яркие и привлекательные цвета ждущего впереди коммунизма. От "режима экономии" оказался всего один шаг к "казарменному социализму" во главе с "орденом меченосцев", а за все расплачивалось по началу крестьянство. Советское государство как "диктатура пролетариата" отказывало крестьянину как собственнику в главном – в стабильности, правовой защищенности, законных гарантиях. Постоянные ведомственные циркуляры (до нескольких сотен в год отправлял только ОИК КАО) и инструкции (в архивных делах фонда ОИК множество инструкций центра как действовать в том или ином случае в отношении крестьян и отношения их к той или иной имущественной группе) практически запрещали свободу выбора форм землепользования (выхода на хутора или отруба). Постоянные изменения в аграрной политике приводили к ежегодным пересмотрам условий налогообложения или признаков подведения под кулацкое или зажиточное хозяйство, даже середняком крестьянин не чувствовал себя в безопасности [33]. Это приводило к подрыву трудовой мотивации к труду, препятствовало развитию новых хозяйственных потребностей, подчеркивало предпринимательский риск [34] (ОГПУ зорко следило за

причинами и целями получения кредитов и т.п.). Кооперативное движение развивалось как стихийное, стимулируемое реальным экономическим интересом снизу, чутко отзываясь на всякие перемены; представители партии на местах никогда не упускали случая вмешаться во внутренние дела товариществ, не приняв никакого участия и не предоставив помощи при его образовании, на что получали резкие отповеди крестьян [35]. Относительно благоприятные количественные показатели в кооперации не отражали реальных качественных перемен, так как внутренняя структура крестьянского хозяйства не менялась в связи с участием в той или иной форме кооперативного объединения. Она оставалась потребительской и полунатуральной [36], что тем более актуально для Коми области. Такое кооперирование являлось лишь более мягким вариантом огосударствления и не сопровождалось заметным подъемом благосостояния крестьянских дворов и не могло оздоровить крестьянскую психологию [37]. Хотя доля кооперирования в Коми области в 20-е гг. превышала дореволюционные показатели. Крестьяне, видя выгоды, не получали должной поддержки от государства, опиравшегося на бедняков, а всех остальных считавшее «мелкими буржуями». Проведение строгой классовой линии отбрасывало не только кооперативный принцип равенства возможностей, но и нэповское по сути признание частного интереса (за чем следил в Области отдел ОГПУ, представители партячеек и ВИК'ов). Вот слова одного из крестьян-организаторов кооператива в Усть-вымском уезде: «Сельсовет как госучреждение, конечно, может дать хорошее, но от Шаладорского сельсовета ждать помощи не приходится, соглашаться с ним можно на счет хулиганства, а не на счет организации. Можно ли меня рассматривать «буржуем» (пишу в кавычках), может быть по определению лидеров Дорониных (членов ВКПб) и компании, которым партия ВКПб является не больше, ни меньше вывеской или ширмой. Они свободно могут определить нашу ту или иную принадлежность...» [38]. Борьба со стихийностью вылилась в запретительство частника, торговца, принимая самые разнообразные формы – от непомерной величины налога до закрытия или реквизиции частных мельниц (такие случаи в Области были) и пр. Фактически государство боролось не с хозяйственной патологией и уродливыми формами эксплуатации, а с реальной многоукладностью и разнообразием экономических отношений [39]. Ни разу государству не удавалось удачно определить плановый завоз промышленных товаров и нормы заготовок сельскохозяйственной продукции по районам (отсюда громадные задолженности Госторга и кооперативов перед коми крестьянами) именно в силу сложности и громадности народного хозяйства, а потому не подвластного указаниям ведомств и детальному планированию из центра. Это приводило только к росту бюрократии на местах и расходованию местных налоговых сборов на их содержание, что отмечали крестьяне. Вместо того, чтобы приспособляться к стихийности рынка (тем более аграрного), используя его

механизмы для повышения товарности крестьянских хозяйств, а тем самым и проблемы накопления, государство “диктатуры пролетариата” укрепляло монополизм собственных учреждений. Власть увлекалась новыми проектами лучшего распределения, в то время как дело упиралось в производство. Крестьяне прямо говорили, что если бы государство выделило им хотя бы часть денег, которые получают местные и центральные аппаратчики (120 и более руб. в месяц), на развитие производства двора и отказалось от поддержки бедняков, то подъем крестьянского производства был бы обеспечен [40]. Но нэповский либерализм не означал отказа от этатизма и государственного коллективизма, а лишь удлинение пути к нему. Система, принципиально основанная на дешевом хлебе (один пуд ржи стоил в 1920-е гг. в области около 1 руб., а зимой 1927 г. после неурожая цена привозного хлеба доходила до 2 руб. 09 коп. за пуд.), должна была зайти в тупик. Искусственно низкие цены в сочетании с товарным голодом и полной потерей хозяйственных стимулов привели только к кризису общество 20-х гг. Треть хозяйств в стране не имела товарного хлеба, тем более в Коми области продавали его меньше, чем покупали, т.е. были заинтересованы (бедняки и так называемые середняки, те же бедняки для Коми АО по сравнению с другими регионами СССР) в низких ценах на хлеб, то только это уже вело к обострению социальной обстановки на селе. В этом главное объяснение того, почему экономический и политический нажим на “кулачество” [41], а позже и переход к раскулачиванию был поначалу поддержан не только люмпенами и выдвигенцами, но и широкими кругами деревенского населения. 1920-е гг. закончились тем с чего и начались – мешочничеством [42] (уже в начале 1927 г. на политику отреагировали зажиточные крестьяне Коми области – они стали запасать хлеб и раздавались голоса, что не имеет смысла хранить и беречь советские деньги). В это время поднимались лишь вопросы рационализации производства [43], но отнюдь не руководства.

Система с характерным соединением политической и экономической власти в лице государства и наличием квазирынка и квазисобственника закономерно перерастала в экономику принуждения [44].

Литература и источники

1. Данилов В.П. 20-е годы и борьба альтернатив // Историки спорят. – М., 1989. – С. 123.
2. Директивы... – С. 420-421.
3. Там же. – С. 422.
4. История колхозного права. – М., 1959. – Т.1. – С. 54-55.
5. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2.
6. Карр Э. История советской России. – М., 1990. – Т.1. – С. 223.
7. РГА ОПДФ. Ф.1, оп. 2, д. 605, л. 88-89.

8. Карр Э. Указ. соч. – С. 224.
9. Там же. – С. 397.
10. Давыдов В.Н. Коми Автономная область в период восстановления народного хозяйства страны (1921-1925 гг.): Дисс. на соиск. уч. степ. к.истор.н. – Сыктывкар, 1955.
11. НА РК. Ф. 140, оп. 1, д. 1068, л. 3.
12. Давыдов В.Н. Подготовка... – С.25-26.
13. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 523, л. 11-12.
14. Там же. Л. 120-121.
15. Там же. Л. 12.
16. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 399, л. 31-34.
17. НА РК. Ф. 140, оп. 1, д. 1143, л. 1-550; Д. 1144, л. 1-473.
18. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 399, л. 31-34.
19. Там же. Оп. 1, д. 1188, л. 1-6; Д. 1202, л. 1-6.
20. Там же. Д. 523, л. 3, 11 и т.д.
21. Сводки ОГПУ // РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 399, 523, 524, 605.
22. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 523, л. 12.
23. Доклад о развитии сельского хозяйства Коми Автономной области за 1925-1933 гг. // НА РК. Ф. 140, оп. 1, д. 1056, л. 2.
24. Там же. Л. 2.
25. О мероприятиях по укреплению и развитию сельского хозяйства // Директивы... – С. 360-368.
26. Там же; РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 523, л. 11-12.
27. Там же. Д. 524, л. 5, 14-15.
28. Директивы... – С. 466-473; О кооперации // Как нам обустроить крестьянскую жизнь. – Пенза, 1997. – С. 257-266.
29. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 605, л. 13.
30. О хозяйственном положении и хозяйственной политике. Резолюция Пленума ЦК РКП(б). Апрель 1926 г. // Директивы... – С.575.
31. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 523, л. 38, 120.
32. Там же. Л. 140.
33. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 605, л. 56, 69-72.
34. Рогалина Н.Г. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – С.232.
35. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 605, л. 70.
36. Рогалина Н.Г. Указ. соч. – С.232.
37. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е гг. – М., 1989. – С. 288-290.
38. РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 605, л. 70.
39. Рогалина Н.Г. Указ. соч. – С. 233.
40. Устьвымский уезд, деревня Рим Жешартской волости, С.Коковкин (середняк): "Не нужно было бы посылать миллионы английским рабочим, так как они не дают нам никакой пользы. Уменьшить жалование служащих, меньше содержать увеселительных зданий – нардомов, клубов, и эти средства использовать на улучшение сельского хозяйства. Также сколько правительство брало

золота и серебра от церквей и все деньги под этим видом голодающих попали служащим" // РГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 605, л. 88.

41. Об основных задачах сельского хозяйства в связи с развитием народного хозяйства и индустриализацией страны. Постановление VI съезда Советов СССР от 26 апреля 1927 г. // Директивы... – С. 685.

42. Рогалина Н.Г. Указ. соч. – С. 234.

43. Вопросы рационализации производства. Постановление ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. // Директивы КПСС... – С. 666-672.

44. Рогалина Н.Г. Указ. соч. – С. 234.

Д.В.Милохин
(Сыктывкар)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1953-1958 ГОДАХ (Коми региональный аспект)

Советская историография была склонна относить трудности в сельском хозяйстве в период 1946–1953 гг., главным образом за счет объективных условий: ущерб от войны, нехватка средств у государства, связанная с необходимостью усиления обороноспособности и т.п. [1]. Однако стоило вмешаться такому субъективному, в данном случае, фактору, как смена правительства, связанная с уходом из жизни И.В.Сталина в марте 1953 г., как приоритеты аграрной политики были существенным образом пересмотрены и необходимые средства были "неожиданно" найдены. Новое руководство в лице председателя Совета Министров СССР Георгия Максимилиановича Маленкова и Первого Секретаря Политбюро ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева инициировало начало реформ в сфере колхозного производства.

В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, а затем в сентябре того же года на Пленуме ЦК КПСС была выработана концепция аграрных преобразований, а также намечены первоочередные меры помощи сельскому хозяйству со стороны государства.

Впервые в истории колхозного строя было открыто официально признано наличие принципиальных ошибок в руководстве аграрным производством, приведших к ощутимому снижению уровня производства продукции в стране и большому социальному напряжению в деревне. Основную причину отсталости колхозов, особенно в животноводческой отрасли, новое правительство справедливо видело в действующих заготовительных ценах, которые не создавали необходимой заинтересованности колхозов и колхозников в развитии общественного животноводства. Г.М.Маленков в

августе 1953 г. на сессии Верховного Совета заявил, что "не увеличивая розничных цен в торговле и неуклонно осуществляя политику по дальнейшему их снижению, Правительство и Центральный комитет партии решили уже в текущем году пойти на повышение заготовительных цен на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозами и колхозниками государству" а также "изменить систему обложения колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку ... прошлых лет" [2].

Таким образом, отношение государства к деревне было изменено: система внеэкономических мер принуждения уступала дорогу принципу материального стимулирования. Государство впервые было готово оказать колхозам прямую и ощутимую финансовую поддержку, даже за счет ограничения своих интересов. Предполагалось осуществить следующий комплекс мероприятий: освободить коллективные хозяйства от накопленного к 1953 г. непомерного груза долгов путем их списания, резко повысить заготовительные и закупочные цены на все виды животноводческой продукции, облегчить колхозам доступ на рынок, значительно снизить налоговое бремя с индивидуальных подсобных хозяйств колхозников, обеспечить аграрную отрасль высококвалифицированными кадрами, поднять уровень механизации путем оказания всемерной помощи МТС. Все эти меры требовали огромного роста государственных расходов, но правительство считало это оправданным в связи с конечной целью реформ: достижением продовольственного изобилия в СССР. Тем более, что расчет был сделан на крайне сжатые сроки достижения необходимого эффекта. В августе 1953 г. Г.М.Маленков указывал, что главной задачей нового правительства станет "в ближайшие два-три года добиться в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности" [3].

Такой подход, однако, был чреват довольно значительными последствиями для социалистической экономики СССР в целом. Повышая хозрасчетную рентабельность сельхозартелей, путем перераспределения части национального дохода в их интересах, правительство значительно сокращало колоссальную народнохозяйственную рентабельность колхозной системы. Таким образом главный источник "первоначального социалистического накопления" терял свою эффективность и былую значимость. В связи с этим обстоятельством перед руководством страны неизбежно должен был возникнуть актуальнейший вопрос о поиске нового материального фундамента политического и экономического могущества Союза ССР. Внутренние резервы были исчерпаны, оставались только внешние. Ретроспективно следует отметить, что именно острая нужда в такого рода источнике финансовых поступлений и побудила в последующие годы к изменению характера всей экономической системы социализма —

переориентации народного хозяйства на тотальный экспорт собственных сырьевых ресурсов, прежде всего – энергоносителей, что в конечном счете сделало судьбу одной из ведущих мировых держав заложницей неконтролируемой конъюнктуры мирового рынка.

Так или иначе, но предпринятые шаги, безусловно, положительно сказались на сельскохозяйственном, прежде всего колхозном, производстве. С 1953 г. в артелях Коми АССР улучшилась ситуация с трудовыми ресурсами: впервые был замечен их некоторый рост, увеличился выпуск аграрной продукции. Вследствие роста денежных поступлений колхозы начали крепнуть экономически, значительно повысилось благосостояние крестьян.

Вслед за мерами по подъему животноводства были предприняты важные шаги и в другой основной отрасли аграрного производства – полеводстве. 28 марта 1954 г. вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС “Об увеличении производства зерна в 1954 – 1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель” [4]. Было решено выделить значительные ресурсы на освоение земельных массивов в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа, площадью не менее чем 13 млн. га. В сжатые сроки за государственный счет были организованы новые мощные зерновые совхозы, укомплектованные, в порядке организованного набора и за счет энтузиастов качественной рабочей силой, обеспеченные всеми необходимыми техническими ресурсами. Вскоре это постановление было дополнено новым от 17 августа 1954 г. “О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна. В нем отмечалось, что: “ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассматривают успехи достигнутые в этом году по освоению целинных и залежных земель..., как начало великого всенародного дела увеличения производства зерна в стране...” [5].

Не касаясь хода освоения целины, следует отметить, что результаты проведенной кампании поначалу действительно были ошеломляющими. Валовое производство зерна резко возросло. В первые годы казалось, что СССР, в конце концов, решил важнейшую зерновую проблему. Однако неумелое хозяйствование впоследствии привело к значительному снижению урожайности на освоенных площадях, ставя под вопрос эффективность всего мероприятия.

Обратная сторона медали кампании по подъему целины, безусловно, состояла и в том, что традиционным, центральным районам земледелия уже не приходилось рассчитывать на столь необходимые им инвестиции. В ущерб интенсивному, ставка была сделана на экстенсивный вариант экономического развития. Соблазн легкого, а главное – быстрого успеха перевесил долгосрочную, но более перспективную программу подъема деревни Центра России. Таким образом, если до 1953 г. колхозы вынуждены были сидеть на “голодном пайке” в связи с перераспределением денег в интересах промышленности, то с 1954 г. они не получали должных инвес-

тиций, поскольку имеющиеся средства были направлены на освоение новых целинных земель. Это не могло не сказаться негативным образом на российской деревне. Так, за период 1954-1959 гг. было освоено 45 млн. га целины, при этом, за это же время более 13 млн. га было выведено из сельскохозяйственного оборота в Российском Нечерноземье [6]. И.Е.Зеленин приводит выводы известного экономиста-аграрника И.В.Русинова, относительно "целинной эпопеи": "Не обеспеченный производственной, да и социальной инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной зоне РСФСР, и привел к росту общих потерь урожая зерновых до 25-39 и более млн. т в год"; "все это наряду с другими факторами в конечном счете привело к снижению темпов производства, резкому росту закупок зерна за рубежом" [7].

В самом начале 1955 г., по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева, на посту Председателя Совета Министров СССР Г.М.Маленкова сменил Н.А.Булганин, бывший министр обороны. Неблагополучное положение в аграрной сфере новое правительство связывало и с ошибками в методах планирования, которые были связаны с "чрезмерной централизацией и большим количеством показателей, устанавливаемых для колхозов" без "государственной необходимости" и соблюдения "интересов колхозов и колхозников". Данный тип "шаблонного планирования" по мнению создателей постановления от 9 марта 1955 г. "Об изменении практики планирования сельского хозяйства" "вызывал неправильное размещение сельскохозяйственных культур", "не позволял более правильно организовать ведение общественного животноводства" и "сковывал инициативу колхозов и МТС, ослаблял их ответственность" [8]. Ранее существовавший порядок был изменен. Новые правила планирования предусматривали определение лишь общих основных параметров производства, без дополнительной детальной регламентации всех этапов технологического процесса. Основным критерием успешной работы колхоза с этого момента стали не валовые показатели или процент выполнения нормативов, а уровни урожайности и продуктивности, достигнутые на единицу земельной площади.

Колхозы поспешили самым естественным образом воспользоваться либерализацией в своих отношениях с государством исключительно в собственных интересах. На республиканской конференции по сельскому хозяйству уже в декабре 1956 г. секретарь Коми областного комитета КПСС Е. Катаев с возмущением отмечал, что в республике наблюдается "тенденция к сокращению посевных площадей, поголовья скота, ликвидация птицеводческих и овцеводческих ферм", так как "руководители отдельных колхозов стремятся составлять заниженные планы... Посевные площади под зерновыми культурами сокращают под предлогом расширения площадей

под кормовыми культурами, посевы картофеля и овощей уменьшают, ссылаясь на повышение урожайности, поголовье общественного скота уменьшают под предлогом поднятия продуктивности животноводства, а низкие планы по продуктивности скота объясняют стремлением к созданию материальной заинтересованности работников животноводства, якобы перевыполняющих план. Чтобы чем-то прикрыть *стремление к сокращению сельскохозяйственного производства* (курсив авт.), отдельные колхозы иногда сильно завышают планы по урожайности: мы, мол, валовые сборы не сокращаем, а увеличиваем, хотя заранее знают, что такого высокого урожая, как запланировали, не получают. Руководители отдельных колхозов говорят, что овцеводческие и птицеводческие фермы нерентабельны и поэтому *нет смысла заниматься этим делом* (курсив авт.) [9].

Таким образом, можно определенно утверждать, что именно с этого момента взаимоотношения колхозов с государством стали приобретать все более выраженные черты игры в "кошки-мышки", что вряд ли можно назвать успехом политики нового советского правительства.

С 1956 г., согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об увеличении производства и заготовок картофеля и овощей", вновь были повышены государственные заготовительные и закупочные цены на важнейшие полевые культуры, с целью стимулирования роста их выпуска. Например, для колхозов Коми АССР цены на картофель устанавливались в рамках от 330 до 600 руб. за тонну, в зависимости от сроков сдачи и вида поставок. На остальные овощи цены были повышены на 70 процентов [10]. Данная мера позволила увеличить производство указанных культур в колхозах, создать условия роста доходности артелей, повысить уровень материальной заинтересованности колхозников.

Процесс либерализации всей колхозной жизни нашел свое развитие в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели" от 6 марта 1956 г. [11]. Впервые официально была поставлена под сомнение непогрешимость буквы "Сталинского Устава", "неушимого закона артельной жизни", своего рода колхозной конституции, неизменно существовавшей уже более 20 лет, с 1935 г. Данный шаг правительства свидетельствовал о его решимости реформировать сложившуюся в 1930-1940-е гг. колхозную систему. В качестве обоснования выдвигался тезис о том, что: "Примерный устав ...уже не охватывает все стороны многообразной жизни и деятельности колхозов, в ряде случаев ограничивает инициативу ... ведения общественного хозяйства". Политическое руководство полагало, что: "...со времени принятия ... устава ... произошли серьезные изменения в колхозной деревне — создана новая материально-техническая база, накоплен богатый опыт организации и ведения коллективного хозяйства, возросла политическая сознательность колхозного

крестьянства ... в этих условиях колхозы сами могут решать еще более самостоятельно, чем до сих пор вопросы колхозной жизни", исходя из "общенародных интересов государства, общественных интересов колхозов и личных интересов колхозников". В связи с указанными соображениями ЦК КПСС и СМ СССР "рекомендовал" колхозам, "исходя из главной задачи обеспечения крутого подъема земледелия и животноводства, самим дополнять и изменять отдельные положения ... устава с учетом местных ... условий" [12].

Стоит отметить, что мысль о возможном несовпадении, или даже некотором существующем противоречии между государственными и собственными колхозными интересами, разработчики "Постановления" допустить конечно не могли. Возникает впечатление, что политическое руководство страны стало жертвой расставленной его предшественником идеологическую ловушку: мифологемы о монолитном единстве советского общества, о "вечном и нерушимом союзе" рабочего класса и крестьянства, народа и государства, государства и партии. В период правления И.В.Сталина зачастую лозунги были одни, а реальные шаги, особенно в области аграрной политики, – совершенно иного характера.

В то же время трудно говорить о принципиальном изменении Устава, таком, например, как его третья редакция 1965 г., согласно которой приоритет отдавался формированию фонда потребления колхозов, что было совершенно немыслимо в предшествующий период. В 1956 г. сталинский устав подвергся лишь незначительной корректировке, без изменения, например, таких важных моментов, как система заготовок продукции колхозов, обязанность их выполнять государственный план, "повинность" колхозников вырабатывать "годовой минимум" трудодней, размеры личного подсобного хозяйства крестьян и ряд других. Гораздо важнее были психологические последствия. В сознании колхозного крестьянства эти институты колхозной жизни, связанные с именем Сталина и считавшиеся ранее верхом объективности и совершенства, теряли свою "святость".

Одновременно было принято решение, направленное на очередное повышение материальной заинтересованности колхозников в трудовом участии в общественном хозяйстве колхозов и снятие социальной напряженности в деревне. В постановлении отмечалось, что "существующая в колхозах практика, когда основная часть доходов, подлежащая распределению по трудодням, выдается колхозникам лишь по окончании хозяйственного года, недостаточно способствует росту производства сельскохозяйственных продуктов" и рекомендовалось применять "более прогрессивную систему распределения доходов, при которой авансы колхозникам выдаются ежемесячно на все трудодни, выработанные в общественном хозяйстве". Фактически это означало ликвидацию сталинской системы оплаты труда колхозников по "остаточному принципу",

согласно которой на трудодни распределялось лишь то, что имелось в наличии после выполнения колхозами всех форм государственных поставок и обеспечения внутрихозяйственных нужд, разумеется в случае, если было что распределять. До этого решения государство не несло формально никакой ответственности за благосостояние колхозников.

Ситуация изменилась благодаря принятым мерам. В колхозах Коми АССР, например, за период с 1955 по 1958 г. доходы по трудодням в денежном выражении выросли в среднем в два с половиной раза. Такие темпы роста доходов в сельскохозяйственном производстве были беспрецедентны за все время существования колхозов в Коми АССР. Но в абсолютном выражении сельский труд по-прежнему оставался наиболее низкооплачиваемым, по сравнению с остальными отраслями народного хозяйства. Кроме того, объем натуральных выдач на трудодни остался на прежнем уровне, а по отдельным видам продуктов даже снизился.

Некоторые последствия социально направленных шагов правительства имели и весьма неожиданный результат. В условиях повышения денежных доходов при заниженной розничной цене на хлеб крестьяне стали активно его скупать и пускать на корм домашнему скоту. Масштабы такой практики были столь велики, что грозили дезорганизовать обеспечение населения основными продуктами питания. Потребовалось принятие на высшем уровне специального постановления от 27 августа 1956 г., регламентировавшего самым серьезным образом рацион животных. В нем отмечалось: "Спекулятивные элементы покупают в государственных магазинах по низкой государственной цене хлеб, крупу и другие продукты для кормления скота, а животноводческие продукты продают на рынке по высоким ценам" [13]. Скармливание животным ряда продуктов (хлеб, мука, картофель, крупа и др.) было строгойше запрещено под угрозой штрафа в 500 руб. и 1000 руб. (повторно). Этим же постановлением усиливалась ответственность колхозников за невыполнение обязательного годового минимума трудодней. В качестве меры воздействия нарушителям увеличивался объем натурального налога с индивидуального подсобного хозяйства.

Однако дисциплинарная политика уже не отличалась особой последовательностью. 4 июля 1957 г. было издано постановление ЦК КПСС и СМ СССР "Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих", как это видно из названия, вновь носящего ярко выраженный социальный характер. В нем отмечалось, что "рост колхозного и совхозного производства и увеличение, в связи с этим объема заготовок... за счет колхозов и совхозов позволили государству еще в 1953 г. значительно снизить нормы обязательных поставок... продуктов хозяйствами колхозников..., а теперь имеется возможность полностью освободить эти хозяйства от обязательных поставок государству всех продуктов... Это несомненно улучшит мате-

риальное благосостояние колхозного крестьянства..." [14]. Постановление вступило в силу с 1 января 1958 г.

Необходимо отметить, что постановление от 4 июля 1957 г. содержало достаточно романтический и амбициозный "постскриптум", полный необычайного оптимизма: "ЦК КПСС и СМ СССР с удовлетворением отмечают, что призывы передовых колхозов... развернуть социалистическое соревнование за получение на 100 га сельскохозяйственных угодий по 100 и более центнеров мяса и по 400 и более центнеров молока с тем чтобы в ближайшие годы догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения, встретили поддержку и одобрение всего советского народа. Нет сомнения в том, что эта задача будет выполнена. Возможности у нас для этого имеются, надо только правильно их использовать" [15].

Можно высказать предположение, что невозможность достигнуть указанную цель, а кроме того проведение и других сколь громких, столь и сомнительных кампаний: "кукурузной", "целинной", создание совнархозов, реформы МТС, разделение КПСС на две части – аграрную и промышленную и т.д., в немалой степени способствовало дискредитации всего внутриполитического курса Н.С.Хрущева, в том числе и аграрного и обвинению его в "волонтаризме" с последующей отставкой в октябре 1964 г. Д.Бюффа отмечает, что к этому времени "его популярность резко упала во всех слоях общества" [16]. Л.Н.Денисова также указывает на то, что "оживление экономической и социальной жизни общества и в том числе деревни, проявившееся в течение второй половины 50-х гг., сменилось спадом основных социально-экономических показателей и моральным дискомфортом большинства населения" [17].

С 1 января 1958 г. отменялась и прежняя система реализации колхозной продукции, согласно закону от 28 сентября 1957 г. "О признании утратившим силу постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и решений правительства СССР по вопросам обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству" [18]. В июле 1958 г. в связи с реформой МТС была отменена и натуроплата за их услуги. Таким образом, многоступенчатость заготовок, при которой на один и тот же вид произведенной продукции назначалась разная цена, в зависимости от канала поставки, была отменена с переходом на единую систему государственных закупок.

Краткосрочные и долгосрочные последствия этих мер в развитии как аграрной подсистемы, так и всей советской экономики были весьма значительны. С одной стороны, хозяйства колхозов вновь должны были получить значительное увеличение финансовых поступлений, которые позволили бы им значительно укрепить свою экономику. С другой стороны, государство в один момент лишалось источника очень дешевой аграрной продукции, как от колхозов, так и от индивидуальных хозяйств колхозников. Чтобы

восполнить потерю, теперь необходимо было выделять на ее покупку гораздо большие средства, что не могло не создать напряжение в союзном бюджете.

Но артели не только не успели воспользоваться плодами роста своих доходов, но и должны были пожертвовать своими накоплениями за все предыдущие годы. Принятый Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г. закон "О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС" [19] заставляет усомниться в концептуальной последовательности реформ, проводившихся с 1953 г. В силу резкого изменения отношений государства и колхозов, а также множества негативных последствий для них обоих, этот шаг можно расценить не иначе как крупнейшую контрреформу по отношению ко всем предыдущим мерам, направленных на оказание помощи колхозному производству. Закон утверждал, что в целях "успешного решения задач коммунистического строительства" и с "единодушного одобрения и поддержки колхозного крестьянства, рабочего класса, интеллигенции и всего советского народа" следует "реорганизовать МТС в РТС. Тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, принадлежащие МТС, продавать колхозам ... Колхозам, не имеющим возможности сразу оплатить купленные ими тракторы и машины, предоставлять в рассрочку в зависимости от их экономического состояния. Продавать, начиная с 1958 г. колхозам и совхозам новые тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины ... Деятельность РТС осуществлять на основе хозяйственного расчета" [20].

Тем самым был самым серьезным образом изменен статус колхозно-кооперативной собственности. Колхозы становились непосредственными владельцами ключевой части основных средств производства – всей сельскохозяйственной техники. Безусловно, до этого артели были владельцами основных средств производства – зданий, техники, скота. Однако в конечном счете, не они решали судьбу сельского хозяйства, решали его мощная техника и земля. Реформа снимала прямую ответственность с государства за дело развития механизации колхозного производства. В результате колхозы оказались один на один с этой сложной проблемой. К концу 1958 г. основные средства производства МТС Коми АССР уменьшились на 24 млн. руб. [21].

На наш взгляд, краткосрочные последствия реформы МТС для государства были чрезвычайно выгодными. МТС снимались с баланса государственного бюджета. Расходы на покупку, эксплуатацию и ремонт машин несли теперь сами колхозы. Кроме того, государство от данной "приватизации" получало значительную сумму, в некоторой степени компенсировавшую ранее сделанные затраты на подъем сельскохозяйственного производства. Но это было явно не в интересах колхозов. В результате покупки сельхозтехники, артели лишались всех сделанных накоплений от государственных инвестиций прошлых лет. Расходы на

технику не могли быть покрыты силами самих хозяйств. При этом с 1958 г. государственные цены на машины и запчасти к ним были повышены, а закупочные на продукцию колхозов впервые с 1953 г. – несколько понижены. Все это в крайней степени обременяло финансовое состояние коллективных хозяйств. Резкий рост производственных затрат, обусловил увеличение себестоимости аграрной продукции. Доходность колхозного производства вновь, как и до 1953 г., стремительно устремилось за черту рентабельности. Заново встал вопрос о шансах колхозной системы на перспективное развитие.

Долгосрочные последствия для государства также были негативными. В условиях несравненно большей хозяйственной самостоятельности колхозов, чем это было при И.В.Сталине, при резком снижении внутренних экономических стимулов к производству, артели были вынуждены сокращать объем выпуска своей продукции. Отток населения, а значит и трудовых ресурсов из деревни, вновь стал приобретать широкий масштаб. Все это и привело к необходимости полной ликвидации колхозной системы и замены ее на совхозное производство в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Необходимо отметить, что эти и другие подобного рода опасения были открыто высказаны рядом высших чинов государства: Г.М.Маленковым, В.М.Молотовым, Л.М.Кагановичем, Н.А.Булганиным, К.Е.Ворошиловым и др. Однако попытка в июне 1957 г. сместить Н.С.Хрущева с поста Первого секретаря КПСС закончилась провалом. “Члены антипартийной группы” (Маленков, Молотов, Каганович и Шепилов), обвиненные во фракционной деятельности, были сняты со своих постов и удалены из всех руководящих органов.

Тем не менее, исходя из интересов сельскохозяйственной отрасли советской экономики, аграрную политику с сентября 1953 г., до марта 1958 г. можно оценить, как положительно повлиявшую на развитие и укрепление колхозного строя в СССР. Проводимые меры носили социально направленный характер, принимались в интересах экономики колхозов, колхозного крестьянства, деревни в целом. Они позволили смягчить ужасающие последствия социально-экономического кризиса в деревне конца 1940-х – начала 1950-х гг., вызванного политикой “реставрации” довоенных методов управления сельским хозяйством в СССР. К сожалению, столь положительные тенденции не были должным образом закреплены, а ряд последующих концептуальных ошибок свел их на нет. С середины 1960-х гг. вынужденный перевод колхозов в совхозы приобрел характер массовой кампании. В 1973 г. колхозный сектор сельского хозяйства Коми АССР перестал существовать [22].

1. Морозов В.О. Из истории развития сельского хозяйства РСФСР (1953-1958 гг.) // История СССР. – 1961. – № 4.
2. За новый Север. – 1953. – 9 августа.
3. Там же.
4. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – М., 1959. – Т. 2. – С. 419-423.
5. Там же. – С. 438-439.
6. Денисова Л.Н. Деревня Российского Нечерноземья. 1960-1980-е годы: Автореф. дис... д-ра истор.н. – М., 1996. – С. 18.
7. Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. – 1996. – № 2. – С. 66.
8. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – М., 1959. – Т. 2. – С. 441.
9. За новый Север. – 1956. – 4 декабря.
10. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – М., 1959. – Т. 2. – С. 445-449.
11. Там же. – С. 449-452.
12. Там же.
13. Красное знамя. – 1956. – 29 августа.
14. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – М., 1959. – Т. 2. – С. 465-466.
15. Там же. – С. 466.
16. Боффа Д. История Советского Союза. – М., 1994. – Т. 2. – С. 525.
17. Денисова Л. Н. Деревня Российского Нечерноземья: Автореф. дис... д-ра истор. н. – М., 1996. – С. 4, 5.
18. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – М., 1959. – Т. 2. – С. 470.
19. Там же. – С. 471-473.
20. Там же. – С. 473.
21. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 4868, л. 37об.
22. История Коми АССР. – Сыктывкар, 1978. – С. 525.

Н.М. Игнатова
(Сыктывкар)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СПЕЦПОСЕЛКАХ КОМИ АССР

В 1930-1950-е гг. в Коми АССР было завезено большое количество насильственно переселенных (спецпереселенцев) для работы в лесной промышленности. Использование труда спецпереселенцев в сельском

хозяйстве, в отличие от трудоустройства в лесозаготовительной отрасли, было направлено прежде всего на обеспечение продуктами питания самих спецпереселенцев в местах заселения. В начале 1930-х гг. руководство страны потребовало от местных органов власти создать в крупных спецпереселенческих районах собственную продовольственную базу с помощью организации на неосвоенных землях неуставных сельхозартелей (то есть созданных не по уставу советского колхоза, а исходя из специальных документов), используя ту часть спецпереселенцев, которые по состоянию здоровья не годились для работы на промышленных предприятиях. В 1930-1931 гг. в Коми крае было организовано более 40 спецпоселков, и во всех предстояло создать сельскохозяйственные артели [1].

В Северном крае было гораздо сложнее, чем на Урале, в Сибири и Казахстане, решить проблему создания собственной продовольственной базы, главным образом из-за суровых климатических и неблагоприятных почвенных условий. Между тем, к концу 1932 г. во всех 217 спецпоселках Северного края были созданы сельхозартели, сельским хозяйством было занято 13,5% спецпереселенцев [2]. В целом по стране из 1526522 спецпереселенцев сельскохозяйственным трудом в конце 1931 г. было занято 22,5% [3]. В Коми крае спецпереселенцы в основной массе были задействованы в лесозаготовительной отрасли, но в некоторых регионах СССР сельское хозяйство стало для них основным занятием.

Спецпереселенцы в сельскохозяйственной артели были объединены по добровольно-принудительному принципу, т.е. в официальных документах было объявлено о добровольном вхождении спецпереселенцев в сельхозартели, а в реальности в состав артели включались в обязательном порядке все совершеннолетние спецпереселенцы. Основной формой организации труда в артели должна была стать бригада. Под земельный фонд артели передавались близлежащие к поселку лесные участки, которые спецпереселенцы сами раскорчевывали под пашню и сенокосы. Значительная часть этих земель была малопригодна или совсем непригодна для сельскохозяйственного освоения, поэтому с 1932 г. массовый характер приобретает передача спецпоселковым артелям земель, в основном сенокосных угодий, от местных колхозов. Постепенно объем земельных угодий, принадлежащих спецпоселковым артелям, за 1931-1935 гг. увеличился в два раза. В неуставных сельхозартелях спецпоселков сеяли ячмень, овес, горох, картофель, однолетние и многолетние травы, а также морковь, свеклу, редис, капусту, лен. Что касается животноводства, то в спецпоселковых артелях держали в основном лошадей и коров, меньше коз, овец, свиней, кроликов и птиц.

К середине 1930-х гг. в спецпоселковых сельхозартелях Коми края накопились серьезные проблемы, требовавшие незамедлительного решения. В середине 1930-х гг. по спецпоселкам Усть-Куломского района отмечалось следующее: "При организации поселков не было уделено достаточного

внимания развитию сельского хозяйства, в основном внимание было обращено на развитие лесного хозяйства и на лесозаготовку. Спецпоселки Зинстан, Лопьювад, Крутобор, Тимшер и Чудь-ю построены на голом песке в сосновом бору, чтобы было ближе возить лес на строительство. В первые годы после организации спецпоселков сельским хозяйством в поселках не занимались, сева в 1930–1931 гг. не проводилось. Раскорчевку земель проводили в отдаленности от поселка, так как искали легко осваиваемые земли, чтобы только выполнить план по количеству. Вследствие этого разбросанность участков на сегодняшний момент составляет до 24–40 км (с/п Окос, Вежаю, Чер). Земли своевременно не обрабатывались и истощались, удобрения не применялись. Не было точного разграничения функций в руководстве над неуставными артелями между отделом спецпереселения ЛПХ и Райзо, леспромхозом сельхозработа не учитывалась и срывалась. Все поселки в районе обслуживает один агроном. Ввиду большой территориальной разбросанности спецпоселков в каждом агроном побывать не смог, а участковые агрономы к работе относятся безответственно. Постоянных производственных бригад в артели нет, бригадиры часто меняются. Годовые производственные планы никем не перепроверяются и рядом поселков не выполняются. Лошади истощены ввиду безобразного к ним отношения, животноводство в полном загоне” [4]. В подобном положении оказались многие спецпоселки области.

Артели в спецпоселках были организованы в основном на песчаных или заболоченных почвах, поэтому при отсутствии удобрений часть посевов зерновых или совсем пропадала, или скашивалась на корм скоту. Эту ситуацию необходимо было решать коренным образом, так как семенной материал, выделяемый спецпоселкам, попросту погибал. В 1933 г. управление треста “Комилес” отмечало, что за три года (с 1931 г.), когда проводился посевы зерновых, картофеля и овощей, урожай либо вообще не получали, либо получали ниже минимального.

Для того, чтобы лесные почвы спецпоселков давали хотя бы минимальный урожай, в середине 1930-х гг. было решено поступить следующим образом – заняться расширением кормовой базы и животноводства, сократить расширение посевных площадей. Это представлялось руководством области единственным правильным выходом из сложившейся ситуации. Кислые почвы в спецпоселках нуждались в достаточном количестве удобрений, а для этого необходимо было иметь много скота и соответствующую кормовую базу. В спецпоселках Коми АССР было решено одним из приоритетных направлений сельскохозяйственной деятельности сделать животноводство [5].

Животноводство развивалось не совсем благополучно. Первоначально скот передавался спецпоселкам хозяйственными организациями. Леспромхозы скот передавали старый и истощенный. Коровы годились только на убой. Кроме того, из-за нехватки сенокосных угодий и, соответственно,

фуража, в спецпоселковых артелях наблюдался большой падеж скота. Чтобы избежать критической ситуации, приходилось выделять дополнительные кормовые ресурсы. Коми Обком ВКП(б) и Коми Облисполком ставили задачу добиться дополнительного отпуска кредитов на расширение лугов и пастбищ в спецпоселках, а также оказывать всемерное содействие сельхозартелям в спецпоселках в приобретении ими скота, как в коллективное, так и в индивидуальное пользование [6].

К 1936 г. ситуация в спецпоселках треста "Комилес" несколько стабилизируется. В коллективной собственности сельхозартелей имелось 3042 единицы крупного рогатого скота, в индивидуальном пользовании – 360, соответственно свиней – 500 и 241, лошадей – 1086 и 4, овец и коз – 963 и 26 и т.д. [7]. Всего по Коми АССР с 1936 по 1938 г. произошел некоторый рост количества скота в спецпоселковых артелях. При этом в личном хозяйстве рост шел быстрее, чем в хозяйстве артелей.

Весенняя посевная кампания в 1936 г. прошла вполне удачно. По пшенице план был перевыполнен – предполагалось засеять 89 га, а было засеяно 96,68 (108%). Почти был выполнен план посева по картофелю и ячменю, что можно отнести уже к определенным успехам. По многим культурам посев был проведен на гораздо меньшей площади, чем запланировано, в частности, план по посеву многолетних трав был выполнен на 28%, по посеву лука – на 0,1% [8].

К факторам развития сельского хозяйства можно отнести и расширение производственного строительства в артелях. В частности, в 1936 г. построили 30 овощехранилищ, 15 скотных дворов, 35 конюшен, 42 склада и 42 колодца [9]. В спецпоселках стало больше сельхозтехники. В начале 1930-х гг. из сельхозинвентаря использовали плуги, бороны, телеги, меньше – сеялки, веялки, сенокосилки и соломорезки, иногда применялись корчевальные машины. В конце 1930-х гг. в спецпоселках стали также использовать культиваторы, жатки, молотилки, "картофелекопалки", "окучники", трактора.

К 1937 г. для спецпоселковых артелей были окончательно установлены правила госпоставок. Неуставные спецпереселенческие сельхозартели наряду с обычными колхозами привлекались к обязательной сдаче государству зерна, картофеля, мяса, молока и шерсти в соответствии с установленными планами сева и развития животноводства. Нормы сдачи должны были соответствовать нормам колхозов в данном определенном регионе [10]. Спецпереселенцы, работающие в промышленных отраслях, были освобождены от государственных поставок зерна, картофеля и продуктов животноводства [11].

Одним из путей развития спецпоселковых артелей руководство области видело в укрупнении артелей, т.е. в объединении спецпоселков. В частности, в середине 1930-х гг. постепенно четыре поселка Лева-Керос, Одьо, Лопью и Боровой Сторожевского района были объединены в один поселок

Боровой, население которого состояло в сельхозартели "Стахановец". Но объединение не позволило активно развиваться артели, ввиду того, что спецпоселок Боровой от прежних поселков практически не получил никакого имущества, но при этом к нему перешли их задолженности в размере 78 тыс. руб. Кроме того, переданные пашни располагались на песчаных участках, сильно удаленных друг от друга, сенокосные угодья в большей части были расположены в лесистых и заболоченных местностях, расчищенных лугов было около 25%. Главная причина критического положения артели состояла в том, что многие занятые в артели спецпереселенцы перешли на работу в лесозаготовительные организации. Основная масса спецпереселенцев ушла из колхоза в 1937-1941 гг. и перешла на работу в лесопункты существовавшего в эти годы Локчимлага. Для развития сельского хозяйства в спецпоселках необходимо было вернуть спецпереселенцев на работу в артели. На заседании бюро Коми Обкома ВКП(б) 17 мая 1941 г. было принято постановление, по которому Сторожевский леспромхоз обязан был возмещение, по которому работу в спецпереселенческие сельхозартели, но данное постановление не было исполнено [12].

Спецпереселенцев как рабочую силу часто не могли поделить между собой коменданты спецпоселков, которым нужно было заботиться о сельском хозяйстве, и начальники лесопунктов, перед которыми стояла задача в короткие сроки повысить объем лесозаготовок. В артелях, как правило, работало гораздо меньше человек, чем на лесозаготовках. Так, в 8 спецпоселках Сыктывдинского района в 1932 г. на сельхозработах было занято 188 чел., а на работах в лесу — 1691 спецпереселенец [13]. Чтобы сбалансировать ситуацию, спецпереселенцы часто снимались с лесозаготовок на сенокос и лесоустройство. В 1934 г., когда было запланировано резкое увеличение пахотных площадей спецпоселков, Коми Обком ВКП(б) обязал трест "Комилес", на предприятия которого в основном были переданы спецпереселенцы, выделить рабочую силу из спецпереселенцев на проведение сельхозработ "в первую очередь" [14].

С 1936 г. ситуация меняется. Теперь центральными органами власти декларируется, что спецпереселенцы должны быть заняты на производстве, а сельское хозяйство с данного момента относится к второстепенному виду деятельности, и работать в этой отрасли должны исключительно мало- и нетрудоспособные спецпереселенцы. И хотя продолжалась практика снятия на определенное время работающих в лесу на сенокос (в частности, по распоряжению Усть-Куломского райкома в августе 1937 г. все спецпереселенцы поселков Зинстан, Окос и Лопъювад, занятые на лесозаготовках, были отправлены на сенокос) [15], именно с этого момента сельскому хозяйству в спецпоселках уделяется все меньше внимания, и оно постепенно приходит в упадок.

СНК СССР 9 сентября 1938 г. вынес постановление о переводе неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей на устав артелей. Бывшие неуставные артели спецпоселков стали называться спецпереселенческими колхозами, и учет их деятельности теперь велся наряду с остальными колхозами Коми АССР. Трудоиспользование спецпереселенцев по-прежнему осуществлялось отделами трудовых поселений УНКВД через договора, заключаемые с хозорганизациями, которые, в свою очередь, должны были заключать договора со спецпереселенцами-членами артелей. Ситуацию с рабочей силой это постановление не улучшило. В конце 1930-х гг. все больше людей уходило на работу в соседние со спецпоселками леспромхозы.

Одна из важных причин упадка сельского хозяйства, в частности, животноводства, в спецпоселках состояла в том, что в колхозах мало заботились об увеличении кормовой базы, и прокормить скот заготовленными за лето кормами порой оказывалось практически невозможно. В колхозе "Гортель" Троицко-Печорского района, как отмечалось в документах райкома ВКП(б) в 1945 г., лошади были так истощены, что в течение мая месяца на них уже не работали [16]. Свою роль играла и безответственность. Акты о приемке сена составлялись в колхозе со слов бригадиров. В итоге приписки составляли 30-40%. Но кормовой баланс был составлен по актам о приемке, поэтому нормально кормили скот до января, а когда оказывалось, что реально фуража меньше, чем записано, то норму кормления приходилось резко сокращать. Подобная ситуация наблюдалась и в Усть-Куломском районе, когда в апреле 1945 г. в восьми спецпереселенческих колхозах было зафиксировано резкое сокращение поголовья скота [17].

Справедливости ради надо отметить, что были успехи и положительные примеры деятельности спецпереселенцев в сельском хозяйстве. В Кожвинском районе в 1945 г. в большинстве колхозов посев на семенных участках проводился ручным способом, и только в колхозах "Песчанка" (спецпереселенческий), "Рычаг" и "Пиня-из" (спецпереселенческий) сев провели рядовым способом. Семеноводческие звенья были организованы в пяти колхозах, в том числе, наряду с колхозами "Рычаг", "Луч" и им. Мичурина, в спецпереселенческих – Песчанка и Пиняиз [18]. В поселке Песчанка в 1946 г. Ольга Федоровна Хомутова вырастила 152 ягненка при плане 118, за что получила в качестве дополнительной оплаты 23 ягненка. В спецпоселке Чесель Летского района пчеловод Иван Алексеевич Артюхов собрал от каждой пчелосемьи по 80 кг меда при плане 26 кг [19]. В Усть-Куломском районе в 1945 г. рост по крупному рогатому скоту дали 11 колхозов из 82, в том числе спецпереселенческий колхоз "Зинстан" [20].

Несмотря на некоторые успехи, в спецпоселковых колхозах в послевоенное время сложилась совершенно критическая ситуация. Главная причина кризиса состояла в нехватке рабочих рук. Многие колхозники

перешли на работу в близлежащие лесопункты. Зарплата в лесозаготовительных предприятиях выдавалась более или менее регулярно, в послевоенное время и условия проживания в спецпоселках, занимающихся заготовкой леса, были благоприятнее. Если в колхозах погибал урожай вследствие заморозков или каких-либо других причин, то колхозники фактически были обречены на голодное существование, поэтому они уходили работать в леспромхозы.

В поселковом колхозе "Чесьель" Летского района в 1930-е гг. было объединено 70 семей, в 1938 г. численность колхозников немного увеличилась и составила 82 семьи или 265 чел. [21]. В 1943 г. в связи с уходом колхозников на лесоразработки и в другие организации осталось трудоспособных, включая подростков, 68 человек. Вследствие этого колхоз Чесьель сильно отставал с сельхозработами. Из-за недостаточного ухода весь скот был болен, увеличивался его падеж [22]. В колхозах спецпоселков "Тимшер" и "Лесной Чер", где трудоспособных в 1942 г. насчитывалось соответственно 44 и 43 чел., существовала и продовольственная проблема. Поселковые колхозы сами прокормить себя не могли, а продукты питания поступали с большими перебоями, поэтому нередко спецпереселенцам приходилось питаться "суррогатами, вплоть до толченой коры" [23]. В тех же передовых на 1945 г. колхозах в спецпоселках Пиня-из и Песчанка, о которых говорилось выше, к 1951 г. осталось соответственно 22 и 32 трудоспособных колхозника. В конечном счете это все отражалось на производственных показателях. В частности, в спецпоселковом колхозе Песчанка с 1941 по 1951 г. надои молока сократились в 2 раза, урожай зерновых уменьшился в 4 раза, урожай картофеля – в 1,5 раза. Однако все решения об улучшении положения оставались на бумаге, и через несколько лет ситуация еще более усугубилась.

В докладной записке секретаря Коми обкома ВКП(б) Тараненко, направленной в адрес ЦК ВКП(б) в феврале 1947 г., констатировалось: "В первые годы после организации спецпоселковых артелей в них имелось достаточное количество трудоспособных членов, рабочего скота и других средств для того чтобы полностью обрабатывать землю, содержать скот и выполнять свои обязанности перед государством. Если в начале 1930-х гг. в спецпереселенческих артелях насчитывалось 5000 хозяйств (семей), то на 1 января 1947 г. осталось только 958 (спецпереселенческих колхозов на данный момент в Коми АССР было 26), в большинстве артелей осталось от 10 до 30 хозяйств, 11-35 человек в артели. Уменьшилось и количество машин. Количество же земли и скота не уменьшилось. Большая часть трудоспособного населения из этих артелей ушла на постоянную работу в лесную промышленность, на транспорт, нефтяную и газовую промышленность, а также уехали после освобождения за пределы республики (в основном туда, откуда были переселены вместе с главами семей и сыновьями, демобилизованными из Советской Армии). Оставшееся насе-

ление в большинстве этих артелей не обеспечивало обработку имеющейся земли, содержание скота и выполнение обязательств перед государством. Многие из спецпереселенческих колхозов на грани развала. Пополнить их людьми нет никакой возможности, а в ряде случаев нецелесообразно, т.к. земли очень плохие и нет перспектив роста отдельных артелей" [24].

Для разрешения кризисной ситуации в конце 1940-х гг. предлагалось 12 из 26 спецпоселковых колхозов ликвидировать, а рабочих, скот и имущество передать в другие колхозы. Если в начале 1930-х гг. трудоспособных в сельскохозяйственных артелях было около 10 тыс. чел., то к 1947 г. их осталось в спецпереселенческих колхозах 2 141, в 1948 г. – 2081 и в 1950 г. – 709 чел. [25]. Помимо сокращения числа спецпереселенцев, занятых в сельском хозяйстве, были и другие факторы, которыми объясняется упадок спецпереселенческих колхозов. Не уделялось достаточного внимания развитию кормовой базы. При организации поселков особое внимание уделялось развитию лесозаготовок, в ущерб развитию сельского хозяйства. Как правило, пахотные и сенокосные участки оказывались разбросанными на расстоянии 25-30 км, причем в основном они были расположены на бесплодных песчаных почвах. Удаленность спецпоселков от райцентров приводила к тому, что МТС были не в состоянии оказать помощь сельхозмашинами при проведении полевых работ.

В документах Коми областного комитета партии в 1950 г. была дана следующая характеристика развитию сельского хозяйства в спецпоселках: "В 1930–31 годах на территории Коми АССР были организованы спецпоселки, состоящие из бывших кулаков, переселенных из центральных и южных областей Советского Союза для работы в лесной промышленности. Население этих поселков в дальнейшем было объединено в сельхозартели. Места поселений под спецпоселки отводились в спешном порядке, без всяких предварительных обследований и учета почвенно-климатических условий для развития сельского хозяйства. Вследствие этого земли в настоящее время дают низкий урожай, кормовая база ограничена. Доходы колхозников низкие, поэтому трудоспособное население переходит в нефтяную, лесную и угольную промышленность" [26].

Поскольку в некоторых колхозах трудоспособных работников оставалось только несколько человек, предполагалось принять кардинальное решение и ликвидировать все спецпереселенческие колхозы. Земли передать другим колхозам или в подсобные хозяйства леспромхозов. Но в итоге были ликвидированы только мелкие и слабые. Крупные и жизнеспособные спецпереселенческие колхозы продолжали работать и в 1950-е гг. Часть колхозов слилась с местными хозяйствами либо укрупнилась путем слияния нескольких спецпереселенческих колхозов.

В целом следует отметить, что задача, ставившаяся в начале 1930-х гг. по созданию в спецпоселках собственной продовольственной базы, не была выполнена. Тем не менее примеры успешной деятельности

неуставных сельхозартелей в спецпоселках, а затем спецпереселенческих колхозов показывают, что при правильной организации труда и большем внимании к развитию сельского хозяйства, эффект от труда спецпереселенцев в сельскохозяйственных артелях (колхозах) мог быть гораздо выше. Большинство спецпереселенцев до переселения занимались крестьянским трудом. Но данный фактор не был учтен. Ситуация развивалась исходя из экономических потребностей государства, а не из возможностей и способностей спецпереселенцев.

Литература и источники

1. НА РК. Ф. 144, оп. 1, д. 1575, л. 8.; Ф. 148, оп. 1, д. 576, л. 121.
2. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–33 годы // Отечественная история. – 1996. – № 2. – С. 154.
3. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996. – С. 251.
4. НАРК. Ф. 3, оп. 1, д. 2508, л. 21, 26.
5. НАРК. Ф. 3, оп. 1, д. 2419, л. 50.
6. НАРК. Ф. 3, оп. 1, д. 2508, л. 6.
7. НАРК. Ф. 366, оп. 1, д. 38, л. 2.
8. Там же. Л. 3.
9. Ивницкий Н.А. Указ. соч. – С. 256.
10. НА РК. Ф. 144, оп. 1, д. 3371, л. 99.
11. НАРК. Ф. 3, оп. 1, д. 2467, л. 53).
12. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 858, л. 55–57.
13. НАРК. Ф. 374, оп. 1, д. 8, л. 1.
14. НАРК. Ф. 3, оп. 1, д. 2422, л. 80.
15. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 344, л. 40.
16. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 1306, л. 22
17. Там же. Л.23
18. КРГАОПДФ. Ф.1, оп. 4, д. 1298, л. 39.
19. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 160, л. 34.
20. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 1306, л. 23.
21. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 461, л. 1.
22. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 1035, л. 68.
23. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 733, л. 127.
24. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 164, л. 5–6.
25. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 711, л. 20.
26. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 710, л. 75.

СПЕЦПОСЕЛКИ КНЯЖПОГОСТСКОГО РАЙОНА КОМИ АССР

В начале 1930-х гг. в связи с раскулачиванием и депортацией крестьян в труднодоступных необжитых местах современного Княжпогостского района было основано шесть специальных поселков для “кулаков” и зажиточных крестьян. Ближайший от райцентра спецпоселок Виль-Ордым находился на расстоянии 54 км, самый дальний – Мешура – в 200 км от с. Усть-Вымь, бывшего районного центра. Сообщение с поселками планировалось осуществлять в летний период водным путем на лодках, в зимний – на санях.

Первые спецпереселенцы в количестве 1607 чел. были доставлены на перевалочную базу с.Турья в 1930 г. и распределены по поселкам: Мешура (412 чел.), Ветью (756 чел.), Усть-Коин (539 чел.). В 1931 г. было основано еще три спецпоселка: Божьюдор (509 чел.), Вожаель (163 чел.), Виль-Ордым (248 чел.). В 1932 г. в спецпоселках Княжпогостского района числилось 6815 чел. [1].

Строительство поселков было возложено на трест “Комилес”, однако, несмотря на постановление бюро Коми Обкома ВКП (б) от 18 марта 1931 г., план по застройке спецпоселков не выполнялся. Жилье вынуждены были строить сами переселенцы. С целью обустройства поселков мужчины как наиболее трудоспособная сила в первую очередь доставлялись к местам поселений. Документы свидетельствуют, что при отправке в Мешуру “самарские кулаки оказывали упорное сопротивление, два человека были арестованы и отправлены в Сыктывкар КОООГПУ. Охранник Яруков распространял слухи, что спецпереселенцев отправляют на верную гибель, так как запас продуктов имеется только на 9 дней. “Вследствие этого часть переселенцев в пути, который составлял 70 км пешего хода, “дезертировала” [2]. В течение месяца спецпереселенцами п.Мешура были построены контора, пекарня, склад, а также достраивался общий барак на 200 чел

Акт обследования спецпоселка Усть-Коин свидетельствует, что “население поселка, которое на 1.01.1933 г. составляло 1120 человек, жилищными помещениями вполне обеспечено, начато строительство отдельного дома под школу” [3]. Вместе с тем голод, холод, отсутствие одежды и обуви, задержка зарплаты приводили к массовым заболеваниям и высокой смертности. В течение 1933 г. в п.Усть-Коин умерло 224 чел., в том числе 47 детей. Инспектор райздрава Тютюник в феврале 1933 г. сообщал в райкомендатуру об угрожающем положении с продуктами питания в спецпоселках накануне весенней распутицы: “В связи со снижением норм питания у спецпереселенцев наблюдается истощение, безбелковые отеки, голодные обмороки. Дети едят всякие суррогаты, чем

наносят вред здоровью". В Вожаеле в 1933 г. детей в возрасте от 1 года до 6 лет числилось 430 человек, однако пайков детского питания было выделено 227; не доставало 1135 кг муки, 453 кг крупы, 340 кг. мяса, 22,7 кг масла. Такое положение с детским питанием было характерно для всех спецпоселков района [4].

Тяжелое положение приводило к проявлениям сопротивления существующему режиму. Исходя из информационной сводки НКВД от 1.05.1936 г., в пос. Божьюдор действовала контрреволюционная организация, которая призывала к побегам, невыходу на работу, распространяла слухи о начавшейся войне с Германией и падении Советской власти. В Мещуре спецпереселенец Н.Клейманс призывал к побегу, высказываясь, что "дальше жить так нельзя, нас мучают и изводят непосильным трудом". Однако по мнению историка Н.М.Игнатовой, вероятнее всего "дела о контрреволюционных организациях были сфабрикованы в назидание переселенцам, недовольных режимом" [5]. В 1933 г. в п. Усть-Коин в побегах числилось 324 человека. В том же году управляющий трестом "Комилес" сообщал в КОООГПУ о том, что многие из числившихся в бегах мужчины-спецпереселенцы работают сторожами, конюхами в разных организациях и органах ОГПУ, женщины заняты у сотрудников ОГПУ в качестве нянек, хозяек [6].

Спецпереселенцы от отчаяния обращались за помощью к иностранным государствам. Так, в 1935 г. спецпереселенцы немецкой национальности в количестве 135 человек пос. Ветью во главе с К.И.Арнольдом обратились в гуманитарную организацию Германии "Помощь голодающим в СССР", откуда вскоре стали приходить денежные переводы и посылки. В частности, Вайденах в течение 1933-34 гг. получил 40 посылок весом по 20 кг. Из документов явствует, что собрание спецпереселенцев от 5.04.1935 г. постановило отказаться от посылок, считая их "за навязанную подачку эксплуататорами иностранных государств, а денежные переводы перевести в фонд обороны страны". Десять активных спецпереселенцев были привлечены к уголовной ответственности по ст.58 пп.4.11 УК РСФСР и п.6 – контрреволюционные группы [7].

Преследуя цель перевоспитания трудом, спецпереселенцев в основном использовали на лесоразработках, причем, как свидетельствуют документы, им отводились худшие участки. Однако несмотря на это, некоторые из спецпереселенцев не только выполняли, но и перевыполняли нормы выработки. В 1933 г. на лесозаготовках работали 558 чел. В том же году пять бригад из Божьюдора, в составе которых было шесть стахановцев, досрочно выполнили плановое задание, заготовив вместо 4800 кубм леса 4808, за что лесопункт был премирован корчевальной машиной. Зимой 1936 г. стахановцы Мещуры Д.Ненашев, И.Печкуров, В.Мазуренко при норме 5 кубм леса перевыполняли план на 200%, работая с 5 часов утра до 5 часов вечера. Известно, что одним из стимулов хороших показателей

работы являлось улучшенное питание: стахановцы получали обед стоимостью 52 коп., тогда как для остальных питание укладывалось в 36 коп. В 1940 г. на сплаве переселенцам выдавалось по 300-400 грамм хлеба без жиров, мяса, сахара, вследствие чего только в мае в Турьинском ЛПХ было зарегистрировано 28 смертей [8]. В годы Великой Отечественной войны Елвинский лесопункт, куда входили поселки Усть-Коин и Мещура, заготавливал авиалес. Прокурор Усть-Вымского района Захаров отмечал грубое отношение начальства к рабочим-переселенцам, которых "оценивают не как работников леса, а как каких-то особых людей, поэтому для спецпереселенческих бригад обходят самые худшие участки, обеспечивают их недоброкачественными продуктами питания – гнилой рыбой и картошкой". В частности, в поселке Мещура сотрудник треста "Комилес" Трошев говорил спецпереселенцам: "Работайте, не работайте, – все равно вам никакой пощады не будет, вас сюда пригнали для уничтожения голодом" [9]. Зачастую вместо соответствующих разъяснений по поводу ненормальных бытовых условий, плохого снабжения, задержки зарплаты спецпереселенцы от администрации поселков получали грубые ответы, сводящиеся к тому, что спецпереселенцы никаких требований предъявлять не имеют права.

Наряду с лесозаготовкой спецпереселенцы в целях самообеспечения занимались сельским хозяйством. В 1931-1932 гг. в поселках на основе добровольно-принудительного принципа были организованы неуставные сельхозартели, которые наряду с колхозами привлекались к обязательным государственным поставкам мяса, молока, зерна, шерсти. В начале 30-х гг. сельхозартели спецпоселков объединяли 787 хозяйств (семей), в которых было занято 1981 чел. В 1931 г. сельхозартели имели 973,8 пашенной земли, большая часть которой была раскорчевана спецпереселенцами, в то же время некоторое количество гектаров было передано спецпоселкам колхозами. В 1931 г. переселенцами пос. Мещура были распаханы личные сенокосы жителей д. Кони. Облисполком постановил либо компенсировать стоимость площадей, либо возместить сеном [10]. В 1933 г. сельхозартель пос. Усть-Коин имела 130 га, с которых было получено 9 т ячменя, 90,6 т картофеля, 25 т капусты, 2,8 т брюквы, 5,5 т моркови, 1 т свеклы, 25 кг огурцов, 286 кг лука, 1,4 т редьки, 830 кг турнепса. Кроме того 5,5 т разных культур было собрано с пришкольного участка. Полученный урожай был разделен между членами артели. В декабре один трудодень соответствовал 1 кг картофеля, 1,2 кг капусты, 230 г моркови. Позже переселенцы выращивали пшеницу, лен, коноплю, однако скудные земли и суровый климат не позволяли получать хороший урожай [11].

О недостатке в спецпоселках поголовья скота, переданного подсобным хозяйством Турьинского ЛПХ, свидетельствует докладная начальнику КОООГПУ от 18.08.1933 г.: "Вследствие необеспеченности поголовьем скота в спецпоселках Усть-Вымского района сорвана осенне-посевная

кампания, провалена заготовка сена, молочно-продуктивного скота нет (не выполняется норма 1 корова на 130 человек), с каждым месяцем растет детская смертность". Турьинский ЛПХ недодал пос. Усть-Коин 25 лошадей и 11 коров, пос. Божьюдор – 20 лошадей, пос. Мещура – 7 лошадей и 9 коров [12]. Во второй половине 30-х гг. поголовье скота в спецпоселках несколько увеличилось и в 1938 г. составляло 243 единицы крупного рогатого скота, 102 лошади, 66 свиней, 5 овец и коз, 58 кроликов [13]. В 1938 г. в личном пользовании спецпереселенцев было 45 коров, 82 свиньи, 23 козы [14].

В 1939 г. на основе Постановления СНК Коми АССР неуставные сельхозартели были преобразованы в колхоз. Вместе с тем спецпоселок Вожаель был передан в распоряжение Усть-Вымлага, а население переведено в пос. Ветью [15].

В годы Великой Отечественной войны колхозы облагались военным налогом. В 1943 г., несмотря на тяготы военного времени, план I квартала по мясу и маслу пос. Божьюдор был выполнен на 100%. В марте 1945 г. пос. Усть-Коин сдал государству 1346 кг мяса и 1252 л молока. Колхозники наряду с рабочими работали на сезонных работах в лесу. В 1943 г. из колхоза "Мещура" 48 человек работали на сплаве, из колхоза "Божьюдор" – 72 чел. [16].

В 30-е гг. наряду с сельхозартелями в спецпоселках были организованы кустарно-промысловые артели, которые занимались изготовлением предметов ширпотреба для нужд поселка. Особенно хорошо была поставлена работа промартели пос. Ветью, где изготавливалась мебель, сани, колеса, ведра деревянные, а также верхняя одежда, головные уборы, валенки [17].

Среди переселенцев проводилась культурно-просветительная и идейно-воспитательная работа. В 1932 г. во всех спецпоселках работали школы, в которых обучалось 870 детей из 1071 ребенка школьного возраста (81 %), однако из-за отсутствия одежды и обуви посещаемость была плохая. Преподавание в школах вели как местные учителя (П.А.Куштысев, И.Баранов), так и спецпереселенцы (Е.М.Рутто, В.М.Мороз, Сидоренко), которые прошли краткосрочные курсы по переподготовке. Так, в Усть-Коине занятия в школе, которая размещалась в жилом доме, начались 9 ноября 1931 г. В четырех классах обучалось 155 детей, по национальному составу: русские (92), украинцы и белорусы (52), татары (16), мордва (3), башкиры (2). Педагогический коллектив под руководством А.Ф.Белоус состоял из четырех человек, преимущественно переселенцев. В 1935 г. в школе-интернате пос. Ветью, обучалось 127 детей [18].

При клубах работали избы-читальни и красные уголки. Избачи выпускали стенгазеты и боевые листки, проводили работу по ликвидации неграмотности. Библиотека п.Усть-Коин насчитывала 200 экземпляров книг. Выписывались газеты и журналы: "Известия", "Комсомольская правда", "Правда Севера", "Крестьянская газета", "Оренбургская правда",

журналы “Огонек”, “Пионер”, “Безвирник” (Безбожник), изданный в Харькове [19]. При каждом клубе работал драматический кружок, в Божьюдоре действовали также сельскохозяйственный музыкальный, хоровой кружки, отмечался большой интерес молодежи к культмассовой работе в п. Мещура.

В годы Великой Отечественной войны на основании приказа НКВД от 22.10.1942 г. спецпереселенцев начали призывать в ряды Красной Армии. В 1943 г. более 200 человек было отправлено на фронт. Только из пос. Божьюдор в Красную Армию были призваны 56 чел., многие из которых погибли, в том числе и первый председатель колхоза А.Ф.Звонарев. В соответствии с упомянутым приказом призванные в ряды Красной Армии спецпереселенцы, а также члены их семей были сняты с учета спецпоселения. Получив паспорта, многие из них выехали за пределы республики [20].

В 1940-е гг. контингент поселков стал более разнообразным. В 1940 г. были доставлены поляки, в годы Великой Отечественной войны – советские немцы и члены семей ОУНовцев. В 1941 г. поселки пополнились эвакуированными из Карело-Финской республики в количестве 1140 чел., которым была оказана посильная помощь продуктами, вещами, семенным материалом [21].

В 1946 г. из фильтрационных лагерей в Турьинский ЛПХ поступило 722 чел. бывших военнопленных. Эта категория переселенцев, как отмечает историк Н.М.Игнатова, отличалась от других наиболее высоким уровнем смертности [22]. В докладной секретарю Коми ОК ВКП(б) от 13.03.1947 г. сообщалось о развивающейся дистрофии и замерзаний в лесу на почве истощения среди “власовцев” Турьинского ЛПХ. На стационарном лечении находилось 37 человек с диагнозом “дистрофия” [23]. Администрация лесоучастка Пытырью организовала усиленное питание для 26 больных дистрофией, однако эта инициатива была отменена вторым секретарем Железнодорожного РК ВКП(б) Уляшевым и председателем райисполкома Горбуновым [24].

После Великой Отечественной войны с изменением государственной политики население спецпоселков значительно сократилось. В 1947 г. в спецпоселках числилось 652 чел. [25]. В 1948 г. были ликвидированы колхозы “Виль-Ордым” и “Мещура”, в каждом из которых числилось по 20 хозяйств [26]. В 1951 г. на основе постановления СМ Коми АССР от 31.01.1951 г. колхоз “Божьюдор” был объединен с колхозом “Усть-Коин” [27]. В том же году в связи истощением лесных запасов и отсутствием фронта работ спецпоселок Божьюдор был закрыт. Население поселка было переведено в открывающийся поселок Седьюдор [28]. В начале 50-х гг. в связи реорганизацией в системе ГУЛАГа и МВД СССР статус спецпоселков был ликвидирован, они стали называться поселками лесозаготовителей, а спецпереселенцы, не выехавшие по разным причинам за пределы республики, лесозаготовителями [29].

1. Игнатова Н.М. Горькие судьбы // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 279.
2. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 808, л. 82; л. 56.
3. НАРК. Ф. 136, оп. 1, д. 405, л. 11.
4. Там же. Ф. 3, оп. 1, д. 2412, л. 69; Ф. 136, оп. 1, д. 405, л. 1; Ф. 1195, оп. 1, д. 2376, л. 100.
5. Козлова Д.Т. Спецпоселок Божьюдор // Политические репрессии в России. XX век. – Сыктывкар, 2001. – С. 85; Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 2001. – Т. 4, ч. 2. – С. 259.
6. НАРК. Ф. 144, оп. 1, д. 3147, л. 26.
7. Там же. Ф. 1, оп. 2, д. 134, л. 29-30; Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев... – С. 262.
8. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 235, л. 36; Козлова Д.Т. Указ. соч. – С. 85. Жилин. Спецпоселки на территории Княжпогостского района Коми АССР // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: V Всеросс. науч. конф. студентов и аспирантов. – Сыктывкар, 1997. – С. 102.
9. Козлова Д.Т. Спецпоселок Божьюдор // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 2001. – Т. 4, ч. 2. – С. 318; Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев... – С. 256.
10. Игнатова Н.М. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 20001. – Т. 4, ч. 2. – С. 139, 148.
11. НАРК. Ф. 136, оп. 1, д. 405, л. 11.
12. КРГА ОПДФ. Ф. 504, оп. 1, д. 24, л. 52; Козлова Д.Т. Спецпоселок Божьюдор // Покаяние: Мартиролог... – С. 319.
13. Игнатова Н.М. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог... – С. 148.
14. Там же. – С. 111.
15. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар, 1997. – С. 160.
16. Козлова Д.Т. Указ. соч. – С. 320.
17. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 2, д. 970, л. 129; Ф. 756, оп. 1, д. 148, л. 88.
18. НАРК. Ф. 144, оп. 1, д. 1661, л. 176; Ф. 1195, оп. 1, д. 3, л. 93.
19. Там же. Ф. 1145, оп. 1, д. 10, л. 6.
20. Козлова Д.Т. Указ.соч. – С. 320.
21. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев в середине 1930-х-1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог... – С. 36.
22. Игнатова Н.М. Там же. – С. 228.
23. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 178, л. 141-142; Козлова Д.Т. Указ.соч. – С. 322.
24. Игнатова Н.М. Указ.соч.

25. Там же. – С. 148.
26. Там же.
27. Козлова Д.Т. Указ.соч. – С. 322.
28. Там же.
29. Игнатова Н.М. Указ. соч. – С. 29.

В.А. Бердинских
(Киров)

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ВЯТЛАГЕ

В этом году исполняется 60 лет со времени начала Великой Отечественной войны. Это время тяжелых испытаний всего населения нашей страны. Но 1941 год – это и начало трагедии целого народа Советского Союза – российских немцев. Еще при Екатерине II их предки приехали в Россию, ставшую для них новой Родиной. В 1918 г. создана была первая автономная республика Советской России – Немцев Поволжья. 1941 год для всех российских немцев стал ударом по личной судьбе. Даже в труднейших условиях войны сталинский режим продолжал политику насилия над собственным народом.

Прологом трагедии послужил известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья”. За ним последовала целая серия такого же рода “актов”, круто, с бесцеремонной и совершенно немотивированной жестокостью преломивших судьбу почти полуторамиллионного немецкого населения, проживавшего в течение без малого двух столетий в самых различных регионах страны – от Прибалтики до Дальнего Востока, от Мурманска до Ашхабада...

На севере Кировской области располагался один из 10 лесных лагерей ГУЛАГа – Вятлаг НКВД СССР. В лагерном архиве отложились документы о горестной судьбе российских немцев в военные годы. Первый “немецкий этап” пришел в Вятлаг 20 октября 1941 г. – с ним были доставлены из Ворошиловградской тюрьмы (Украина, нынешний город Луганск) несколько сот “лиц немецкой национальности” (в основном – рядовых шахтеров и колхозников), репрессированных в начале сентября того же 1941 г. во внесудебном порядке за “контрреволюционную деятельность” и получивших в “зоне” статус “подследственных”. “Суд” оказался на удивление “нескорым” – приговоры последовали только через год. Но многие (более половины) из “луганских этапников-немцев” этого “не дождались” – погибли от голода, холода и болезней в страшную зиму 1941-1942 годов...

В соответствии с упомянутым Указом ПВС СССР в сентябре 1941 г. было ликвидировано “под корень” национальное административно-территориальное образование – АССР немцев Поволжья, где компактно проживало около четверти всей внутрисоветской немецкой общины. Десятки тысяч немецких семей в “самые сжатые сроки” (за считанные сутки) подверглись принудительному выселению в отдаленные и малообжитые районы Западной Сибири и Казахстана. Вскоре к ним “присоединились” соплеменники из других мест (Причерноморья, Кавказа, Украины и т.д.).

К началу 1942 г. “владения” ГУЛАГа заметно “обезлодели” – возникла острая нехватка “рабочей силы”. И тогда на самом высоком кремлевском уровне решили “снять” эту проблему за счет выселенных отечественных немцев: их объявили “трудмобилизованными”, призвали через военкоматы в “трудармию” (мужчин – в январе-марте, женщин – в конце 1942 г.), вновь посадили в эшелоны-“краснухи” – и пошли “фрицы” (этап за этапом) в лесные лагеря, в том числе и в Вятлаг...

Как все это происходило в реальности? Воздержимся от комментариев и обратимся к документальным свидетельствам той поры.

В адресованном 26 сентября 1942 г. Центру спецдонесения начальника УНКВД по Кировской области капитана госбезопасности Шустина сообщается: “...По информации начальника оперчекистского отдела Вятлага НКВД известно, что в начале февраля 1942 года из Барнаула и Красноярска в распоряжение Вятлага будут поступать строительные колонны из немцев в количестве 7000 человек. Лагерь для приема указанного количества немцев не подготовлен. Помещение для размещения колонн в лагере имеется, но совершенно нет постельной принадлежности, обмундирования и не имеется никаких запасов продуктов питания. Изыскать все это на месте возможностей нет... Руководству Вятлага совершенно неизвестен режим содержания немцев, охраны и трудового использования...”

Как видим, к приему “трудмобилизованных” в Вятлаге, мягко говоря, “не были готовы”. Кроме того, зима 1942 г. – это время самого лютého голода в истории лагеря, когда, по некоторым данным, погибло более трети находившихся здесь заключенных. И вот изнуренные тяжким, почти месячной продолжительности этапом вновь прибывшие немцы оказываются в положении “лишних ртов”, для которых в местах их “трудоепользования” не имеется ни сколько-нибудь “подходящего” жилья, ни продовольствия, ни одежды...

Расплывчатым и неясным (вплоть до конца войны) оставалось и правовое положение “трудармейцев”: их нельзя было содержать как заключенных, поскольку (официально) они не были осуждены в персональном порядке – ни суды, ни трибуналы, ни “особые совещания”, ни какие-либо другие “уполномоченные” органы не рассматривали их “дела”, не предъявляли обвинений и т.п., – да для этого попросту не существовало

юридических оснований. Вся “правовая база” для изоляции и принудительного “трудоиспользования” этих людей основывалась на нескольких параноидально-волюнтаристских Указах и постановлениях, априори (по единственному критерию – принадлежности к немецкой национальности) обвинивших целый народ в “предполагаемо-возможных” его “преступных намерениях”. По сути это был вопиющий факт геноцида – и, как известно, далеко не единственный в советской истории...

После недолгих колебаний в ГУЛАГе избрали по отношению к “контингенту немцев” самое “простое” решение: формально не считать их заключенными, а фактически “приравнять” (по организации режима и внутреннего распорядка) к остальному лагнаселению. В реальности же положение немцев (сразу после доставки их в лесные лагеря) – по условиям содержания, жизни, быта, работы – было даже значительно хуже, чем у заключенных. Это отчетливо прослеживается по более высоким, чем в среднем по лагерю, статистическим показателям смертности и заболеваемости, а также численности инвалидов среди “трудооблизованных” в Вятском ИТЛ периода 1942-1945 гг.

В вятлаговском архиве тоненькие серо-голубые “папочки” с личными делами умерших немцев-“трудармейцев” (коих около двух тысяч) размещены на отдельном, самом удаленном стеллаже. В подавляющем большинстве таких “дел” – лишь несколько страничек. Как правило, это – личная анкета, медкарта, характеристика, какие-то заявления и справки, акты о смерти и погребении – и все...

Между тем, по данным политотдела Вятлага (отнодье не исчерпывающим), с февраля 1942 по 1 июля 1944 г. в лагерь “поступили” 8207 немцев-“трудармейцев”. За это же время убыли 5283 чел., в том числе: умерли – 1428, осуждены – 365, этапированы в другие ИТЛ – 823, демобилизованы (в основном – по болезни с “безнадежным” диагнозом) – 1581, бежали – 7, находятся в “отпуске” (для лечения или по семейным обстоятельствам) – 1079 человек. Из общего числа немцев (3891 чел. 1 января 1944 г.): мужчин – 2944, женщин – 947. Основная часть “трудооблизованных” содержалась компактно, большими группами: на 1-м лагпункте 6-го ОЛПа – 1167 человек (самый значительный среди других вятлаговских подразделений “контингент” этой категории), на 13-м ОЛПе, совхозе № 2, а также на 12-м и 14-м ЛЗО. На 1 июля 1944 г. численность немцев в лагере сократилась до 2924 чел. (без учета “отпускников”). Состояние здоровья подавляющего большинства из них (и это вынуждены признать даже лагерные медики) – ужасающее: основная масса поражена такими болезнями, как воспаление легких, туберкулез, алиментарная дистрофия...

У многих из этих ни в чем не повинных перед своей истинной Родиной людей при выселении из отчих мест, многотысячекилометровом этапировании, принудительной “трудооблизации” поломали личную жизнь, раскололи, разбросали семьи. Их родные и близкие (глубокие

старики-родители, малолетние дети и инвалиды, которые по возрасту или состоянию здоровья не могли быть использованы на тяжелых лагерных работах) остались в Сибири и Казахстане – причем нередко без всяких средств к существованию, не имея специальности, не владея в достаточной степени русским языком... Нельзя без волнения читать многочисленные слезные письма (как самих “вятлаговских” немцев, так и их “сибирско-казахстанских” родственников) с просьбами, ходатайствами, униженно умоляющими о разрешении вернуться к своим родителям, супругам, детям, “воссоединиться” или хотя бы “повидаться” с ними...

Приведем (из множества подобных) один такой человеческий документ: заявление вятлаговского медфельдшера Александра Карловича Шефера, где кратко изложена трагическая история – “путь крестный” – лишь одной яровой немецкой семьи.

Вчитаемся в эти строки (Документ N 34, приводится по оригиналу, без каких-либо исправлений):

Депутату президиума Верховного Совета – Прокурору СССР тов. Горошенину от мобилизованного Шефер Ал-др Карлович

Заявление.

Прошу Вашего распоряжения о демобилизации мне к семье в Красноярский край, Идринский р-н. Я родился в 1923 г. в село Беттингер, Саратовская область, по национальности немец. Родители были колхозники. Окончил семилетку в селе. Потом поступил в Маркштадтский медтехникум. В 1941 г. окончил техникум. В этом же году всех немцев выселили по указу Верховного Совета. Мы попали в Красноярский край, семья в составе: отец, мать, я и сестра. Брат был в действующей армии под Смоленском. Потом демобилизовался и сейчас находится в г. Копейск, в труд. армии. В январе 1942 г. я и отец были мобилизованы в труд. армию – Вятлаг М.В.Д., где я работал медфельдшером. В конце 1945 г. отец демобилизовался по возрасту (55 лет) и болезни. Приехал он к семье в Красноярский край и через два месяца умер. Я работал в Вятлаге до июня 1946 г. Потом меня направили в совхоз N 4 Вятлага М.В.Д., который находится 300 км от Вятлага, ст. Фаленки Кировской области, в качестве начальника сан-части, где я и работаю в настоящее время. Дома у меня осталась мать и сестра. Мать сейчас тяжело больная – болеет туберкулезом легких и ей 54 года. Сестра – инвалид – паралич ноги. Обе не работоспособные и нуждаются в физической и материальной помощи, а мне отсюда им помочь нет возможности. В том, что это действительно так, приложу копии справок, полученных мною от матери.

Поэтому я очень прошу Ваше вмешательство отпустить меня к семье для помощи, меня воспитали, а я им помочь не могу. Уже шестой год от них. Прошу в моей просьбе не отказать.

Адрес мой: Кировская обл. станция Фаленки совхоз № 4 Вятлага М.В.Д. Шефер Александру Карловичу.

25/II 47 г.

...Судя по всему, на свое заявление Александр Карлович положительного ответа не получил: был оставлен на спецпоселении в Вятлаге, работал медфельдшером на 2-ом ОЛПе (поселок Сорда), “освобожден” (снят с учета спецпоселения) на “общих основаниях” – в 1955 г., без права выезда к прежнему (до выселения) месту жительства...

Надо сказать, что после войны правовое положение немцев в лагерях стало более определенным: их официально перевели в категорию “спецпоселенцев”, передали в ведение так называемых “спецкомендатур”, находившихся в подчинении территориальных управленческих структур МВД. Но и в это время (вплоть до конца 1955 г.) этнические немцы в основной массе оставались юридически “неполноценными” гражданами родной страны, существенно ограниченными в своих личных и политических правах. Высшей и непререкаемой властью для них являлся местный “комендант УМВД”, который вел учет спецпоселенцев, ежемесячно регистрировал (“отмечал”) их – при обязательной личной явке к нему, давал (при удостоверенной необходимости) разрешение на выезд “за пределы территории поселения”, творил “суд и расправу” – “карал и миловал”...

Кстати говоря, неподалеку от Вятлага в ту пору находились на территории бывшего Кайского района еще несколько “спецпоселений”: в селе Ожмегово, где жили бывшие “раскулаченные”, в поселке Рудничном, куда были “прикреплены” татары, немцы, “раскулаченные”, а также бывшие заключенные, лишенные после освобождения из лагеря права выезда в родные места и в центральные районы страны. Немало было в этих местах и ссыльных...

Особая (и пока совершенно закрытая для исследования – по причине “таинственного” исчезновения документов) тема – военнопленные в Вятлаге. Между тем здесь их содержалось (по данным на 1 марта 1947 г., т.е. накануне “перевода” в другие, еще более “отдаленные” места): всего – 1841 чел., в том числе немцев – 1393, румын – 222, венгров – 142, австрийцев – 64. На четырех вятлаговских таежных погостах (по сведениям международной организации “Военные мемориалы”) захоронены 809 военнопленных, из них граждан Германии – 544, Румынии – 114, Венгрии – 97, Австрии – 39, Италии – 15...

Но вернемся к повествованию о судьбе немцев в Вятлаге. Советскую действительность можно понять, лишь применяя к ней категории оруэлловских антиутопий. Одним из подтверждений тому может служить хотя бы следующий факт: среди интернированных отечественных немцев сохранялись и активно действовали... партийная и комсомольская организации(!). “Благодаря” этому, за 1942 г. парторганизация Вятлага количественно выросла в 2,5 раза: на 1 января на учете в политотделе Вятского ИТЛ состояли 122 члена ВКП(б) и 113 кандидатов, а во вновь прибывших в начале 1942 г. “немецких” этапах “оказалось” 228 членов партии и 110 кандидатов. Впрочем, прием “лиц немецкой национальности”

в кандидаты, а также из кандидатов в члены партии был (по указанию “сверху”) в годы войны прекращен, поэтому все немцы-кандидаты в “партийцы” имели к 1943 г. просроченный “испытательный” стаж. Не наблюдалось и “роста партийной прослойки” среди “трудармейцев”. Некоторые из немцев-коммунистов пытались скрыть свою партийную принадлежность, не вставали на учет в Вятлаге, прятали партбилеты и учетные карточки. Но с мест прежнего пребывания поступала “соответствующая информация” в парткомиссию политотдела – и тогда следовала тягостная процедура “партийного разбирательства”...

На 1 января 1944 г. среди 446 комсомольцев Вятлага – 182 “лучших представителя немецкой молодежи”. Из 16 первичных комсомольских организаций лагеря четыре состоят только из молодых немцев-“трудармейцев”. Разумеется, политотдел “развертывает” среди “трудмобилизованных” привычно-формальную “партполитработу”: регулярно проводятся партийные и комсомольские собрания, заседания бюро и комитетов, где “клеят позором” отстающих и хвалят передовиков производства, изучают “исторические речи и труды товарища Сталина” и “героическую жизнь Зои Космодемьянской”, принимают “повышенные соцобязательства”, исключают из партии и комсомола за “аморальное поведение” и “контрреволюционные настроения”... Кстати, протоколы многих партсобраний сохранились в архиве политотдела Вятлага.

В октябре 1942 г. “в целях проведения массовой культработы среди мобилизованных трудармейцев и поднятия производительности” приказом начальника Управления 10 наиболее “благонадежных” немцев-партийцев назначены “инструкторами по политработе” на 8-м, 9-м, 12-м, 13-м и 14-м ЛЗО с окладом по 400 рублей в месяц каждому.

Следует подчеркнуть, что и без всей этой “идеологической обработки” в подавляющем большинстве своем немцы-“трудармейцы” (естественно, те из них, кто физически был способен трудиться, у кого еще оставались на это силы) работали не за страх, а за совесть. И очень многие после освобождения получили возможность профессионального роста, заслуженного восхождения по ступеням служебной лестницы в Вятлаге.

Большим уважением, например, пользовался в лагере Александр Адамович Киснер – начальник железнодорожного отделения, кандидат технических наук, блестящий профессионал и умелый организатор. Длительное время успешно руководил отделом главного механика Управления Михаил Тевлевич Вуль. А музыкального руководителя Дома культуры поселка Лесного – Константина Андреевича Кунстмана и его супругу Дору Андреевну Кунстман – хорошо помнит не одно поколение местных жителей...

Вместе с тем лагерные условия жизни, быта, производства разлагающе действовали и на определенную часть немцев. Среди них формировалась прослойка “льготников”: мастера, бригадиры, партактивисты... Именно

среди этих лиц чаще всего наблюдались проявления противоправного и безнравственного поведения, бесчеловечного отношения к своим товарищам по несчастью. За 1946 год из партии исключены 23 немца-“спецпоселенца”: часть из них – за “антисоветскую агитацию” (термин весьма “расплывчатый”, под который можно было “подогнать” любой откровенный разговор о тогдашней реальной жизни), часть – за утерю партдокументов, а некоторые – за действительно серьезные проступки: хищение продуктов, “очковтирательство” (приписки невыполненных работ)...

Так, в ноябре 1946 г. из партии исключен Д.Ф.Финк, который (здесь и далее мы цитируем материалы парткомиссии политотдела Вятлага) “работая бригадиром-десятником, затем мастером 12 ЛЗО, в течение 2 лет использовал свое служебное положение в личных корыстных целях: брал у трудармейцев деньги, продукты, обещая им за это легкую работу, запугивая их тем, что, если они не будут выполнять его требования, он переведет их в лесоповальную бригаду, заставлял трудармейцев готовить себе обед, чистить его одежду и обувь. Избивал трудармейцев, если они его ослушивались. Кроме того, Финк, имея в Красноярском крае жену и детей, никакой помощи жене не оказывал, вел себя недостойно в быту...” Когда же этого негодяя исключили из партии, он “запугивал трудармейцев, заставлял их писать в парткомиссию письма, опровергающие факты обвинения и сам лично написал заявление такого содержания от имени одного из членов партии...”. Отметим: ничего “экстраординарного” в данном конкретном случае нет: такова “норма поведения” бригадира в “зоне”, и Финк просто “хорошо вписался” в существующую поведенческую модель для лиц его “лагерного ранга”.

В конце 1943 г. из партии исключили двух немцев-бригадиров: за то, что они “систематически занимались припиской непроведенных работ, в результате чего при инвентаризации по этой подкомандировке оказалась недостача древесины около 27 тысяч фестметров...” Хотя все знали, что без приписок в то голодное время изнуренным лагерникам и “трудармейцам” “вытянуть норму” на производстве было физически невозможно. Но для “зарядки туфты” необходимы специфический опыт и умение “прятать концы в воду”, а такими “навыками” эти двое, очевидно, овладеть не смогли...

Впрочем, основная масса полученных “трудармейцами” партвызваний следует за “прегрешения” обычные и, по лагерным стандартам, просто заурядные. Так, Карлу Генриховичу Аригольду (1907 года рождения) вынесен выговор за то, что он “ночью ушел с работы и спрятался в конюшне”. “Обвиняемый” пояснил, что он “был болен, но врач его от работы не освободил” (добавим: оный “казус” имел место в мае 1942 г. – в период повальных болезней и дистрофии в лагере, а недужному “партийцу

Аргоньду" инкриминировалось, наряду с прочим, еще и то, что он "нормы выполняет лишь на 20-25 процентов...").

"За спекуляцию хлебом" исключен из "кандидатов ВКП(б)" Эвальд Эмильевич Пенно. Допущенный им "криминал" состоял в том, что он "продал одну пайку хлеба весом 1 килограмм 50 граммов за 100 тысяч рублей". Сам Пенно "это подтверждает и просит оставить его в рядах партии..." Просьбу, как видим, оставили без удовлетворения...

Непростой вопрос – отношение этнических немцев к нацистскому нашествию, к ходу военных действий на советско-германском фронте. Вполне вероятно, что некоторые из "трудоармейцев" (как и определенная часть заключенных) видели в победе Германии возможность своего освобождения от унижительного лагерного состояния. Даже в 1944–1945 гг. имелись случаи исключения из партии нескольких "трудооблизованных" за "пораженческую антисоветскую агитацию", за "саботаж" и "призывы плохо работать".

Но есть все основания полагать, что далее разговоров (обычных по тому времени) дело все-таки не шло. А учитывая крайне тяжелое положение этих людей, можно лишь удивляться тому (документально удостоверенному) обстоятельству, что их "отсев" из "партийных рядов" был столь незначителен: за три года (1942 – начало 1945-г.) из партии исключены 49 немцев (32 члена ВКП(б) и 17 кандидатов). Несмотря на все перенесенные страдания и унижения, доверие "советских немцев" к своей "социалистической Родине" полностью не истощилось. Однако лагерные чекисты и их агентура "не дремали", ухитряясь "сплести дело" из самого заурядного "бытового трепана".

4 марта 1945 г. начальник политотдела Вятлага старший лейтенант госбезопасности Суворов на III партконференции лагеря возглашал: "...Среди партийных организаций мобилизованных трудоармейцев немцев вскрыта контрреволюционная фашистская организация, которая ставила своей целью распространение клеветнических ложных сведений на жизнь нашей страны..." Конечно же, и сам Суворов, и большинство тех, кто ему внимал, знали и понимали, что все это – не более чем трескучая демагогия, пустая болтовня, предназначенная для ушей вышестоящего гулаговского начальства – в качестве "весомого доказательства" "неусыпного бдения" вятлаговских чекистов и руководства Управления лагерем.

Действительно достоверным можно признать лишь единственный случай активного целенаправленного "антисоветского" противодействия, да и он являлся чисто индивидуальным актом: член ВКП(б) Ромних, заведующий инструментальной мастерской 13-го ОЛПа, "систематически сознательно производил порчу лучковых пил", делая это "нелегально посредством сжигания их (пил) в печи хлебопекарни, после чего пилы были очень мягкие и на производстве быстро тупели..." Таким "методом" Ромних испортил около 200 "лучков", а в результате "лесорубы не выполняли

производственные задания...” Но повторим, это был единственный и уникальный в своем роде факт среди всей многотысячной массы отечественных немцев, прошедших за годы войны через вятлаговские узилища...

По всей видимости, не существовало “национальных проблем” и во взаимоотношениях “трудмобилизованных” немцев с другими лагерниками. Условия сосуществования – жизни, быта, труда – “сплавливали”, “синтезировали” разнородную и “разношерстную” (по многим параметрам – национальным, социальным, интеллектуальным) “рабсилу” ГУЛАГа в единую человеческую массу – людское лагерное сообщество. Вполне естественно полагать, что в нем проявлялись и настоящая мужская дружба, и любовь... Но эти самые чистые и нормальные человеческие проявления очень часто наталкивались на жестоко антигуманную реальность сталинских лагерей. Так, 11 июля 1944 г. на очередном комсомольском собрании немок (подкомандировка “Юрта”) с юношеским максимализмом обсуждалось “персональное дело члена ВЛКСМ Эйрих Эльзы Карловны, 1917 года рождения, служащей, немки, с неполным средним образованием...” Секретарь доложила собранию, что “товарищ Эйрих, как всем известно, нарушила комсомольскую дисциплину в связи с тем, что она имела сожительство с заключенным Ивановым Иваном Александровичем, осужденным по статье 58-10 (за “антисоветскую агитацию” – В.Б.). Несмотря на неоднократные предупреждения, товарищ Эйрих продолжает сожительство. Таким людям нет места в рядах ВЛКСМ...” По гулаговским “уставам”, интимная связь комсомолки с заключенным – вещь совершенно недопустимая, а сожительство с “контрреволюционером” – предосудительно вдвойне, поскольку такое “дело” приобретает уже “политическую окраску”... Впрочем, сама “обвиняемая” ничего и не отрицала, никак не защищалась, но и в “грехе” своем не раскаялась, а посему была “благополучно” исключена из “рядов ленинского комсомола”...

После “освобождения” (“снятия с учета спецпоселения”) в 1955 – 1956 гг. многие немцы вынужденно “осели” в вятлаговских таежных пристанищах (возвращаться им было некуда – путь на “малую родину” перекрыл тот же самый “освободительный” Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г.). Наиболее многочисленная “немецкая колония” образовалась в поселке Созимском. Здесь прежние “трудармейцы” работали (уже в качестве вольнонаемных) в основном на железной дороге и на Кайском целлюлозном заводе (бывшей “особой стройке НКВД N 4”). И совсем не случайно ту часть поселка, в которой они обосновались (по-немецки обстоятельно, добротнo, “умеренно и аккуратно”), называли “Малым Берлином”...

Итак, лишь в 1956 г. с немцев сняли ограничения в свободном передвижении (в границах страны), но паспорта им выдали еще позже, и только в 1972 г. “милостиво разрешили” вернуться на жительство в родные места, откуда они были с бесцеремонной жестокостью выселены в военные годы...

Достоверная история отечественных немцев – этнической общности, целого народа, безжалостно раскиданного по лагерям, диким степям, безбрежной тундре и глухим таежным лесам, – еще не написана. Права (в полном их объеме) и государственность этнических немцев не восстановлены до сих пор...

М.Б.Рогачев
(Сыктывкар)

ПОЛЯКИ-СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В КОМИ АССР: 1940-1944 ГОДЫ

В 1930–1950-е гг. лесозаготовительная промышленность, одна из основных отраслей промышленного производства Коми АССР, в значительной степени пополняла численность рабочих кадров за счет спецпереселенцев. Первой и по времени, и по численности группой спецпереселенцев были раскулаченные. Второй – польские граждане (поляки, евреи, украинцы, белорусы), проживавшие на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, присоединенных к СССР в сентябре 1939 г. в результате “освободительного похода” Красной армии. В сентябре 1939 – мае 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии было арестовано около 108 тыс. чел. (кроме того было интернировано более 200 тыс. офицеров и солдат польской армии). В ходе четырех депортаций 1940–1941 гг. в отдаленные районы СССР было выслано на спецпоселение от 320 до 380 тыс. чел.

В первую депортацию выселялись осадники (колонисты, в основном из участников советско-польской войны 1920 г., получившие земельные наделы в западных областях Украины и Беларуси. Советские органы относили к осадникам и другие выселяемые категории сельских жителей (кулаков и торговцев). Окончательное решение о проведении депортации было принято 29 декабря 1939 г., когда Решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П11/68 и Постановлением СНК СССР № 2122-617сс были утверждены разработанные НКВД “Положение о спецпоселках и трудовом использовании осадников, выселяемых из западных областей УССР БССР”, “Инструкция о порядке переселения осадников из западных областей УССР из БССР” и “Штаты районной и поселковой комендатуры НКВД спецпоселков”. В указанном Постановлении СНК СССР “О спецпоселенцах-осадниках” были перечислены 11 областей и Коми АССР, куда предполагалось направлять высланных. Депортация была проведена 10 февраля 1940 г. Всего было депортировано около 140 тыс. “осадников и лесников” [1].

По документам конвойных войск НКВД СССР в начале февраля 1940 г. из Львовской и Тернопольской областей на станцию Мураши были

отправлены 8 эшелонов с 11399 депортированными. Еще один эшелон из Станиславской области с 1194 депортированными был направлен на соседнюю с ней станцию Пинюг. Большинство из них были направлены в Коми АССР. В спецпоселки они прибывали с 23 февраля по 15 марта. Всего по данным НКВД Коми АССР на 1 апреля 1940 г. в республике было расселено 10819 депортированных из 2191 семьи (в другом документе приводятся несколько иные данные – 10804 чел. из 2248 семей) [2].

2 марта 1940 г. были приняты Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П13/114 и Постановление СНК СССР № 289-127сс, согласно которым до 15 апреля подлежали высылке семьи военнопленных польских офицеров и осужденных по политическим мотивам (вторая депортация), а также беженцы с польских территорий, занятых немцами, пожелавшие вернуться, но не принятые германским правительством (третья депортация). Вторая депортация была осуществлена 13 апреля 1940 г. Более 56 тыс. членов семей репрессированных офицеров, государственных служащих, промышленников и “членов повстанческих организаций” были депортированы в Казахстан. В третью депортацию, проведенную в конце июня – начале июля 1940 г., было переселено более 75 тыс. беженцев (в основном евреев). Часть из них была направлена в Коми АССР [3].

Эшелоны со спецпереселенцами-беженцами отправлялись в период с 29 июня по 5 июля 1940 г. В эти дни на станцию Котлас были направлены 8 эшелонов с территории бывших Полесского, Белостокского и Виленского воеводств и 1 эшелон из Минской области (из каких воеводств были высланные этим эшелоном, не установлено). Они везли 10519 депортированных. Те, кого направили в Коми АССР, прибывали в спецпоселки в период с 12 июля по начало августа 1940 г. В отчетах НКВД СССР о проведении третьей депортации и о приеме и расселении спецпереселенцев-беженцев в Коми АССР указано одинаковое число переселенных семей – 2778, но их численность несколько различается – 8985 и 9035 человек [4].

Таким образом, в первую и третью депортации в Коми АССР были высланы около 5 тыс. семей, включавших 19,8 тыс. чел. (более 9% от общего числа депортированных). Депортированные увеличили население Коми АССР как минимум на 5% (без учета заключенных). В Прилузском, Сысольском, Сыктывдинском районах они составляли от 10 до 20% жителей. По данным официальных сводок НКВД Коми АССР на 1 октября 1940 г. на учете состояли 10 227 осадников и 8 703 беженца, на 1 января 1941 г. – 9 992 осадника и 8 730 беженцев. Итого 18 722 человека – на 1,1 тыс. чел. меньше, чем первоначальная численность депортированных [5].

По договору, заключенному НКВД СССР и Наркомлесом СССР 20 февраля 1940 г., осадники передавались для работы в лесозаготовительных организациях Наркомлеса. Этот договор был распространен и на спецпоселенцев-беженцев. Однако они направлялись и в лесозаготовительные организации других ведомств, а также на промышленные предприятия.

Распределение депортированных по организациям и предприятиям было таким: 2415 осадников и 2860 беженцев – трест “Комилес”, 1373 осадника и 3915 беженцев – трест “Вычегдолес”, 542 осадника и 417 беженцев – трест “Вычегдолесосплав” Наркомлеса СССР, 5882 осадника – Объячевский и Ношульский лестранхозы ЦОЛЕС НКПС СССР, 561 осадник и 227 беженца – Сыктывкарский лесозавод, 255 беженцев – Сыктывкарский кирпичный завод, 413 беженцев – Нювчимский чугунолитейный завод, 465 беженцев – “Стройтрест”, 181 беженец – затон “Красный водник”. Спецпоселенцы-осадники были размещены в 22 поселках Сысольского, Сыктывдинского, Прилузского и Железнодорожного районов (позднее 53 семьи были переведены в Усть-Вымский р-н). Спецпоселенцев-беженцев расселили в 34 поселках (в 4 поселках они были поселены вместе с осадниками) Сыктывкара, Сысольского, Сыктывдинского, Железнодорожного, Усть-Вымского и Корткеросского районов [6].

Предполагалось, что за счет новой дешевой рабочей силы удастся значительно повысить объем лесозаготовок. Однако из 10,8 тыс. спецпоселенцев-осадников только 4800 человек были в трудоспособном возрасте (включая 544 подростка в возрасте 14-16 лет). В конце 1940 г. из 19,3 тыс. депортированных трудоспособными были всего 9987 (51,5%) человек. Но оказалось, что лесозаготовительные и промышленные предприятия не могут полностью использовать и эту рабочую силу. “Хозяйственные организации ... не подготовились к трудовому использованию спецпереселенцев, нет достаточного количества руководителей работ десятников, не хватает топоров и пил, нет теплой одежды и обуви, продукты питания и ширпотреб на места вселения завезены недостаточно”. Весной 1940 г. “трудоиспользовались” всего 2 697 (56% трудоспособных) осадников. К концу года ситуация несколько улучшилась: на различных работах были заняты 8 685 (87%) трудоспособных осадников и беженцев. Производительность труда депортированных была низкой. Они совершенно не имели опыта работы в лесу и просто не могли выполнить норму. В результате их заработок был очень маленьким и не позволял прокормить семью. К тому же предприятия регулярно задерживали заработную плату, ограничиваясь выплатой авансов [7].

Справки, составленные НКВД Коми АССР по итогам проверок состояния спецпоселков, содержат многочисленные факты тяжелых жилищно-бытовых условий жизни депортированных. В качестве примера можно привести выдержки из докладной записки НКВД Коми АССР “О состоянии спецпоселков на 1 апреля 1940 года”, подготовленной для НКВД СССР: “В спецпоселке “Лопью” осадники размещены в бараке, ночью спят на столах, под столами и под нарами, в других спецпоселках семьи осадников размещены в бараках на общих нарах, тут-же под нарами и в проходах сложены домашние вещи... На частных квартирах колхозников осадники спят на полу, многие размещены в одной комнате с домо-

хозяевами, тесно и грязно... В спецпоселках "Ворью", "Усть-Лопью", "Джепт", "Кряжск" осадники размещены в старых бараках в среднем на одного человека приходится 1,5 кв.м., благоустройство в большинстве бараков не обеспечивает, так например "Ворью" печи поставленные временные, дымоходы развалены, в комнатах дым, оконные стекла разбиты, с потолка течет, столов, табуреток нет, спят на голых койках"; "...В с/поселках Прилузского района не торгуют основными продуктами питания...все осадники питаются только черным хлебом и сырой водой. В с/поселках "Старая База", "Сокия" и других имеются перебои в продаже печеного хлеба, ежедневная потребность в хлебе на с/п "Старая База" 500 кг, а продается только 250 кг"; в спецпоселках Железнодорожного района "снабжение продуктами питания осадников исключительно тяжелое, в лесопунктах совершенно нет никаких продуктов живут на одном кипятке без сахара" и т.д. [8]. Проверки, проведенные летом 1940 – весной 1941 г. выявили абсолютно такую же картину.

Прошел год, но практически ничего не изменилось. Докладная записка НКВД Коми АССР о состоянии спецпоселков осадников и беженцев на 1 апреля 1941 г. удивительно напоминает цитированный выше аналогичный документ годичной давности: "В бараках, где размещены с/поселенцы холодно и сыро, ни в одном бараке двойных рам нет, сушилки для просушивания одежды не построены, одежду сушат там-же где и проживают. Подсобных помещений нет, прачечные для стирки белья не устроены и белье вынуждены стирать в комнатах, от чего получается сырость, отдельных кухонь нет, пищу готовят в жилых помещениях" [9].

СНК РСФСР 6 июля 1940 г. принял постановление № 523/13с "О мероприятиях по обслуживанию спецпереселенцев-осадников Коми АССР", предусматривающее организацию 15 фельдшерских пунктов и 2 врачебных участков, яслей на 500 коек, детских садов на 390 мест, 3 детских домов, 13 начальных школ на 1540 учащихся и 9 неполных средних школ на 680 учащихся. Однако все расходы по открытию школ и детских учреждений следовало "покрыть из республиканского бюджета, за счет экономии по расходам на просвещение".

К октябрю 1940 г. были открыты 18 школ, детские сады и ясли в наиболее крупных поселках, детские и 2 инвалидных дома (в них содержались не только поляки). Однако потребность в школах и детских учреждениях была значительно большей, а имеющиеся школы и детские сады размещались в приспособленных помещениях (чаще всего под них отводились несколько комнат в бараках). Наркомат просвещения Коми АССР планировал организовать 38 начальных школ, и еще в 26 школах обучать польских и местных детей совместно (всего обучением должно было быть охвачено 3144 польских детей), но отмечал, что не в состоянии расширить сеть школ, поскольку не имеет для этого средств, а "хозяй-

ственные организации... отказываются от обеспечения школ и интернатов школьной мебелью и инвентарем" [10].

Однако медицинское обслуживание наладить не удалось – не хватало кадров и медикаментов. Из спецпоселков постоянно поступали сообщения о распространении эпидемических заболеваний. В 1940 г. в республике было 149 случаев заболевания сыпным и 325 – брюшным тифом, из них соответственно 44 и 233 случая приходились на “вновь прибывшие контингенты”. Простудные и желудочные заболевания, авитаминоз были распространены во всех поселках. В апреле 1941 г. комиссия Наркомздрава Коми АССР сообщила, что в пос. Лопья “болеют все поголовно”. В мае того же года из-за вспышки дизентерии и гемоколита вдвое увеличилось число заболеваний в пос. Кряжск. Комиссия отмечала, что “заболевание имеет характер авитаминоза на почве недоедания” [11].

По официальным данным в апреле-декабре 1940 г. умерли 595 осадников и 42 беженца – всего 637 человек (по другому документу – 646 человек). За январь-май 1941 г. скончались еще 518 спецпоселенцев [12]. Эти данные неполны хотя бы потому, что не включают осадников, умерших в феврале-марте 1940 г. Занижение числа умерших происходило и из-за неполноты учета и его запутанности. В архиве Отдела ЗАГС Администрации Главы РК имеются свидетельства о смерти 844 осадников и беженцев, умерших в 1940 г., и 796 умерших в январе-июле 1941 г. (до объявления амнистии). Итого “спецпоселенческий период” стоил жизни как минимум 1640 депортированным (точно установлено, что не все умершие были зарегистрированы). Наиболее тяжело пострадали осадники, на их долю приходится до 80% всех зарегистрированных умерших. Чаще всего, не выдерживая тяжелейших условий жизни, гибли дети: среди умерших 268 не дожили до 1 года (за указанный период родилось 444 ребенка), 277 детей в возрасте 1-5 лет, 149 – дети 6-10 лет, 134 – подростки в возрасте 11-16 лет (всего 50,5% от общего числа зарегистрированных умерших).

Тяжелое положение депортированных только углубляло их резко негативное отношение к советскому режиму. В справке о политических настроениях спецпоселенцев, направленной НКВД Коми АССР в Коми ОК ВКП(б) в начале ноября 1940 г. отмечалось: “Особенно резкое проявление антисоветских высказываний пораженческого и провокационного характера наблюдается среди враждебно настроенной кучки спецпереселенцев-поляков: “В Советском Союзе живут очень плохо, ничего нет, работать заставляют день и ночь, а за работу ничего не платят, если что-нибудь скажешь, то сразу арестуют...”. Поляки пытались протестовать – отказывались выходить на работу, писали жалобы, но все попытки сопротивления жестко подавлялись НКВД. Некоторые в отчаянии кончали жизнь самоубийством, бежали. По данным НКВД Коми АССР в 1940 г. бежали более 60 чел. Нередко как побег квалифицировался уход в деревни и другие поселки в поисках лучших условий жизни. Бежавших в лучшем

случае возвращали в спецпоселки, в худшем – судили и отправляли в лагерь. По неполным данным за 1940 г. было осуждено за различные преступления более 70 депортированных. В 1940 – первой половине 1941 г. как минимум 40 поляков и польских евреев были осуждены за политические преступления. Кроме того, в 1940-1941 гг. были осуждены 12 белорусов и украинцев-польских граждан, оставленных на учете спецпоселения [13].

Последнее пополнение численности депортированных произошло перед самым началом войны. Это были жертвы четвертой депортации, проведенной в мае-июне 1941 г. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс от 14 мая 1941 г. из Западной Украины и Западной Белоруссии на поселение высылались члены семей арестованных участников контрреволюционных националистических формирований. В эти же сроки были высланы различные категории “неблагонадежных элементов” из Литвы (в том числе из Виленского края, до 1939 г. входившего в состав Польши), Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины. Всего было выслано более 85 тыс. чел., в том числе с бывших польских территорий, по различным оценкам, от 34 до 44 тыс. чел.

По отчетам конвойных войск НКВД 20 и 23 июня 1941 г. на станцию Котлас с последующей отправкой в Коми АССР были направлены эшелоны с депортированными из Литвы (1 530 чел.) и Белостока (1 200 чел.). Всего по данным НКВД Коми АССР на 20 августа 1941 г. числился 1 271 (в том числе 543 ребенка), на 15 сентября 1941 г. – 1 205 высланных в четвертую депортацию из Западной Белоруссии. К ним надо добавить 78 польских граждан, высланных “литовским” эшелоном. В документах они именовались ссыльно-высланными и направлялись не в спецпоселки, а в села и деревни Корткеросского, Усть-Куломского, Сыктывдинского и Усть-Вымского районов для работы в колхозах [14]. Таким образом, численность “бывших польских граждан”, высланных в Коми АССР в первую, третью и четвертую депортации, превысила 21 тыс. чел., что составляет 5,5% всех депортированных.

“Спецпереселенческий период” заканчивается летом 1941 г., после начала Великой Отечественной войны. 30 июля 1941 г. СССР заключило договор с правительством Польши в эмиграции, предусматривающий, в частности, восстановление дипломатических отношений, создание на территории СССР польских воинских частей и, согласно отдельному протоколу, амнистирование поляков, находившихся в заключении и на спецпоселении. Амнистия была объявлена Президиумом Верховного Совета 12 августа 1941 г. В начале сентября начало функционировать посольство Польской республики в Москве. Осенью началось формирование польских воинских частей.

В Коми АССР на конец августа 1941 г. на учете состояли 19330 депортированных, в том числе 91 осужденный и 97 находящихся под следствием, 17 871 спецпоселенец и 1 271 ссыльно-высланный. Уже к началу

октября были освобождены 88 осужденных и 75 следственных, 17 871 спецпоселенцев и 107 высланных – всего 18 029 человек. Большинство ссыльно-высланных были освобождены в ноябре-декабре 1941 г. По справке НКВД Коми АССР на 11 декабря 1942 г. к весне этого года из лагерей были освобождены 32 448 (10 292 – из Ухтижеллага, 8242 – из Печорлага, 7805 – из Воркутлага, 4475 – из Севжелдорлага, 1631 – из Усть-Вымлага), снято с учета спецпоселения 17927 чел. (в это число не включены ссыльно-высланные). Не освобождены из лагерей 390 заключенных (по Усть-Вымлагу данных нет), оставлены на спецпоселении 115 чел. украинцев-“оуновцев”. Из числа освобожденных 20806 бывших заключенных и 866 бывших спецпоселенцев числились выехавшими из Коми АССР. Из них более 15 тыс. чел. направлялись в Бузулук, где формировалась польская армия [15].

Таким образом, по официальным данным на конец 1942 г. в Коми АССР проживало более 20 тыс. польских граждан. Однако в реальности их было значительно меньше. Неизвестно сколько освобожденных из лагерей умерли в пути (их смерть не была зафиксирована в официальных документах). Явно неполны данные о числе выехавших – на самом деле их было больше (известны случаи переезда семей бывших спецпоселенцев в соседние Архангельскую и Кировскую области без получения официальных справок на право выезда). В числе выехавших не учтены более 1000 бывших спецпоселенцев, призванных через военкоматы в польскую армию. Предположительно численность оставшихся польских граждан не должна была намного превышать 12 тыс. человек.

Для помощи и защиты интересов поляков правительство СССР разрешило создавать представительства (делегатуры) Посольства Польской Республики. 22 декабря 1941 г. НКВД СССР утвердил “Положение о круге компетенции представителей Посольства Польской Республики”, а 27 декабря – список районов, где должны были находиться делегатуры. Всего было образовано 36 представительств, в том числе и в Коми АССР. Фактически делегатура в Сыктывкаре начала работу уже в сентябре-октябре 1941 г., когда был назначен и приступил к исполнению своих обязанностей делегат Тадеуш Грыгер (с апреля 1942 г. делегатом стал Станислав Винярчик). Первоначально в штате делегатуры числилось 27 чел. Зимой 1941 – весной 1942 г. был сформирован штат доверенных лиц делегатуры в 9 районах Коми АССР (утвержден НКВД СССР 24 марта 1942 г.). В мае 1942 г. аппарат делегатуры, включая доверенных лиц в районах, составлял около 40 человек. К концу 1942 г. круг доверенных делегатуры вместе с ее представителями на отдельных предприятиях и в населенных пунктах расширился до 88 чел. [16].

В первые месяцы после создания делегатура в основном занималась составлением списков своих подопечных, контролем за освобождением из лагерей, организацией отправки добровольцев в польскую армию. Она приняла под свой контроль польские школы, детские сады, инвалидные и

детские дома и, с разрешения советского правительства, увеличила их число. 29 января 1942 г. было издано распоряжение о выделении для этих учреждений фондов продовольствия и промышленных товаров, но в основном они финансировались польским правительством. По данным на 4 марта 1943 г. в пяти районах и Сыктывкаре были учтены 2 польских инвалидных дома, в которых содержались 89 чел., 5 детских домов и 10 детсадов соответственно на 314 и 216 детей (польские дети находились и в социальных учреждениях, подведомственных республиканским органам власти). Кроме того, были учтены 11 польских школ, но на самом деле их было намного больше (большинство школ не имело своих зданий и имущества, поэтому как отдельные имущественные единицы не учитывались) [17].

Кроме того, делегатура пыталась организовать обеспечение работой тех, кто переселился в Сыктывкар и села, поскольку, не имея работы, они не могли получать продовольственные карточки. В частности, в Сыктывкаре, где ситуация была особенно тяжелой (в небольшом городе скопилось более 3 тыс. освобожденных польских граждан), в апреле 1942 г. была открыта артель "Польский кустарь". Но вскоре из-за многочисленных финансовых нарушений она была ликвидирована, а ее управляющий Леон Фогель арестован и осужден [18].

Освобождение, разумеется, не привело к улучшению жилищно-бытовых условий польских граждан. Делегатура неоднократно направляла в правительственные органы информацию о тяжелом положении своих подопечных. Но правительство республики никакой дополнительной помощи оказать не могло – шла тяжелейшая война, и в глубоком тылу, каковым являлась Коми АССР, не хватало ни продовольствия, ни материальных ресурсов. С осени 1941 г. в Коми АССР стала поступать денежная и материальная помощь (одежда, продукты, медикаменты) от польского правительства, Красного Креста и других благотворительных организаций. Ее получение, хранение и распределение полностью взяла на себя делегатура. Были организованы два склада в Сыктывкаре, а также складские помещения в селах Визинга, Объячево, Усть-Кулом, Вогваздино, Корткерос и Айкино. Они находились под контролем районных уполномоченных делегатуры, а в поселках были выбраны ответственные за распределение помощи. Распределяемые деньги, продукты и одежда не могли полностью удовлетворить потребности всех семей. И все же они смогли существенно облегчить жизнь высланных.

Со второй половины 1942 г. начал нарастать кризис в советско-польских отношениях, проявлением которого стал уход польской армии в Иран. В конце 1942 г. местные власти стали активно препятствовать деятельности представительства посольства Польской Республики. В январе 1943 г. было принято решение прекратить освобождение по амнистии (фактически оно было закончено уже в первой половине 1942 г.). В феврале 1943 г. власти Коми АССР начали прием имущества польских благо-

творительных учреждений, а 11 марта – делегатуры. В конце марта 1943 г. делегатура фактически перестала существовать. Продукты и одежда, находившиеся на складах делегатуры, были розданы депортированным (всего было роздано 1200 кг жиров, 600 кг муки, 2200 кг консервированных супов, 200 кг круп, 3011 одеял, 2777 пальто, 2529 костюмов, 4310 свитеров, 2220 пар носков и чулок, 2190 пар перчаток, 162 пары обуви) [19]. В начале апреля кризис в советско-польских отношениях достиг пика в связи с различными оценками Катынского расстрела. 25 апреля 1943 г. СССР в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения с польским правительством.

В январе 1943 г., еще до разрыва отношений с польским правительством в эмиграции, был создан просоветский Союз польских патриотов (СПП). На 1-м съезде СПП (9-10 июня 1943 г.), принявшем декларацию и устав союза, поляков из Коми АССР представлял бывший спецпоселенец Анджей Витос. Он был избран в руководящие органы СПП (с февраля 1944 г. – зам. председателя СПП), и в качестве одного из руководителей союза в июле-декабре 1943 г. совершил инспекционную поездку в Горьковскую, Кировскую, Архангельскую области и Коми АССР (побывал в Сыктывкаре и селах Визинга и Объячево). В Коми АССР были организованы ячейки СПП. Теперь помощь полякам поступала через комиссию по социальной опеке СПП. В свою очередь советское правительство в августе 1943 г. создало управление по снабжению поляков при Наркомате торговли СССР. Одна из 14 баз управления находилась в Сыктывкаре, где еще в июне 1943 г. начал работу уполномоченный по обслуживанию поляков по Коми АССР. В связи с тяжелыми условиями жизни полякам в Коми АССР, как и в других северных регионах, было разрешено выдавать материальную помощь по несколько раз. В районах были организованы пункты питания, через которые распределялись продукты [20].

СПП старался расширить сеть польских школ и детских домов. В июне 1943 г. был создан Комитет по делам польских детей при Наркомате просвещения РСФСР, куда вошли и представители СПП. Во исполнение решения комитета СНК Коми АССР 10 ноября 1943 г. принял постановление “Об открытии польских школ на 1943-1944 учебный год”, предусматривающее организацию 1 неполной средней и 9 начальных школ с контингентом 583 учащихся. Однако это постановление во многом было формальным (учебный год уже начался и все отпущенные ресурсы и финансы были израсходованы). Польские школы так и не были открыты.

Весной 1943 г. в соответствии с постановлением ГКО № 3294 началась мобилизация “бывших польских граждан поляков по национальности” 18-40 лет (относящихся к начсоставу – до 50 лет), а также призыв добровольцев “из числа бывших польских граждан не польской национальности и поляков коренных жителей СССР” в формирующуюся на территории СССР польскую дивизию им. Тадеуша Костюшко. К концу мая было приказано отпра-

вить всех мобилизованных в Селецкие лагеря под Рязанью, где формировалась дивизия. Точное число призванных в армию не установлено. По данным НКВД Коми АССР на ноябрь 1943 г. только из Сыктывкара в польскую дивизию были направлены 445 человек (268 призывников – до и 177 – после паспортизации). Кроме того, 186 чел. были мобилизованы в трудовую армию [21]. Исходя из того, что в Сыктывкаре проживала примерно треть всех поляков, можно предположить, что всего в 1943 г. было призвано около 1200 чел.

Поляки, несмотря на запрещение, продолжали выезжать из Коми АССР. Поскольку еще в 1940 г. самовольный уход с предприятий был запрещен, подобная самодеятельность могла повлечь за собой арест и осуждение. Тем не менее весной-осенью 1943 г. только из Сыктывкара, по данным паспортного отдела, выехали за пределы республики 155, в другие районы Коми АССР – 406 чел. Из них всего 5 человек имели пропуска, выданные милицией. Власти серьезно обеспокоились “массовым дезертирством б/польских граждан” и приняли меры. “Для задержания дезертиров с производства и нарушителей паспортного режима” на пристани и дорогах были установлены милицйские посты. “Силами этих постов и оперативными мероприятиями задержаны 393 человека б/польских граждан самовольно бежавших с предприятий города. Из числа задержанных 37 человек осуждены..., остальные 356 человек направлены к месту прежней работы”. Кроме того, были разысканы еще 50 чел., уже осужденных за самовольный уход с производства, но не отбывших наказание [22].

Эти осужденные составляли лишь небольшую часть поляков, репрессированных в 1942-1944 гг. Известны 54 заключенных и 54 “вольных” поляков и польских евреев, осужденных в Коми АССР по 58-й статье уже после амнистии (до середины 1944 г.). Однако очень многие (точное их число не установлено) были осуждены по “бытовым” статьям – за кражу, мошенничество, выражавшееся в незаконном получении хлебных карточек, спекуляцию (перепродажу вещей), самовольный уход с работы и т.д. К примеру, весной-осенью 1943 г. в Сыктывкаре, в основном по “бытовым статьям”, были арестованы и осуждены 147 бывших польских граждан [23]. Система, загнавшая поляков в скотские условия, буквально толкала на преступления, а затем сурово карала несчастных.

Несмотря на материальную помощь, условия жизни поляков, как и всего населения республики военного времени, оставались очень тяжелыми, что имело следствием высокую смертность. По материалам архива ЗАГС установлено 766 фамилий “вольных” бывших польских граждан, умерших в 1942 г., 352 – в 1943 г., 130 – в 1944 г. Итого в “вольный период” умерли 1 248 чел., а всего в 1940-1944 гг. – 3 182 чел. К ним необходимо прибавить умерших в лагерях. По актовым записям о смерти установлены 209 поляков-заключенных, скончавшихся в 1942 г., 247 – в 1943 г., 37 – в 1944 г. Но можно с уверенностью сказать, что это неполные данные.

Осенью 1943 г. встал вопрос о вывозе поляков из северных регионов в южные районы СССР (инициатором этой акции стал СПП). На запрос Наркомата иностранных дел СНК Коми АССР ответил, что на 19 октября 1943 г. в республике “имеется поляков” 8 420 чел., из них в Сыктывкаре 3188, Сыктывдинском р-не – 1127, Прилузском р-не – 1512 чел. В районах Крайнего Севера, по данным правительства республики, проживали всего 76 поляков (без учета заключенных). Из общего количества “бывших польских граждан” только 472 работали на лесозаготовках, остальные – в местной и кооперативной промышленности. По мнению властей, условия жизни и снабжения поляков были нормальными, а вывоз их нежелательным [24].

Доводы правительства и партийных органов республики учтены не были. 5 апреля 1944 г. СНК СССР принял решение о переселении, согласно которому из Коми АССР было разрешено переселить в южные районы страны 9 тыс. чел. 18 апреля 1944 г. аналогичное решение принял СНК Коми АССР, а 6 мая 1944 г. им было принято постановление № 297/12с “О мероприятиях по переселению бывших польских граждан из Коми АССР в южные районы страны”. Всего подлежали переселению 7553 чел. Переселение планировалось провести в два этапа: в мае – 3800, и в июне – около 4000 чел. Контролировали переселение доверенные лица СПП. Однако не обошлось без трудностей, связанных с нехваткой вагонов, продовольствия и т.д. Всего были вывезено более 8 тыс. чел. (к учтенным “вольным” присоединились более 800 освобожденных из лагерей по истечении срока заключения). Они расселялись в Краснодарском и Ставропольском краях, Курской, Ростовской, Воронежской областях РСФСР, Херсонской, Черниговской, Николаевской, Запорожской, Сумской и других областях УССР [25].

Еще до окончания войны в Коми АССР начали прибывать новые партии спецпоселенцев, быстро начало расти “лагерное население”. В бесконечных этапах в северные лагеря вновь появились поляки, арестованные на территории освобожденной Польши. В феврале-марте 1945 г. из Польши в Печлаг, Севжелдорлаг и Печжелдорлаг были отправлены 5 эшелонов с 2958 осужденными поляками. Известны еще два эшелона, отправленные осенью 1945 г. в Ухтижемлаг. На 1 января 1945 г. в Воркутлаге, Инталлаге и Печлаге насчитывалось 638, а на 1 января 1946 г. – уже 2813 поляков [26]. Но это уже другая “польская страница” в истории Коми АССР.

Примечания

1. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники “Мемориала”. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 119.

2. Gurjanow A. Cztery deportacje 1940-41 // Karta. – 1994. – № 12. – S. 130-131; ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 62, л. 37, 67.

3. Гурьянов А.Э. Указ. соч. – С. 118-119.

4. Gurjanow. Op. cit. – S. 134; ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 61, л. 4, 27.

5. Архив МВД РК. Ф. 31, оп. 2, д. 7, л. 30, 33; д. 8, л. 1, 4, 13, 16, 34.

6. Там же. Д. 7, л. 30; Д. 8, л. 4. Данные по осадникам приводятся по состоянию на 1.04.1940, по беженцам – на 1.09.1940.

7. НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 40, л. 106-107; Д. 46, л. 97-98; Д. 68, л. 49; Архив МВД РК. Ф. 31, оп. 2, д. 9, л. 1-2.

8. Архив МВД РК. Ф. 31, оп. 2, д. 9, л. 7-10.

9. ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 74, л. 185-186.

10. НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 22, л. 86-87; Д. 46, л. 70, 116-125, 128-129.

11. Там же. Д. 46, л. 53, 58-60; Д. 53, л. 47-48; Д. 67, л. 16, 95, 193.

12. ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 62, л. 67; НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 68, л. 125.

13. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 672, л. 57; Покаяние: Мартиролог. Т. 1. – Сыктывкар, 1998. ; Т. 2. – Сыктывкар, 1999.

14. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. – С. 159, 167, 170, 174-175; Архив МВД РК. Ф. 2, оп. 23, д. 66, л. 3.

15. Архив МВД РК. Ф. 2, оп. 23, д. 66, л. 3; Архив УФСБ РФ по РК. Коллекция документов.

16. Żaroń Piotr. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. – Warszawa, 1990. – S. 196; НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 92, л. 9, 74, 92; Архив УФСБ РФ по РК. Коллекция документов.

17. НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 129, л. 5, 44-47.

18. Там же. Д. 91, л. 60; Д. 95, л. 144.

19. Там же. Д. 141; КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 972, л. 57.

20. Żaroń Piotr. Op. cit. – S. 287, 291; Воспоминания Тадеуша Витоса. Рукопись. – 1992 // Архив Сыктывкарского общества “Мемориал”.

21. НАРК. Ф. 506, оп. 1, д. 64, л. 27-29; КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 1, д. 455, л. 7.

22. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 1, д. 455, л. 7-9.

23. Там же. Л. 70б; Покаяние: Мартиролог. Т. 1. – Сыктывкар, 1998; Т. 2. – 1999.

24. НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 129, л. 54; КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 972, л. 57.

25. КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 5, д. 1076, л. 18; НАРК. Ф. 605, оп. 4, д. 156, л. 17-25; Głowacki Albin. Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. – Łódź, 1989. – S. 38-41, 118-119.

26. Елисеєва Н.Е., Аптекарь П.А., Нагаев И.МС., Успенский И.В., Гурьянов А.Э. Каталог эшелонов с интернированными поляками, отправленными в глубь СССР // Репрессии против поляков и польских граждан. – С. 224-225; Więźniowie łagrów w rejonie Workuty: Indeks represjonowanych. T.X. Cz.1. – Warszawa, 1999. – S. 456.

РОЛЬ ГУЛАГА В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ КАРЕЛИИ. 1920–1930-е ГОДЫ

Создание и функционирование в 1920–1930-х гг. системы ГУЛАГа в Карелии в силу ряда причин до сих пор не нашли адекватного отражения в отечественной исторической литературе. Во-первых, вплоть до 1990-х гг. практически не допускалась постановка такого рода проблем в плановых, финансируемых исследованиях. Во-вторых, соответствующие документальные материалы, хранящиеся в государственных и ведомственных архивах, были не доступны исследователям.

Многое в этом направлении удалось сделать А.И.Солженицыну, создавшему в 1958–1967 гг. широко известный “Архипелаг ГУЛАГ”. В последнее десятилетие появилось немало публикаций на “гулаговские” темы как в центре, так и на местах, в том числе в Карелии [1]. Тем не менее надо сказать, что большая работа по изучению и освещению данного направления в отечественной истории далеко не завершена. Рассекреченные в 1990-е гг. архивные документы позволяют, в частности, представить роль ГУЛАГа в социально-экономическом, прежде всего индустриальном, развитии Карелии 1920–1930-х гг., его территорию, структуру населения, хозяйственную деятельность, что и является задачей данной статьи.

Как известно, именно в северных районах, в частности, в Карелии закладывались и отрабатывались основы карательной политики, принудительного труда и лагерной экономики советского государства. Расширение сети исправительно-трудовых лагерей приобрело еще больший экономический смысл с ликвидацией к концу 1920-х гг. безработицы. Официальная статистика показывает, что до 1929 г. в целом по РСФСР трудом было охвачено лишь 34-41% всех заключенных [2]. Положение коренным образом начало меняться в первый год первой пятилетки.

Одним из первых в 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) [3]. Если вначале здесь содержалось около 3000 заключенных, то к 1930 г. – уже десятки тысяч. СЛОН только по внешним заказам лесных трестов Карелии (“Желлеса” и “Кареллеса”) заготавливал древесины в 1926 г. на 63 тыс. руб., в 1929 г. на 2365 тыс., т.е. в 37 раз больше, а в 1930 г. еще втрое больше; дорожное строительство по Карело-Мурманскому краю в 1926 г. было выполнено на 105 тыс. руб., а в 1930 г. – на 6 млн. рублей, т.е. в 57 раз больше [4].

Система ГУЛАГа в Карелии выросла до огромных размеров в связи со строительством Беломорско-Балтийского водного пути в начале 1930-х гг. Осенью 1931 г. на базе СЛОНа был организован Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (ББЛАГ), основной задачей

которого являлось строительство Беломорканала. К лету 1932 г. численность ББЛАГа составляла 126 тыс. чел., большинство из них, по данным И.И.Чухина, – невинные люди, осужденные “за участие в контрреволюционных организациях”, и раскулаченные крестьяне [5]. Силами Белбалтлага канал протяженностью 227 км был построен в кратчайший срок – за 21 месяц. В результате водный путь между Балтийским и Белым морями сократился в 4 раза, улучшилась транспортная связь между северными районами страны, с одной стороны, центральными и южными, с другой, создавались условия для хозяйственного освоения обширных территорий Карельской АССР.

Специально созданная правительственная комиссия в составленном 27 июля 1933 г. акте зафиксировала, что “считает Балтийско-Беломорский водный путь от Онежского озера до Белого моря готовым к пуску и принятым в эксплуатацию” [6]. Постановлением СНК СССР от 2 августа 1933 г. было решено “принять... путь в эксплуатацию с присвоением ему наименования “Беломорско-Балтийский канал имени тов. Сталина” и считать его открытым для плавания судов озерно-морского типа” [7].

Беломорканал строили более 100 тыс. заключенных и “в связи с успешным окончанием строительства...”, – утверждалось в постановлении ЦИК СССР от 4 августа 1933 г., – полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек..., проявивших себя энергичными работниками на строительстве” [8]. Официальная пропаганда умалчивала, что тяжелые условия жизни и труда приводили к массовой гибели “каналоармейцев”, на смену которым направлялись все новые и новые заключенные. По мнению А.И.Солженицына, “на Беломоре без натяжки можно предположить, что и триста тысяч вымерло” [9].

С завершением строительства и пуском Беломорско-Балтийского канала сеть лагерей ОГПУ не закрылась, она была необходима в связи с новыми открывавшимися возможностями “для дальнейшего экономического и культурного подъема Советской Карелии и всего Севера СССР”, ибо сооружение такого мощного транспортного пути обеспечивало “установление непосредственной связи между Балтийским морем и Советским Севером” и давало “возможность немедленного приступа к широкой эксплуатации лесных, минерально-рудных, рыбных и прочих природных богатств этого края” [10].

Совнарком СССР принял 17 августа 1933 г. два специальных секретных постановления: “О Беломорско-Балтийском комбинате” [11] и “О мероприятиях в связи с организацией Беломорско-Балтийского комбината” [12]. Согласно этим постановлениям, в целях освоения Беломорканала и прилегающих к нему районов предусматривалось образовать Беломорско-

Балтийский комбинат (ББК), непосредственное руководство которым возлагалось на ОГПУ. Комбинату предоставлялись монопольные права эксплуатации канала и естественных богатств прилегающих к нему районов; ему передавались все находившиеся на территории освоения предприятия, необходимые для выполнения поставленных задач; вплоть до 1936 г. все операции комбината освобождались от каких было ни было налогов и сборов; никто без особого разрешения СНК СССР не имел права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность комбината. Начальником ББК был назначен Я.Д.Рапопорт, бывший до этого зам. начальника Беломорстроя и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями (ГУЛАГа) ОГПУ. Наблюдение за исполнением и разрешение текущих вопросов, связанных с деятельностью ББК, поручалось председателю Госплана СССР В.В.Куйбышеву [13].

В связи с поставленными государственными задачами в одном из первых приказов по ББК от 10 сентября 1933 г. говорилось: "В исключительно короткие сроки Беломорско-Балтийский комбинат ОГПУ должен проделать гигантскую работу по освоению и эксплуатации природных богатств Карелии и полному использованию тех больших возможностей, которые дает краю Беломорско-Балтийский водный путь, создать ряд новых крупнейших гидротехнических сооружений, гидроэлектростанций и промышленных предприятий, развить горное дело и добычу полезных ископаемых, построить города социалистического типа и т.д. Эти работы по объему во много раз превосходят все то, что было выполнено на строительстве ББВП..." [14].

После завершения строительства Беломорканала большая часть каналоармейцев всех категорий (заклоченных и вольнонаемных), а также начальствующего состава отправилась на другие стройки страны: канал Москва-Волга и Байкало-Амурскую магистраль. Переброска рабочей силы проводилась в основном с 15 мая по 15 сентября 1933 г., и временно численность лагерного населения уменьшилась. Однако для выполнения новых задач, поставленных государством перед руководством комбината, тоже требовались, прежде всего, люди, и к концу 1933 г. ББЛАГ, получив пополнения, насчитывал около 75 тыс. чел. [15].

О численности и динамике состава заключенных Белтбалтлага можно судить по следующим данным. На 1 июля 1938 г. в лагере числилось по списку 77 278 чел. За истекшие сутки прибыли 10 человек из Кандалакшской, Соловецкой и Пудожской тюрем и, кроме того, "прошли ст. Медгора, но не приняты на списочный состав 288 человек" смоленской партии. За эти сутки убыли 108 чел., в том числе освобождены 38, бежали 5, умерли 9, переведены в другие места заключения 56 чел. Всего за 1938 г. ББЛАГ принял до 36 тыс. заключенных, выбыли за это время в порядке освобождения 25 тыс. чел. [16]. На 1 апреля 1941 г. в лагере числилось 73194 чел. За истекшие сутки прибыли 608 чел. ленинградской партии, кроме того,

“прошли ст. Медгора, но не приняты на списочный состав 398 человек ленинградской партии”. За эти сутки убыли 52 чел., в том числе освобождены 43, умерли 3, бежали 2, отправлены в другие места заключения 4 чел. [17]. Как видно, ББЛАГ ежесуточно пополнялся осужденными по статьям Уголовного кодекса (УК) того времени. Это были люди из разных районов страны, разные по национальности, происхождению, социальной принадлежности, возрасту. До 95% заключенных составляли мужчины.

Актуален вопрос: за что и по каким статьям УК привлекались к уголовной ответственности, осуждались и отбывали наказание лагерное наказание люди? Как справедливо замечает историк В.Н.Земсков, некоторые авторы достаточно вольно дают сведения на этот счет. Между тем архивные документы содержат точные статистические данные о составе лагерного населения страны довоенного периода. В частности, всего в исправительно-трудовых лагерях страны на 1 января 1934 г. числилось 510307 чел., из них осужденные “за контрреволюционные преступления” составляли 26,5%; на 1 января 1938 г. – 996367 чел. и 18,6%; на 1 января 1939 г. – 1317195 чел. и 34,5%; на 1 января 1940 г. – 1344 408 чел. и 33,1%; на 1 января 1941 г. – 1500524 чел. и 28,7% [18].

Состав заключенных Белтбалтлага был примерно таким же. Так, по состоянию на 1 января 1939 г. в нем числилось 86507 заключенных, в том числе осужденных за контрреволюционные преступления – 29706 чел. или 35% [19]. В результате репрессивной политики, проводившейся государством в массовых масштабах, узниками ГУЛАГа в Карелии оказались многие известные всей стране и за ее пределами люди: военачальники, философы, ученые, художники, писатели, артисты. В Медвежьегорске отбывал свой лагерный срок А.Ф.Лосев (1893–1988) – выдающийся ученый, автор фундаментальных трудов по философии, эстетике, мифологии античности и возрождения, продолжатель русской немарксистской философской школы. Заключенным был крупнейший казахский ученый и писатель Мир-Якуб Дулатов, который умер в Сосновецком лазарете в октябре 1935 г. русский ученый, богослов П.А.Флоренский, осужденный по 58-й статье УК и оказавшийся в ББЛАГе, был расстрелян 8 декабря 1937 г. по приговору особой тройки УНКВД. Известный удмуртский литератор и общественный деятель Кузубай Герд (К.П.Чайников) был расстрелян 1 ноября 1937 г. в урочище Сандармох под Медвежьегорском. Такой перечень имен можно продолжить до многих десятков.

На 1 апреля 1938 г. на ББК насчитывалось 139 лагерных пунктов и отдельных трудовых колонн, 87547 чел. – 83810 заключенных и 3737 вольнонаемных. Кроме того, в состав комбината входил 21 спецпоселок, в которых размещались 8 505 раскулаченных и высланных крестьянских семей (около 28 тыс. чел.) [20]. Таким образом, в 1930-е гг. более 100 тыс. заключенных и трудпоселенцев постоянно проживали в лагерях и спецпоселках.

Владения ББК распространялись по всему Карело-Мурманскому краю – от Приладожья и Заонежья до Териберки на Кольском полуострове: около 1000 км вплоть до Мурманска и Североморска параллельно Кировской железной дороге с отклонением на восток от 50 до 200 км и, кроме того, Соловецкие острова. Только лесная территория ББК занимала общую площадь 2800 тыс. гектаров. На ней размещались Повенецкий, Выгозерский, Медвежьегорский, Паданский леспромхозы и часть лесопунктов Ругозерского, Сорокского и Тунгудского леспромхозов. В 1938 г. эта площадь увеличилась до 4 млн. гектаров за счет присоединения Пудожского лесного массива [21].

В принятом 10 апреля 1934 г. СНК КАССР постановлении “О плане работ и объеме капиталовложений Белбалткомбината 1934 г. по КАССР” зафиксированы первые итоги развернувшейся хозяйственной деятельности ББК. К этому времени, т.е. за 8 месяцев существования ББК выполнил большую часть намеченной программы: а) разработал основные линии своей деятельности на ближайшие годы; б) провел изыскательно-исследовательские работы в области геологии, гидрологии и энергетики; в) положил начало развитию своего земледелия и животноводства; г) в Медгоре (центре комбината) построил административные, коммунальные складские и другие здания в объеме 88 тыс. кубометров; д) заготовил 700 тыс. фестметров древесины, выпилил 66 933 кубометров досок и брусев; е) произвел 12,8 т смолы, 31,6 т скипидара, 233,5 т угля, 56 т дегтя; ж) начал строительство 18 трудпоселков и переселил 4 462 семьи в количестве 17 606 чел.; з) выловил рыбы в озерах Карелии 684 ц, на побережье Белого моря – 2 100 ц; и) построил Пиндушскую судоверфь; к) своевременно открыл навигацию по Беломорканалу с перевыполнением грузовых перевозок [22].

В октябре 1934 г. начал действовать Суозерский двухрамный завод ББК, расположенный в центре богатого лесного массива. На этом заводе была внедрена шведская технология [23].

В январе 1935 г. первая ударная колонна ББК в составе 300 чел. отбыла из Медгоры в Тулому на строительство Туломозерской гидроэлектростанции [24].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 августа 1935 г. “О строительстве железнодорожной ветки от Монче-Тундры до Мурманской железной дороги” Белбалткомбинат начал строить железную дорогу Оленья – Монче-Тундра на Кольском полуострове [25].

Из отчетных документов видно, что в систему ББК входило и производство товаров народного потребления. Силами заключенных были организованы швейное производство в Кеми и Медвежьегорске, коженное производство в Пиндушах, мебельная фабрика работала при Медвежьегорском ДОКе.

Хозяйственная деятельность комбината, его достижения постоянно находились в центре внимания не только карельских, но и центральных

партийных и государственных органов. Так, газета “Красная Карелия” опубликовала следующий материал об итогах первого экскурсионного сезона на Беломорканале в 1933 г.: “В течение четырех месяцев канал посетило 4185 человек. Величественным зрелищем канала любовались ударники со всех концов Советского Союза: металлисты Москвы и ткачихи Иванова, привезшие в подарок руководителям стройки свидетельство высокого мастерства – вытканые на полотне портреты тт. Сталина и Ленина, нацмены Кавказа и Средней Азии, просвещенцы Ленинграда, шахтеры Донбасса, пионеры и старые большевики, колхозники и инженеры, кооператоры, академики и т.д. В полном составе проехал по каналу пленум Карельского обкома партии. Недавно экскурсию по каналу совершили 150 комсомольцев-ударников Карелии. Хранящаяся на пароходе “Карл Маркс” книга впечатлений изобилует записями восхищения грандиозной стройкой” [26].

Августовский номер журнала “Беломорско-Балтийский комбинат” за 1935 г. дал информацию о ББК в связи с 15-летием образования Карельской Трудовой Коммуны: “В дни празднования 15-летия Советской Карелии в Медгоре была организована выставка продукции Белбалткомбината. В выставке приняли участие многочисленные отрасли хозяйства ББК. Образцы лесной продукции, рыба, овощи, цветы, руда, станки, обувь, модели судов, книги, газеты, макеты театральных постановок фигурировали на отчетной выставке в качестве вещественных доказательств того, что изготавливается и производится в зоне основанного два года тому назад Белбалткомбината. Выставка, которую “Известия ЦИК” охарактеризовали как “изумительную”, была открыта в течение 5 дней” [27].

Тут же помещено сообщение о пребывании на ББК руководителей партии и страны тт. А.А.Жданова и А.И.Микояна: “4 августа на Беломорско-Балтийский канал им. т. Сталина прибыли секретарь ЦК и Ленинградского областного комитета ВКП(б) т. А.А.Жданов и народный комиссар снабжения СССР т. А.И.Микоян. Тов. Жданов и Микоян посетили музей канала на первом шлюзе, осмотрели Повенецкий пушсовхоз ББК и выехали по каналу через Сороку в Мурманск. 6 августа тт. Жданов и Микоян посетили строительство Нижне – Туломской ГЭС и детально ознакомились с ходом строительства крупнейшей гидростанции Заполярья” [28].

Имеющиеся данные свидетельствуют о быстро возраставшей роли Беломорканала в системе водных магистралей СССР. Если в 1933 г. объем перевозок грузов по каналу составил 601 тыс. т и 623,1 т/км, то в 1939 г. – соответственно 2640,8 тыс. т и 623,1 т/км. Такой рост грузооборота и возрастание пробега грузов свидетельствовал о расширении сферы экономического влияния далеко за пределы его трассы и Онежского озера. Вместе с тем при возрастающей роли канала влияние его на экономику Карелии было неравномерно и, по существу, ограничивалось средней зоной, т.е. Медвежьегорским, Сегежским и Беломорским районами. Удельный вес

перевозок Белбалткомбината по каналу составлял в 1933 г. – 10%, в 1937 г. – 69%. Таким образом, в конце 1930-х гг. из всех перевозок по каналу только 31% приходился на другие организации [29]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 марта 1939 г. “О передаче Беломорско-Балтийского канала им. Сталина в ведение Наркомвода” канал вышел из системы НКВД и был включен в систему Северо-Западного пароходства. При этом предусматривалось организовать на канале подчиненное Наркомату водного транспорта Бассейновое управление пути с центром в Повенце [30].

Наиболее крупными объектами, построенными комбинатом на канале, являлись: Пиндушская судовой верфь деревянного судостроения с годовой производственной мощностью до 86 тыс. т грузоподъемности выпускаемого флота; Повенецкий судоремонтный завод, обеспечивавший текущий и капитальный ремонт самоходного флота; сооружение и оборудование пристаней на трассе канала – в Медгоре, Повенце, Надвоицах и др. [31]; введенный частично в эксплуатацию Сорокский порт с пропускной способностью в 2,9 млн. т грузов.

Крупнейшим объектом ББК во второй пятилетке была Туломская ГЭС мощностью в 48 тыс. кВт, строительство которой завершилось в конце 1936 г. Эта самая северная в мире гидроэлектростанция, по отзывам принимавшей ее правительственной комиссии, являлась одной из лучших ГЭС страны в техническом исполнении [32]. В марте 1939 г. вступила в строй первая очередь Сегежского целлюлозно-бумажного комбината – самого мощного по производительности в стране и одного из самых крупных в Европе [33]. Были построены также 21 трудпоселок, десятки мелких предприятий, сотни километров дорог. На очереди стояли новые крупные стройки, включенные в планы третьей пятилетки: Ондская и Кумсинская ГЭС, Медвежьегорский лесобумхимкомбинат, Пудожгорский металлургический комбинат, алюминиевый завод на севере края [34].

Особенно важную роль играл Белбалткомбинат в развитии лесной промышленности Карелии. Уже в 1937 г. на него приходилось 35% всего объема лесозаготовок и около 12% производства пиломатериалов. Рост лесозаготовок в конце 1930-х гг. в значительной степени также определялся деятельностью ББК, который стал обеспечивать более половины всей вывозки древесины по республике: в 1938 г. – 4806 тыс. фм, в 1939 г. – 6522, в 1940 г. – 4172 тыс. фм [35]. В лесопильно-деревообрабатывающей промышленности комбината работали Медвежьегорский, Сегежский, Пиндушский, Сунозерский лесозаводы, лесозавод на р.Летней, две мебельные фабрики в Медвежьегорске и Надвоицах, 10 однорамных лесозаводов передвижного типа и 19 шпалорезок. Было развито лесохимическое производство: велись заготовки смолы, дегтя, угля. Более половины всего контингента лагерников использовались на лесных работах.

По мере расширения и увеличения работ на производственно-строительных объектах изменялась и структура ББК. В 1937 г. из него выделился комбинат Североникель (строительство никелевого завода), в 1938 г. – Сегежлаг (строительство ЦБК в Сегеже), в 1940 г. – Кексольмлаг (восстановление целлюлозно-бумажных предприятий, отошедших от Финляндии), Кандашлаг (строительство железной дороги № 105 в районе Кандалакши: ст. Ручьи Карельские–Алакуртти–Куоярви), Пудожлаг (строительство металлургического комбината), Маткожлаг (завершение строительства Сорокского порта) [36].

С началом Великой Отечественной войны на базе Беломорско-Балтийского комбината было создано Управление оборонного строительства Карельского фронта, затем основной контингент заключенных эвакуировался в другие многочисленные “лаги” страны – Архангельской области, Коми АССР, Урала, Сибири.

Литература и источники

1. Чухин И.И. Каналоармейцы. История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. – Петрозаводск, 1990; Соловецкий мемориал // Север. – 1990. – № 9; ГУЛАГ в Карелии. 1930-1941 гг. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1992; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1921-1940 гг. – Петрозаводск, 1997; Политические репрессии в России. XX век: Материалы региональной науч. конф. (7-8 декабря 2000 г.). – Сыктывкар, 2001 и др.
2. От тюрем к исправительным учреждениям. – М., 1934. – С. 115; Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 95.
3. Соловецкие острова до 1940 г. относились к территории Карелии.
4. Соловецкие острова. 1930. – № 2-3. – С. 56-57; Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 95-96, 105.
5. Чухин И.И. Каналоармейцы... – С. 193
6. Беломорско-Балтийский канал имени тов. Сталина. Беломорстрой. 1933. – С. 50.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 50. Ст. 295 (далее – СЗ СССР); Известия. – 1933. – 5 августа.
8. СЗ СССР. 1933. № 50. Ст. 294; Известия. – 1933. – 5 августа.
9. Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 116.
10. Известия. – 1933. – 5 августа.
11. НАРК. Ф. 865, оп. 36, д. 1, л. 35-36.
12. Там же. Л. 33-34.
13. Там же. Л. 34.
14. Там же. Ф. 865, оп. 1, д. 51, л. 190-191.
15. Подсчитано по данным: ГАОПДФ РК. Ф. 1051, оп. 1, д. 6, л. 36-38.
16. НАРК. Ф. 865, оп. 32, д. 10, л. 71-71об.; Оп. 36, д. 14, л. 1-10.
17. Там же. Оп. 32, д. 27, л. 42-42 об.

18. История СССР. – 1991. – № 5. – С.152; Социально-политические науки. – 1990. – № 7.
19. НАРК. Ф. 865, оп. 36, д. 14, л. 1-10.
20. Там же. Оп. 32, д. 9, л. 148.
21. Там же. Оп. 36, д. 1, л. 1-2.
22. Там же. Ф. 690, оп. 6, д. 19, л. 495-496.
23. Красная Карелия. – 1934. – 15 октября.
24. НАРК. Ф. 865, оп. 2, д. 4, л. 22.
25. Там же. Оп. 36, д. 1, л. 29.
26. Красная Карелия. – 1934. – 23 сентября.
27. Беломорско-Балтийский комбинат. – 1935. – № 8. – С.58; Известия. – 1936. – 2 августа.
28. Беломорско-Балтийский комбинат. – 1935. – № 8. – С. 58.
29. Народное хозяйство Карелии. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1991. – С. 127.
30. НАРК. Ф. 690, оп. 3, д. 1096, л. 25.
31. Там же. Ф. 700, оп. 1, д. 1682, л. 111-113.
32. ГАОПДФ РК. Ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 255-256.
33. Красная Карелия. – 1939. – 3 марта.
34. НАРК. Ф. 865, оп. 36, д. 9, л. 3-8.
35. ГАОПДФ РК. Ф. 8, оп. 11, д. 654, л. 51-63; Некоторое уменьшение объемов лесозаготовок в 1940 г. было обусловлено советско-финляндской войной 1939-1940 гг. и переключением в этой связи значительной части рабочих на железнодорожное строительство.
36. См. об этом: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960. Справочник. – М., 1998.

Л.А.Максимова
(Сыктывкар)

РЕПРЕССИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Известно, что за годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни концлагерей и колоний, которые органически вписались в систему экстенсивного советского хозяйства, основанного на директивности, внеэкономических методах принуждения и уравнительности. Отсутствие развитых средств производства и экономических стимулов делали труд как на воле, так и за колючей проволокой одинаково малоэффективным и низкопроизводительным.

В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде "пафос созидания". Девизом лагерных газет стал лицемерный постулат: "Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства". Жизнь заключенного, оторванного от семьи, нормальной работы, дома, заполняли лозунги такого содержания: "Лагерники! На 150 процентов завершим земляные работы!", "Привет трудколлективу "Памяти 9-й годовщины смерти Ильича" пятого лагпункта!", "Ударникам – лучшее питание", "Лагкор не только разоблачитель, но организатор лагерников на выполнение программ" [1]. Позднее к этой лозунговой вакханалии прибавилось лагерное радио. Мощный динамик – громкоговоритель, приделанный на высоком столбе, чтобы не повредили заключенные, не умолкал с утра до конца рабочего дня, пропитывая сознание лагерника идеологическими штампами, приучая мыслить в заданном направлении.

Пропагандистский прессинг сочетался с "исправительно-трудовым". Для заключенных придумывались всевозможные "почины", "трудовые вахты", "салюты", насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое если верить отчетам лагерного начальства, охватывало чуть ли не 95% заключенных.

Известно, что интенсивное промышленное освоение территории нашей республики началось с Ухтинской экспедиции ОГПУ, организованной в 1929 г., которая занималась изысканием нефти в Усть-Ухтинском районе. Сначала она подчинялась Усевлагу (управлению северными лагерями особого назначения), существовавшему с июня 1928 г., затем с 1930 г. – ГУЛАГу. Численность экспедиции составляла в сентябре 1929 г. – 125 чел., а в январе 1931 г. – уже 824 чел. [2].

Чтобы иметь представление о количестве и деятельности лагерей, мы кратко остановимся на их деятельности. Одним из первых лагерей на территории республики был Усть-Вымский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, который был выделен из ликвидируемого СЕВЛОНа (Северных лагерей особого назначения) в июне 1931 г. Он занимался строительством тракта Сыктывкар – Ухта и железной дороги Пинюг – Сыктывкар. Численность лагеря на 1 июля 1931 г. составляла 23 056. Он просуществовал меньше года, в марте 1932 г. был реорганизован в лагерное отделение, затем в перевалочную базу, с подчинением его Управлению Ухто-Печорского ИТЛ ОГПУ [3].

На базе Ухтинской экспедиции ОГПУ в июне 1931 г. был организован Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь. Сфера его деятельности была достаточно широка: разведка и добыча нефти и угля в Ухтинско-Печорском районе, обслуживание работ Ухто-Печорского треста ОГПУ-НКВД – добыча угля в Воркуте и Инте, добыча нефти и радия, газа, асфальтитов (рудник у деревни Нямодь), строительство газового завода, строительство автодорог (среди них – тракта Чибью-Крутая), железной

дороги Чибью – Усть-Вымь – Котлас, Воркута – Усть-Уса – Кожва и др., баржестроение, лесозаготовки в Троицко-Печорском и Кожвинском леспромхозах, Усть-Вымском лесном массиве. Численность его выросла с 9012 чел. в 1932 г. до 54792 чел. в январе 1938 г. [4].

Промышленные итоги деятельности Ухтпечлага весьма масштабны. С 1930 по 1937 г. в тайге проработали 134 геологических и 168 топографических партий Ухтпечлага. Пробурено 847 скважин, открыто три нефтяных, одно газовое месторождение. Организованы и частично введены в эксплуатацию четыре промысла, два угольных и асфальтитовый рудник. Добыто 135 тыс. т нефти, 470 тыс. т угля, выявлены запасы асфальтитов в 100 тыс. т и немало их добыто. Лагерные владения простирались от Белого моря до Обдорска (Салехард) на нижней Оби, от Котласа до арктических островов экспедиции Ухтпечлага работали на Колгуеве и Новой земле [5].

Кроме того в 1932–1936 гг. существовал Пезмогский комбинат, который также, в основном, использовал труд заключенных. Основное производство комбината – лесозаготовки, лесохимическое производство, подсобные промыслы сельского хозяйства. Комбинат был рассчитан на 2 750 заключенных. Фактически численность его составляла в 1933 г. – 2 450, а в 1934 г. – 2978 чел. Комбинатом заготовлено 40 тыс. куб. м древесины, выработано 85 т лесохимического сырья (терпентин и другие продукты лесохимии). Но в 1936 г. производство было свернуто [6].

С 1938 г. заметно активизируется хозяйственная деятельность Наркомата внутренних дел. Лагерная экономика обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. В этот период резко возрастает численность заключенных и заметно удлиняются сроки наказания. Если в 1936 г. в стране было 13 лагерей с объемом работ на сумму 1,2 млрд. руб., то весной 1938 г. их становится уже 33, а объем капитального строительства возрастает до 2,6 млрд. руб. [7].

На базе лагерных подразделений разросшегося Ухтпечлага были образованы 4 исправительно-трудовых лагеря: Воркутинский, Ухто-Ижемский, Северный Железнодорожный, Усть-Вымский. Только за зиму 1937/38 г. НКВД организовал 13 новых лагерных комплексов, преимущественно лесного профиля, в которых разместил более 600 тыс. вновь поступивших заключенных. В августе 1937 г. был организован два лесных лагеря в Коми – Усть-Вымский ИТЛ, который выделился из Ухтпечлага, и Локчимский ИТЛ, созданный на основе Пезмогского комбината. Основное производство Устьвымлага – лесозаготовки, лагерь также поставлял лесоматериалы для Печорского угольного бассейна, заготавливал лыжные болванки и изготавливал лыжи, занимался деревообработкой, производил шпалы, выпускал мебель, осуществлял швейное, гончарное и обувное производства, сельскохозяйственные работы, обслуживал судоремонтные мастерские в Княж-Погостском затоне, строил складские помещения на станции Ропча, производил сплавные и погрузочно-разгрузочные работы.

обслуживал механические и авторемонтные мастерские, строил домостроительные цеха, автодороги и железные дороги, производил кирпич. Численность лагеря выросла с 5222 чел. в январе 1938 г. до 24245 чел. в январе 1943 г. В январе 1953 г. лагерь содержал 23632 заключенных [8].

Локчимский ИТЛ просуществовал с августа 1937 до августа 1940 г. Его силами проводились лесозаготовительные работы в приписных лесах Коми АССР в верховьях реки Вычегды общей площадью 3463000 га и осуществлялся лесосплав по рекам бассейна Северной Двины и Вычегды. Численность его выросла с 18937 чел. в январе 1938 г., до 26242 чел. в январе 1939 г. и составила 10269 чел. в январе 1941 г., когда его подразделения были переданы Устьвымлагу [9].

Лесозаготовительные работы ГУЛАГа составляли 50% от аналогичного производства Наркомлеспрома. ГУЛАГ поставил народному хозяйству страны в 1938 г. 31 млн. куб. м, в 1939 г. – 44 млн. куб. м древесины (при плане 51 млн. кубометров) [10]. Кроме того большое количество леса лагерные управления заготавливали для собственных нужд. В 1938 г. два лесозаготовительных лагеря в Коми давали около 4% от всего объема лесозаготовок ГУЛАГа, который заготавливал около четверти всей древесины в стране [11].

Главным наследником Ухтпечлага был Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь, который был организован в мае 1938 г. и просуществовал до мая 1955 г. В 1955 г. его лагерные подразделения были переданы в Печорский ИТЛ. Ухтижемлаг по-прежнему занимался геологоразведкой и добычей нефти и асфальтитов, строил сажевые заводы и газопровод Крутая – Ухта, обустраивал газовое месторождение Крутая, строил Ухтинский нефтезавод, нефтепровод Войвож – Ухта, ямные емкости на 100000 куб. м топочного мазута, установки по производству дорожного битума и т.д. Ухтижемлаг обеспечивал работу особого проектного бюро (ОБП-4) в составе 4-го спецотдела МВД при Ухтинском комбинате, работу на кирпичных заводах в Крутой и Озерном, работу завода стройматериалов в поселке Дежнева, сажевого завода в Сосновке, лесозаводов в Озерном и Сосновке, Ухтинского механического завода, буровые и вышкомонтажные работы, разработку каменного карьера в районе Сосновки и глиняного карьера близ поселка Дорожный, дорожно-строительные и дорожно-эксплуатационные работы, обслуживание ремонтно-механических мастерских и автобаз, судоремонтных мастерских в затоне Кожва, сельхозработы в совхозах “Ухта” и “Седью”, проводил лесозаготовки и сплавные работы, а также обеспечивал и многие другие виды деятельности. В состав Ухтинского комбината НКВД входило единственное в Советском Союзе предприятие по производству важнейшего стратегического сырья – радия. Эти работы также выполнял Ухтижемлаг.

Численность Ухтижемлага в июле 1938 г. составляла 30353 заключенных, в январе 1940 г. – 19493 заключенных, наибольший пик в числен-

ности заключенных приходится на январь 1950 г. – 37180 чел. В августе 1955 г. во время передачи его в состав Печорского ИТЛ в лагере находилось 5896 заключенных [12]. Не было такого производства в Ухтинском районе, к которому был бы не причастен Ухтижемлаг.

Верхне-Ижемский исправительный трудовой лагерь существовал меньше года. Он был выделен из Ухтижемлага в ноябре 1941 г. с целью строительства газового промысла и сажевых заводов на Крутой, но через 8 месяцев, в июле 1942 г., был снова слит с Ухтижемлагом [13].

Угольную промышленность республики обслуживал Воркутинский исправительно-трудовой лагерь (Воркутлаг), который также в мае 1938 г. был выделен из Ухтпечлага. Кроме угледобычи и шахтного строительства Воркутлаг занимался баржестроением на реке Печора, готовил к промышленному освоению Харбейское молибденовое месторождение (в том числе строил ЛЭП Воркута – Харбей, опытную обогатительную фабрику, автодороги), производил молибденовый концентрат, строил ТЭЦ, объекты Полярно-Уральского управления. Его силами также осуществлялась работа на лесозаводе, на ремонтном, деревообрабатывающем, цементном и механическом заводах, на заводе стройматериалов, в геологическом управлении. Силами Воркутлага проводились погрузочно-разгрузочные работы, подсобные сельхозработы в совхозах “Западный”, “Центральный”, “Пригородный”, “Заполярный”, “Победа”, “Усинский”. Воркутлаг производил ширпотреб, обслуживал судоремонтные мастерские в затоне Кожва, продолжал строить железную дорогу Воркута – Хальмер-Ю. Это был один из самых крупных лагерей в Коми АССР. Если в июле 1938 г. его численность составляла 15009 заключенных, то в январе 1948 г. их насчитывалось 62525 чел., а в январе 1951 г. – 72540 чел. [14].

В ноябре 1941 г. из Воркутлага был выделен Интинский исправительно-трудовой лагерь (Инталаг), который разрабатывал и эксплуатировал Интинское угольное месторождение, строил Интинскую ЦЭС, производил работы бывшего Щугорского исправительно-трудового лагеря (который выделялся из Инталага и существовал как самостоятельный в 1945–1946 гг): угледобычу, строительство шахты № 3 и узкоколейную железную дорогу на пристань реки Печоры, занимался подсобными сельскохозяйственными работами. Численность его росла: 6502 чел. – в январе 1943 г., 18 656 чел. – в январе 1948 г. на момент передачи Инталага в состав Минерального лагеря [15].

Проблема развития топливной базы относилась к числу наиболее острых проблем советской экономики. По решению партии и правительства интенсивное освоение Ухто-Печорского бассейна началось в конце 1930-х гг., где силами заключенных велась добыча угля, нефти, газа и других энергоресурсов. Воркута давала 300 тыс. т угля в 1940 г. Партийное руководство страны возлагало большие надежды на Печорский бассейн и вкладывала в его развитие значительные средства. Пред-

полагалось, что созданный здесь Ухтинский комбинат НКВД, кроме всего прочего, станет основным поставщиком топлива для Северного морского флота.

Вызывают интерес темпы, какими Советское правительство предполагало вести добычу топлива в Ухтинском районе. Например, добычу угля планировалось увеличить с 280 тыс. т в 1940 г. до 12,5 млн. т в 1945 г., а добычу нефти с 70 тыс. т в 1940 г. до 1 млн. т в 1944 г. Исполинским планам не суждено было сбыться, в противном случае за полярный круг пришлось бы дополнительно этапировать не менее миллиона заключенных [16].

В мае 1938 г. из Ухтпечлага выделился и Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь (Севжелдорлаг, Севжелдорстрой), который просуществовал до июля 1950 г. Помимо строительства железной дороги Котлас-Ухта лагерь обслуживал механический завод в Княжпогосте, Котласский мостозавод, осуществлял производственное и жилищное строительство, подсобные сельскохозяйственные работы, производил извести на Сырочаевском заводе, кирпич, вел лесозаготовки. Численность его с 25199 чел. в октябре 1938 г. выросло до 84 893 чел. в январе 1941 г. [17].

Менее 6 месяцев просуществовал Заполярный ИТЛ или Строительство 301, который строил железнодорожную линию Воркута-Хабарово, временный порт у Югорского Шара, временную зимнюю дорогу, а также строил железную дорогу Воркута-Югорский Шар. Численность его составляла 999 чел. на 01.02.1941 и 571 чел. на 01.03.1942 [18].

Одновременно с Севжелдорлагом с мая 1940 г. существовал Северо-Печорский ИТЛ (Севпечлаг), который производил работы по достройке и увеличению пропускной способности Печорской железнодорожной магистрали на участках Кожва-Воркута, Воркута-Халмерью, Хановей-шахта № 7, строил первые 40 км железной дороги от станции Чум до порта на мысе Каменный. Кроме того, силами Севпечлага велось строительство верфи в районе Печоры, судостроительного завода и причалов в г. Печоре, судоремонтного пункта, угольных складов, электростанций и жилья. Лагерь также занимался производством извести на Джинтуйском заводе, кирпича, производил лесозаготовки, сельхозработы и обслуживал авторемонтный завод № 4. Ему были также переданы работы Заполярного ИТЛ. Численность его выросла с 3851 чел. в июле 1940 г. до 102 354 чел. в январе 1942 г. и составляла 42028 чел. на 1 января 1950 г. [19].

В июне 1950 г. Северо-печорский лагерь был объединен с Северным железнодорожным лагерем. Часть их подразделений была передана Воркутлагу, часть Управлению мест заключения МВД Коми АССР. На базе объединения был создан Печорский исправительно-трудовой лагерь, строивший вторые пути на участке Вельск-Воркута Печорской железной дороги, железную дорогу Воркута-Хальмер-Ю и Хановей-Шахта, вторые пути на участке Белки-Иоссер, вагоноремонтное депо и электростанцию в Сольвычегодске, депо на станции Печора и Инта, жилье. Печлаг обслу-

живал работы Вельского строительного управления МПС, Управления Южно-Печорского строительства ГУЖДС Дальнего Востока и Сибири Минтрансстроя, Печорстроя Минтрансстроя, комбината Воркутауголь, Печорского пароходства, Ракпасского промышленного комбината (лесозаготовки, деревообработка, выпуск ширпотреба), обслуживал по договорам объекты Ухто-Ижемского ИТЛ, обустраивал порт Нарьян-Мар, строил электростанцию, причал, жилье в г.Печора, угольный склад на станции Ира-Ель, Железную дорогу Чум – Лабытнанги, производил алебастр, известь, кирпич, лесозаготовки, сельскохозяйственные работы, добывал гравий, камень, песок, грунт, изготавливал тарные ящики, вел работы по организации и обустройству Строительства 509. Численность Печлага составляла в январе 1951 г. 59408, в январе 1956 г. – 10 046 чел. [20].

Большой комплекс работ выполнялся силами заключенных особых лагерей МВД, создание которых на территории республики началось в 1948 г. Всего в Коми АССР существовало 3 особых лагеря, в которых содержались “наиболее опасные государственные преступники”. Минеральный лагерь, образованный в феврале 1948 г. обслуживал Интинский комбинат МВД: добывал уголь на шахтах № 1-4, 6, 7, 10, строил новые шахты – № 5, 9, 11-14, Осуществлял капитальное, дорожное, жилищное строительство, осушительные работы, работы на рудниках Еджид-Кырта и Кожим, на ремонтно-механическом заводе (пос.Инта), на кирпичном заводе, ДОКе, земляные работы, лесозаготовки, строил шлакоблочный завод комбината Интауголь, вел работы на автобазах и лесобирже и т.д. В октябре 1948 г. в Минлаге содержалось 9 332 чел., в июле 1952 г. – 33 225, в январе 1956 г. – 10 327 чел. (В ноябре 1948 г. в состав Минлага были переданы подразделения ликвидированного Инталага). Минлаг был закрыт в марте 1957 г., все его подразделения были переданы Печорскому ИТЛ [21].

В августе 1948 г. на базе лагерных подразделений Воркутлага был организован особый лагерь № 6 или Речной лагерь. Его силами велось промышленное и гражданское строительство, обслуживалось 32 объекта комбината Воркутауголь: добывался уголь на шахтах № 1, 8, 7, 12, 14, 9-11, 40, 6, 29, обслуживались шахтоуправления № 1 и 6, совхоз “Заполярный”, кирпичные заводы № 1 и 2, строилась ТЭЦ-2 (станция Аяч-Яга), добывался гравий и глина и т.д. Численность Речлага определялась в 6 654 чел. в ноябре 1948 г., она выросла до 35 459 чел. в январе 1952 г. и составляла 37 654 чел. в августе 1954 г., когда Речлаг был объединен с Воркутинским ИТЛ [22].

Водораздельный лагерь или особый лагерь № 12 существовал меньше года – с 25.10.1952 по 29.04.1953. Место его дислокации – станция Микунь Печорской железной дороги. Заключенные Водораздельного лагеря (1 162 чел. в марте 1953 г., 728 чел. в мае 1953 г.) занимались лесозаготовками на базе лесных массивов Айкино–Кослан, лесопилением, выработкой шпал, строительством лесовозной ж/д ветки Айкино – Кослан [23].

Перечислить все, что производилось и добывалось жителями ГУЛАГа, практически невозможно. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозексплуатация (16,3%) и топливная промышленность (4,5%). Министр внутренних дел Круглов докладывал Сталину 7 марта 1947 г.: “Заключенными, занятыми на работах МВД в 1947 году было выполнено капитальных работ на 2 474 млн. рублей и произведено товарной продукции (уголь, нефть, лес и др.) на сумму 1 250 млн. рублей в неизменных ценах 1926–1927 гг.” [24]. На территории Республики Коми в период с 1930 по 1956 г. существовало 19 разных лагерей, хозяйственная деятельность которых привела к тому, что республика из лесо-сырьевого придатка превратилась в топливно-энергетическую базу с развитой промышленностью. Программа работ, предписанная Постановлением ЦК ВКП(б), была полностью претворена в жизнь с помощью лагерного метода освоения и колонизации территории, удаленной от центра страны.

Здесь уже был поднят вопрос о вкладе репрессированных в освоение северных территорий. Действительно, вклад ученого и обычного работника зека различен. Но то, что рабочая сила лагерей использовалась большей частью варварски и нерационально – это бесспорно. Конечно, в ГУЛАГе существовал специальный отбор необходимых работников, например, геологов, которых нужно было в первую очередь направить в район нового освоения, других специалистов. Но в большинстве своем проблема квалифицированных специалистов игнорировалась. В те годы репрессиям подверглось огромное количество людей интеллектуального труда. Среди них и геологи, и горные инженеры, и металлурги, и технологи и т.д. Большинство заключенных специалистов окончили советские технические вузы в 1920-х гг., имели опыт строительства и наладки производства. Но их далеко не всегда использовали по назначению. Но так как от лагерного начальства требовали выполнения производственных планов, им иногда приходилось заглядывать в формуляры зеков и искать необходимых специалистов, иногда даже для руководства производственными участками. Участие профессионала в любом деле повышает его результативность. Но лишь 10-15% срока заключения инженеров, плановиков, технологов и бухгалтеров использовали по специальности, да и то не всех. Учет специалистов в лагерях ГУЛАГа стал более систематическим в конце 1930-х гг. А поначалу инженеры “вкалывали” на общих работах. В сводке о наличии заключенных специалистов за 1938 г. приводятся такие данные по Локчимлагу [25]:

Специалисты	Всего	Из них работают по специальности
Работники учета (бухгалтеры, экономисты и др.)	512	319
Машинисты, кочегары, механики	27	7
Десятники	130	68
Строители	709	349
Автотранспортники	195	94
Железнодорожники	36	6
Специалисты по лесному делу	44	15
Врачи	46	29

Как видим, даже тех специалистов, о наличии которых было известно, не использовали по назначению. Кроме того, к специалистам в ГУЛАГе относили далеко не всех заключенных, имеющих специальность, квалификацию и образование. С точки зрения лагерного руководства, к специалистам следовало относить лишь инженеров, техников, бухгалтеров, экономистов, врачей и фельдшеров [26], т.е. тех, кто бы принес пользу непосредственно в лагерном производстве.

Вследствие неудовлетворительных условий содержания даже общие работы были по силам далеко не каждому заключенному. Так в сводках учетно-распределительного отдела ГУЛАГа за 1938 г. отмечается, что в ряду других лагерей самый низкий процент трудового использования наблюдался и в Ухтпечлаге – 59,6% при среднем показателе 70,6%. В 1938 г. процент больных и нетрудоспособных при среднем показателе по ГУЛАГу – 9,2% в Севжелдорлаге был, например, 17% [27].

И все-таки репрессированное население сыграло основную роль в промышленном освоении региона. Если мы обратимся к процентному соотношению заключенных и вольнонаемных в лагерях, то срез даже 1953 г., года начала расформирования лагерей (когда население северных районов пополнилось за счет освободившихся), дает такие цифры. В Печлаге вольнонаемных было не более 6% (причем, эти вольнонаемные были из недавно освободившихся зеков, так называемых колонизованных – так государство закрепляло кадры на севере) [28], в Воркутлаге – 12,4% (вместе с лагерной администрацией и охраной) [29], в Водораздельном лагере – 23% [30]. Нефтегазовая, угольная, радиовая, асфальтитовая отрасли практически полностью обеспечивались рабочей силой исправительно-трудовых лагерей. В лесной промышленности, являющейся традиционной для Коми, 25% продукции создавалось принудительным трудом [31].

Профессор В.И.Коротаев поднял вопрос о необходимости учета чужого опыта, перенесенного на северную землю. Если рассматривать процесс организации промышленного производства, структурирования

лагерных хозяйств в Коми, то не трудно заметить, что здесь была высока доля импровизации чиновников от НКВД (МВД). Просчеты в планировании промышленного и транспортного строительства, в планировании производства и снабжения были столь частым явлением, что были предметом постоянных обсуждений. Один из руководящих сотрудников центрального аппарата ГУЛАГа в августе 1938 г. восклицал: “С Ухтой мы пришли просто к краху!”, “...в самих лагпунктах Ухтпечлага была невозможная антисанитария, вшивость, людей голодом морили, перебрасывали без всякого основания, на это летели миллионы советских денег” [32]. Материалы общих и закрытых партийных собраний ГУЛАГа, на которых рядовые и руководящие сотрудники центрального аппарата ГУЛАГа высказывали свое мнение о хозяйственной деятельности своего ведомства, красноречиво дополняют картину лагерной экономики. “Успехами ГУЛАГ не может похвастаться, особенно, по лесу. При тех затратах, которые мы сделали, мы могли бы иметь больше. Наши лагеря организовывались без системы, некоторые капитальные здания построены на болоте, их теперь переносят” (апрель, 1938 г.). “На Ухте вредительство – в планировании и в строительстве” (июнь, 1938 г.). “Вы знаете, что работа северных лагерей была и остается по сегодняшний день буквально парализована в результате срыва завоза прошлого года. С продовольствием у нас в этих лагерях исключительно тяжелое положение. Это привело к тому, что огромный процент “слабосилки” там имеется, огромный процент категории неработающих, большой процент смертностей, болезней и т.д.” (август, 1938 г.). “Наши гулаговские организации страдают колоссальным перерасходом средств. Отдельные наши лагеря имеют до 40 миллионов рублей перерасхода” (июнь, 1938 г.). Эти цитаты [33] из выступлений гулаговских руководителей свидетельствуют о степени организованности и эффективности лагерной экономики.

О неэффективности лагерного метода освоения территорий [34], как показал пример Республики Коми, свидетельствуют следующие явления:

- Руководство производственным процессом некомпетентными начальниками, и как следствие этого – просчеты в планировании, в снабжении и т.д.

- Игнорирование квалификации, опыта, образования заключенных специалистов, большинство которых использовалось на общих работах.

- Нормированное питание в зависимости от норм выработки, что вело к припискам.

- Отсутствие предварительного создания социальной инфраструктуры и транспортного строительства. Это вело к большим потерям с трудом произведенной продукции.

- Отсутствие предварительных научных исследований также вело к авариям на производстве и в строительстве, к срывам производственных планов.

- Низкий уровень механизации труда в лагерных хозяйствах.
- Крайне тяжелые условия труда и содержания заключенных вели к сокращению трудоспособного контингента, к высокому уровню смертности на отдельных производствах, к общей текучести кадров.
- Общеизвестно, что принуждение в труде не способствует его эффективности.

Мы не можем не говорить о созидательной роли ГУЛАГа в промышленном освоении Севера. Все, что возведено в северных районах коми земли в 1930–1950-е гг. было возведено репрессированным населением, населением лагерей, организованных в результате насильственной миграции. Но когда мы задумываемся о цене созданного, о том бессмысленном расточительстве в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу в других условиях – неизбежно встает вопрос об альтернативах.

Литература и источники

1. Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. – М., 1997. – С. 92-93.
2. Канева А.Н. Ухтпечлаг. 1929-1938 // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. – М., 1991. – С. 331-354.
3. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. – М., 1998. – С. 494.
4. Государственный архив Российской Федерации (см. далее ГАРФ). Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 2740.
5. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Стране помогали... "враги народа" // Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 27.
6. Морозов Н.А. Гулаг в Коми крае. – Сыктывкар, 1997. – С. 149.
7. Иванова Г.М. Указ.соч. – С. 97.
8. Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 314-315; ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 378, л. 110.
9. ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 371; Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 314-315.
10. Иванова Г.М. Указ.соч. – С. 98.
11. Подсчитано нами по данным: ГАРФ. – Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 247, л. 2, 10, 30.
12. Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 499.
13. Там же. – С. 183.
14. Там же. – С. 192-193.
15. Там же. – С. 229-230; ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 173.
16. Иванова Г.М. Указ.соч. – С. 98.
17. Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 380-381.
18. Там же. – С. 225-226.

19. Там же. – С. 387.
20. Там же. – С. 354-355.
21. Там же. – С. 324-325; ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 1312, л. 176.
22. Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 367-368; ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 218, л. 288.
23. Система исправительно-трудовых лагерей... – С. 187-188.
24. Иванова Г.М. Указ.соч. – С. 99; ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 1312, л. 189.
25. ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, ч. 1, д. 1138, л. 61.
26. Там же. Л. 26.
27. Там же. Д. 1139, л. 192, 242.
28. Подсчитано нами по данным: ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 189, лл. 281, 283.
29. Там же. Д. 191, л. 203.
30. Там же. Д. 176, л. 206, 211.
31. Лесная промышленность Коми АССР 1917-1960 гг.: Сб. документов. – Сыктывкар, 1989. – С. 73.
32. Иванова Г.М. Указ.соч. – С. 106-107.
33. Там же. – С. 104-106.
34. См. Максимова Л.А. Лагеря и индустриальное освоение Севера (на примере Республики Коми) // Вестник Сыктывкарского университета; Серия 8: История, филология, философия. Вып.2. – Сыктывкар, 1977. – С. 70-80.

Н.П.Безносова, И.Л.Жеребцов
(Сыктывкар)

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

По состоянию на 1 января 1941 г. численность населения республики – коренное население и спецпереселенцы, без лагерного контингента – составляла 342, 1 тыс. человек.

С первых дней войны началась массовая мобилизация в действующую армию мужского населения. Уже в первые месяцы войны из колхозов было призвано в действующую армию 10 тыс. чел, или 40% мужчин трудоспособного возраста [11, с. 160]. Всего за годы войны через военкоматы республики было призвано в вооруженные силы свыше 170 тыс. чел., в том числе и из мест заключения [4, т. 1, с. 11]. Из общего числа ушедших на войну безвозвратные потери (погибшие и без вести пропавшие) составили свыше 60 тыс. чел. [4, т. 6, с. 13]. Однако понятно, что данные о прямых людских потерях будут уточняться, поскольку в ходе многолетней работы по увековечению памяти защитников Родины не удалось установить фронтовую судьбу более 77 тыс. чел., призванных в армию преимущественно

военкоматами Кожвинского, Усть-Усинского, Железнодорожного и Ухтинского районов, т.е. с территории "архипелага ГУЛАГа" [4, т. 8, с. 1060].

Основные тенденции изменений количественных показателей населения республики в годы войны представлены в таблице.

Таблица

Динамика численности населения Республики Коми
в 1941-1945 гг. (на начало года) [12, с. 57]

Год	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	Всего	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1941	342,1	38,0	304,1	11,1	88,9
1942	380,3	58,5	321,8	15,4	84,6
1943	283,9	46,4	237,5	16,3	83,7
1944	292,5	77,3	215,2	26,4	73,6
1945	277,2	76,8	200,4	27,7	72,3

Обращают на себя внимание и требуют корректировки данные о численности населения на 1 января 1942 г. Получается, что несмотря на массовую воинскую мобилизацию, в течение 1941 г. общая численность населения возросла на 38,2 тыс. чел., или на 11,2 % (горожан – на 53,9%, сельских жителей – на 5,8%). Встречный миграционный поток, безусловно, компенсировал отток мужской части населения в армию. Однако столь существенный прирост, видимо, стоит отнести на счет погрешностей текущей статистики, продолжавшей в первый военный год учитывать отсутствующее население, как наличное – этот факт официально признавался самими органами статистики. Подтверждением являются списки единовременного учета сельского населения, где указана суммарная численность наличного сельского населения на 1 января 1942 г. – 247,5 тыс. чел. (снижение за год на 18,6%) [7, д. 1024, л. 1]. В дальнейшем, когда отчетные цифры отражали фактически наличное население, они, на наш взгляд, стали ближе к реальной численности населения на конкретную дату статистического учета.

По данным органов государственной статистики на 1 января 1945 г. численность наличного населения республики составила 277,2 тыс. чел., из них городского – 76,8 тыс., сельского – 200,4 тыс. Таким образом, в итоге естественного и механического движения населения его численность в Коми АССР с 1 января 1941 по 1 января 1945 г. сократилась на 64,9 тыс. чел., или на 19,0%. За этот период городское население увеличилось в 2 раза, сельское – уменьшилось на 34,1%. Изменилось соотношение городского и сельского населения. Если до войны доля горожан составляла 11,1%, а сельчан – 88,9%, то к ее концу – соответственно 27,7 и 72,3%.

В течение всех лет войны шел стабильный рост численности городского населения республики (имевшее в 1943 г. место сокращения городского населения объясняется сокращением населения г. Сыктывкара в связи с эвакуацией Карело-Финского университета, переселением польского контингента и очередной массовой мобилизацией в армию в ноябре 1943 г. [7, д.1030, л. 18]). Форсированное развитие предприятий сырьедобывающих отраслей промышленности и лесного комплекса обусловило появление новых городов и рабочих поселков, как за счет административного повышения статуса уже существовавших сел и рабочих поселков, так и за счет освоения ранее незаселенных мест. Если в 1941 г. к числу городских поселений относились город Сыктывкар и четыре рабочих поселка (Нювчим, Железнодорожный, Ухта и Воркута), то в 1945 г. насчитывалось уже три города, 11 рабочих поселков. В октябре 1941 г. был ликвидирован Печорский административный округ, и все районы округа перешли в непосредственное подчинение республиканским (АССР) органам власти. 26 ноября 1943 г. рабочий поселок Воркута получил статус города республиканского подчинения, 20 ноября 1943 г. рабочий поселок Ухта – статус города районного подчинения. За годы войны на карте республики появились восемь новых поселков городского типа с общей численностью населения около 30 тыс. чел. – Канин Нос (дата образования – 19 июля 1942 г.), Вожаель (27 ноября 1942 г.), Абезь (24 декабря 1943 г.), Печора (24 декабря 1943 г.), Инта (16 марта 1944 г.), Ижма, нынешний Сосногорск (15 июня 1944 г.), Ярега (16 марта 1944 г.), Водный (16 марта 1944 г.). 16 марта 1944 г. к категории рабочих поселков вновь отнесен Кажим, лишенный этого статуса в конце 30-х гг. Кроме того, в мае 1943 г. Безбожниковский сельсовет с населением свыше 2 тыс. чел. был передан в Мурашинский район Кировской области [7, д. 1020, л.17-53; д. 1030, л. 19-21].

Численность жителей всех городских поселений выросла за 1941–1945 гг. на 38,8 тыс. и составила к началу 1945 г. 76,8 тыс. чел. Причем увеличение численности горожан произошло исключительно за счет вновь образованных городов и поселков, поскольку численность населения Сыктывкара осталась практически на довоенном уровне. К концу 1945 г. городское население возросло до 90,0 тыс. чел. В Сыктывкаре проживало 23,6 тыс., Воркуте с поселками – 23,1 тыс., Ухте – 8,3 тыс., рабочих поселках Канин – 1,9 тыс., Инта – 1,9 тыс., Абезь – 3,6 тыс., Печора – 3,0 тыс., Ижма – 4,4 тыс., Ярега – 4,5 тыс. (данные 1946 г.), Железнодорожный – 8,7 тыс., Вожаель – 4,1 тыс., Нювчим – 1,2 тыс., Кажим – 0,8 тыс. [8, д. 38, 40].

Снижение численности населения республики в военные годы произошло за счет значительного сокращения численности сельского населения. Сельское население, составлявшее в начале войны почти 90% населения республики, вынесло на своих плечах основные тяготы войны. С 1942 г. и до окончания войны в селе происходил процесс депопуляции. За 1941–1945 гг. сельское население уменьшилась на 103,7 тыс. чел. Самыми

тяжелыми для деревни стали 1942–1943 гг., в течение которых произошло резкое падение численности населения. 1942 г. отмечен самым высоким уровнем смертности сельского населения (44,1 на 1000 чел.), 1943 г. – самым низким уровнем рождаемости (13,7 на 1000 чел.), который оставался почти без изменения до самого окончания войны [12, с. 58–59].

Среди причин ускоренного сокращения численности сельских жителей, кроме массовой мобилизации мужчин (армия почти на 70% состояла из сельских жителей) и отрицательного естественного прироста, немаловажную роль играл механический отток сельского населения в города. По расчетам исследователя О.М.Вербицкой в целом по России не менее одной трети общего числа выбывших за период войны из колхозов трудоспособных работников перебралось в город [6, с. 277]. Снижение численности населения наблюдалось повсеместно, кроме Железнодорожного, Кожвинского и Ухтинского районов, т.е. тех местностей, где концентрировался спецконтингент НКВД. Более других сократилось население в Усть-Цилемском (на 43,6%), Летском (34,5%), Ижемском (35,5%), Корткеросском (33,1%), Усть-Куломском (30,4%), Сторожевском (30,2%) районах [8, д. 15, 39].

В подавляющем большинстве сельскими жителями были представители коренного этноса республики – коми (по данным переписи 1939 г. – 73,6%). Поэтому можно говорить о том, что именно коми деревня понесла наиболее ощутимый урон в годы войны. Почти поголовная мобилизация сельского мужского населения призывного возраста на военную службу поставила коми деревню на грань демографической катастрофы. Начавшаяся в годы войны депопуляция коми села предопределила все послевоенное развитие деревни. Довоенную численность сельского населения удалось восстановить только к середине 1950-х гг.

Индустриальная база республики приобрела в условиях военного времени стратегическое значение для страны. Между тем промышленность Коми АССР, и без того обладавшая ограниченными местными трудовыми ресурсами, с началом воинской мобилизации стала испытывать острый дефицит рабочей силы. Только в лесозаготовительной, деревообрабатывающей и местной промышленности потребность в рабочих, служащих и специалистах составляла в начале войны свыше 26 тыс. чел. [9, д. 66]. Для реализации возложенных на республику планов ее руководство предпринимало чрезвычайные меры по обеспечению добывающих и лесозаготовительных предприятий, строительных объектов и транспорта рабочей силой. В эти отрасли мобилизовывалось местное и эвакуированное население. Но поскольку численность эвакуированных граждан оказалась значительно ниже ожидавшейся, проблема дефицита рабочей силы решалась в дальнейшем путем отправки в республику новых партий спецконтингента НКВД – спецпереселенцев и заключенных.

К спецпереселенцам, размещенным на территории республики в 1930-е гг., состоявшим в основном из раскулаченных крестьян южных и центральных областей России, в первой половине 1940-х гг. стали прибавляться лица, высланные по своей принадлежности к той или иной национальности. В числе депортированных преобладали немцы и поляки. По данным историка В.Земскова, на 1 апреля 1941 г. в Коми АССР на учете спецкомендатур состояло 36264 спецпереселенца. Из них контингент "бывшие кулаки" – 17492 чел. (5339 семей) и 18772 чел. – "польские осадники", т.е. переселенцы из Польши, получившие в 1920–1930-е гг. земли в Западной Украине и Западной Белоруссии (9954) и "польские беженцы", т.е. беженцы из оккупированной Германией Польши (8818). После вхождения в состав СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии по постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 4 декабря 1939 г. "польские осадники и беженцы" были депортированы в Сибирь, Казахстан и на Европейский Север [2, с.3-17].

Контингент "польские осадники и беженцы" был многонациональным по своему составу. Среди "осадников" преобладали поляки, было также много белорусов и украинцев, среди "беженцев" подавляющее большинство составляли евреи. "Польский контингент" расселяли в Железнодорожном, Сыктывдинском, Усть-Вымском, Усть-Куломском, Корткеросском, Летском, Прилузском районах, поселке ЛДК г. Сыктывкара. В ведение треста "Комилес" было передано 4 тыс. семей, треста "Вычегдалес" – 1,9 тыс. семей. Как указывалось в документах "вся рабочая сила поставлялась на лесозаготовки: "беженцы" на условиях постоянного кадра лесных рабочих, "осадники" – на положении трудпереселенцев" [9, д. 21, 53].

В июне-июле 1941 г., в результате проводившейся органами НКВД "операции по очистке приграничных территорий страны от ненадежного элемента", в республику прибыли эшелоны ссыльнопоселенцев из Литвы (1549 чел.), Белоруссии (1205 чел.), Молдавии (352 чел.) [1, с. 87]. К началу 1942 г. численность спецпереселенцев всех категорий, размещенных на территории республики, достигла 56 тыс. чел. [10, т. 4, ч. 2, с. 241]. В течение 1942–1943 гг. их численность резко сокращается, и к концу 1943 г. на учете республиканских спецкомендатур остается 15859 чел. [3, с.19-21]. Это объясняется: 1) высокой смертностью, вызванной тяжелейшими условиями жизни этой категории населения; 2) переброской спецконтингента за пределы республики; 3) призывом спецпереселенцев в армию (при этом предусматривалось снятие со спецучета не только призванных в Красную Армию, но и прямых членов их семей (жен, детей).

До 1942 г. призыв трудпоселенцев в армию был запрещен, и они оказались как бы забронированными от мобилизации, что, как отмечалось в донесениях НКВД, "вызывало нездоровые настроения у окружающего трудпоселки колхозного населения" [6, с. 295]. С апреля 1942 г., в связи с тяжелым положением на фронте, трудпоселенцев категории "бывшие

кулаки" стали призывать на военную службу на общих основаниях, за исключением тех, которые к моменту выселения были главами семей. С апреля по ноябрь 1942 г. из спецпоселков Коми АССР было призвано в армию 2589 чел. Всего же за годы войны, по оценкам исследователя В. Копытина, из республики было мобилизовано в действующую армию до 23 тыс. чел. – из "польского контингента" (на их основе формировались две польские армии под командованием Андерса и Берлинга) и из "бывших кулаков" [10, т. 4, ч. 2, с. 251] Удельный вес призванных в армию трудпоселенцев из Коми АССР был намного выше среднего по стране, так как они были заняты в аграрном секторе и на лесозаготовках и подлежали мобилизации в первую очередь, в отличие от трудпоселенцев Урала и Сибири, работавших на промышленных объектах и имевших бронь [7, с. 299].

Весной-летом 1944 г. происходило повторное переселение "польского контингента". В ответ на просьбу Союза польских патриотов о переселении поляков, и, в первую очередь, семей военнослужащих Польской народной армии, в районы с более благоприятным климатом, вышло постановление Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 г., по которому разрешалось переселить бывших польских граждан в южные районы страны. Переселению подлежали только лица, находившиеся на спецпоселении. Оно не коснулось поляков, заключенных в лагеря и колонии. Всего из Коми АССР в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края предстояло переселить 7 582 чел. Против этого выступило руководство Коми АССР. Так, в апреле 1944 г. правительство республики обращалось в Москву с просьбой о "закреплении" поляков в республике до окончания войны или оказании помощи в "завозе рабочей силы", так как "вывоз поляков отрицательно повлияет на выполнение планов сплавными, лесозаготовительными организациями и предприятиями местной промышленности" [9, д. 160].

К концу войны поток спецпереселенцев в республику увеличился, и их численность вновь начала расти. Теперь в составе спецпереселенцев преобладали немцы, украинцы, белорусы, представители народов Балтии. В 1944 г. на территории республики были размещены 3188 членов семей "оуновцев" (1324 семьи). Сами "оуновцы" – члены организации украинских националистов – находились в лагерях и колониях. К немцам, размещенным в 30-е гг. на территории республики еще в составе "кулацкой ссылки", прибавились немцы-репатрианты. Их расселяли в лесных поселках, на станциях по линии Северо-Печорской железной дороги, в Ухтокомбинате. В 1946 г. (более ранних данных нет) в Коми АССР насчитывалось 12393 немца-переселенца (4146 семей) [1, с. 90].

По состоянию на 1 января 1945 г. в Коми АССР числилось на учете 19052 спецпереселенца (4723 мужчин, 7944 женщин, 6385 детей). Из них: бывших кулаков – 13 977, "оуновцев" – 3 175, спецпоселенцев ссыльных из

Прибалтики – 1001 и др. К октябрю 1945 г. общая численность спецпереселенцев в республике достигла 23 112 чел. (8857 семей), в том числе 4883 мужчин, 9 907 женщин, 8322 детей [1, с. 87, 90].

Численность заключенных в различных публикациях определяется по-разному [5, с. 180-181; 12, с. 165], что связано как с состоянием источниковой базы, не содержащей достаточно точных данных по всем лагерям, так и с тем, что подразделения некоторых лагерей располагались не только на территории Коми АССР, но и за ее пределами. По нашей оценке, перед войной на территории Коми республики находилось 130-150 тыс. заключенных. В начале войны почти половина расположенных в европейской части СССР лагерей была эвакуирована вглубь страны. Немалая часть содержащихся в них людей оказалась в Коми АССР, и на рубеже 1941–1942 г. здесь было уже 200-220 тыс. заключенных. Первыми из мест заключения начали амнистировать или оправдывать и призывать в армию осужденных по бытовым статьям (на срок не более 5 лет) и военнослужащих, осужденных за пребывание в плену. Позднее стали освобождать и направлять в армию и политических заключенных. В 1942 г. из лагерей на фронт направили более 12 тыс. чел. Всего за годы войны из мест заключения было призвано в армию до 100 тыс. чел. [4, т.1, с. 11; 13, с. 166]. В результате этого в 1943–1944 гг. численность заключенных на территории республики сократилась и составила, по нашей оценке, около 130 тыс. на рубеже 1942–1943 гг., около 100 тыс. – на рубеже 1943–1944 гг. В конце войны поток осужденных, прибывавших в республику, вновь усилился. Отток заключенных из республики еще продолжался, но стал уступать притоку. Так, в Воркутлаг в 1944 г. прибыли 22286 чел. (11781 заключенный и 10505 каторжан), убыли – 9094 чел. (7131 заключенный и 1963 каторжанина). В итоге на рубеже 1944–1945 гг. здесь в лагерях находилось около 130 тыс. чел. (примерно треть всего населения Коми АССР), а в конце 1945 г. – около 200 тыс. чел. [5, с. 32-188; 13, с. 165].

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 01-06-96028.

Литература и источники

1. Бугай Н.Ф. Конец 30-х – 40-е гг. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. – Сыктывкар, 1991. – С. 84-97. (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми науч. центра УрО АН СССР; Вып. 52).
2. Земсков В.Н. Спецпереселенцы // Социс, 1990. – № 11. – С. 3-17.
3. Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс, 1992. – № 2. – С. 3-25.
4. Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1993-2002. – Т. 1-9.
5. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар, 1997. – 189 с.

6. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940-1959 гг. – М., 2001. – 414 с.

7. НА РК. Ф. р. 140, оп. 2, д. 1020, 1023, 1024, 1030.

8. НА РК. Ф. р. 140, оп. 5, д. 15, 38-40, 44.

9. НА РК. Ф. р. 605, оп. 4, д. 21, 53, 66, 67, 93, 160.

10. Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 1997–2001. – Т. 1-4.

11. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918-1970. – М., 1974.

12. Республика Коми: К 50-летию победы в Великой Отечественной войне. – Сыктывкар, 1995.

13. Турубанов А.Н. Вклад работников подневольного труда в развитие лесного комплекса Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны). – Сыктывкар, 1995. – С. 163-167.

А.Н.Турубанов
(Сыктывкар)

О МЕТОДАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КОМИ В 1920-1980-е ГОДЫ XX ВЕКА

Этот сюжет в историографии Коми практически не освещен, хотя и отдельные факты, цифры в литературе уже приводились. В первую очередь, надо говорить об обобщающих трудах по истории Республики Коми [1], монографиях и статьях отдельных исследователей практически по всему исследуемому нами периоду [2]. И еще одно замечание по имеющейся литературе. На наш взгляд, среди этой литературы выделяется коллективная монография “Промышленные рабочие Коми АССР. 1918-1970 гг.”, где системно показаны основные методы вовлечения рабочей силы Коми края в промышленное производство на уровне исторических представлений тех лет.

Источниковой базой нашего сообщения послужили архивные документы как опубликованного, так и неопубликованного характера. В работе использованы документы официального происхождения – это переписка местных органов с центром по вопросам комплектования предприятий истроек Коми АССР рабочей силой, использованы данные (после соответствующего анализа), опубликованные в статистических сборниках, в статьях и монографиях советского и постсоветского периодов.

Итак, мы считаем, что методы комплектования кадров во многих случаях совпадают с формами пополнения состава рабочих коллективов.

Мы выделяем основные ненасильственные формы комплектования кадров, как прием работников непосредственно предприятиями, оргнабор, общественный призыв и система профтехобразования. А такие формы привлечения людей в общественное производство, как принудительное переселение, ссылка, депортация, интернирование, трудмобилизованные и, конечно же, заключенные системы НКВД (МВД) СССР относятся к насильственным (внеэкономическим) методам. Исходя из этой классификации методов привлечения рабочей силы, мы попытаемся раскрыть этот вопрос на материалах Коми АССР 1920–1980-х гг. XX в.

Исходя из анализа материалов по этому сюжету, мы считаем, что в первое десятилетие исследуемого периода в Коми АО происходила консолидация рабочих кадров^{*} ценовых предприятий, а основная отрасль края, лесная промышленность, как была так и осталась сезонным производством сельских тружеников автономной области, т.е. рабочая сила на лесозаготовки поступала по вольному найму. Численность работников, занятых в лесной промышленности Коми АО, росла. Если в сезон 1924/25 г. на лесозаготовке принимали участие 20,5 тыс. чел. сезонных работников, то через два года – уже 26,0 тыс., еще через два года – 39 тыс. чел. Кроме того, на сплавных работах ежегодно было занято от 10 до 12 тыс. крестьян-сезонников.

Вместе с тем возможности обеспечения растущих потребностей народного хозяйства области, особенно новостроек и предприятий лесной промышленности, местной рабочей силой были весьма ограниченными. Вот поэтому формы комплектования рабочих кадров Коми АО стали специфическими. Наряду с местными крестьянами, которые поступали на предприятия и организации области по вольному найму, значительная часть людей прибыла в Коми не по своей воле. Здесь мы имеем ввиду в первую очередь людей так называемой “кулацкой ссылки” – это репрессированное крестьянство центральных и южных областей нашей страны. Первая крупная группа отправленных в “кулацкую ссылку” людей в количестве 5 тыс. семей прибыла в Коми область в начале 1930 г. В дальнейшем число высланных в Коми край значительно возросло и на начало 1931 г. в области было уже более 40 тыс. чел. (с членами семей).

Другим каналом комплектования кадров работающих Коми АО стала лагерная система страны. Заключенными системы ГУЛАГа НКВД в конце 1920-х гг. началось строительство железнодорожной ветки Пинюг – Усть-Сысольск, автодороги Усть-Вымь – Ухта, началось освоение Ухтинского

^{*} Процесс консолидации не сводился только к количественному росту, к собиранию распыленных во время войны и разрухи кадров и специалистов. Большое значение имело формирование национальных кадров, приобщение их к индустриальному производству, привлечение их в общественно-политическую жизнь области.

нефтяного месторождения. Численность работающих на этих стройках к лету 1930 г. достигла 23 тыс. чел., из них 15 тыс. чел. – на железнодорожном строительстве.

На территории Коми АО в 1930-е гг. наблюдалось переплетение разных методов привлечения людей в индустриальное производство. Наибольшее количество людей на предприятия и стройки Коми АО (с 1936 г. – Коми АССР) поступали по линии НКВД СССР – это заключенные, спецпереселенцы, интернированные, а также сезонники-колхозники, которые на основе договоров с промышленными предприятиями и коллективными хозяйствами края были заняты в зимний период на лесосечных и весной на сплавных работах.

По нашим данным, на начало 1932 г. более 66 тыс. чел. системы ГУЛАГа, были заняты на многочисленных предприятиях и стройках Коми АО. К началу 1941 г. это число увеличилось до 300 тыс. чел. В составе трудоспособных работников этой категории занятых в общественном производстве в начале 1930-х гг. заключенные составляли примерно 40%, ссыльные и административно-высланные – 28%, остальные спецпереселенцы (“бывшие кулаки” по терминологии тех лет). Ситуация изменилась к началу 1941 г. Доля заключенных в составе работников подневольного труда в Коми АССР возросла и составила 80%. В составе занятых большой удельный вес (более 10%) падал на граждан польского происхождения, которые были направлены на территорию Коми АССР в основном в 1940 г. – это “осадники” и беженцы, а также интернированные польские военнослужащие. По сведениям М.Б.Рогачева, Н.А.Морозова и других исследователей, из различных подразделений лагерной системы НКВД СССР, дислоцированных на территории Коми АССР, в годы Великой Отечественной войны были освобождены около 32,5 тыс. польских граждан, и за пределы республики выехали 20,8 тыс. чел. (сведения на 11 декабря 1942 г.), которые на основе Указа Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. “Об амнистии польских граждан” не только поехали добровольцами в польские армии Андерса и Берлинга, но и весной 1944 г. были вывезены из Коми АССР в южные районы страны. Абсолютное большинство польских граждан категории осадники и беженцы были заняты в лесной промышленности, а интернированные польские военнослужащие – в основном на строительных объектах. Так, например, в сентябре 1940 г. в поселок Чибью 4 стройотделение Севжелдорлага прибыли 7754 чел., которые до августа 1941 г. были заняты на строительстве промышленных и гражданских объектов Ухтинского района.

В годы Великой Отечественной войны методы вовлечения рабочих в индустриальные отрасли хозяйства Коми АССР также менялись. На основании Указов Президиума Верховного Совета ССР, а также местных органов власти значительное количество новых рабочих рук предприятия и стройки Коми АССР получали за счет мобилизованных жителей респуб-

лики. Так, например, в 1942 г. в лес было направлено около 10 тыс. чел., из них более 9,8 тыс. — из сельской местности. За этот же год на сплаве работали 6,5 тыс. чел., из них 1,5 тыс. чел. — это жители города Сыктывкара. В последующие годы это число мобилизованных на сезонные работы промышленности практически сохранялось (в 1944 г. в лесную промышленность было мобилизовано 12714 чел. местных жителей), в значительной мере за счет нарушений существующего законодательства о мобилизации граждан на промышленное производство и капитальное строительство. В докладной записке Госплана Коми АССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР "Об обеспечении народного хозяйства Коми АССР материально-техническими ресурсами и рабочей силой" (середина 1944 г.) отмечалось, что "мобилизация сезонников за последние годы проходила с прямым нарушением Закона о мобилизации — выводили в лес 14-ти летних подростков, стариков старше 55 лет, женщин старше 50 лет и домашних хозяйек с малолетними детьми и личным домашним скотом".

Другим важным каналом комплектования рабочих коллективов предприятий и строек Коми АССР стали трудмобилизованные из других областей и республик страны — это были главным образом советские немцы. Основные группы этой категории работающих стали поступать в распоряжение крупнейших строек и предприятий республики в марте 1942 г., в начале из состава спецпереселенцев-немцев, проживающих в спецпоселках Коми АССР, а потом уже из других регионов страны. К сожалению, мы не можем назвать точные цифры о численности трудмобилизованных в Коми АССР за 1942 и 1943 гг., но по последующим годам есть данные по важнейшим производствам республики. Так, в 1944 г. на предприятиях Ухты и Воркуты, а также Севжелдорлага работали более 18 тыс. трудмобилизованных, а в 1945 г. — около 16 тыс. чел. В некоторых производственных коллективах доля этой категории работающих составляла до 20% всех рабочих и служащих, соответственно снижался удельный вес заключенных.

Большой удельный вес в составе рабочих и служащих составляли лица, освобожденные из лагерей Коми АССР. В конце 1941 г. (ноябрь-месяц) Коми обком ВКП(б) обращался в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой о закреплении на предприятиях и стройках Коми АССР освобожденных из лагерей республики квалифицированных работников, в том числе и осужденных по политическим статьям. 16 декабря 1941 г. бюро Коми обкома ВКП(б) приняло специальное решение "Об использовании людей, освобождающихся из лагерей НКВД". В этом постановлении бюро рекомендовало СНК Коми АССР возложить на постоянную комиссию оргнабора рабочей силы при СНК республики всю работу по вербовке рабочей силы из числа бывших заключенных. На наш взгляд, эти рекомендации в целом успешно реализовывались. Среди вольнонаемных железнодорожников Северо-

Печорского лагеря более 66% всех рабочих и служащих имели в прошлом судимость, из них более 20% – по политическим статьям.

Еще один пример по рассматриваемому сюжету из годового бухгалтерского отчета Воркутлага за 1944 г. (сведения на 1 января 1945 г.): в списочном составе этой организации числилось 29953 заключенных, 9036 каторжан, 6631 мобилизованный немец, 10223 вольнонаемных работника (большая часть вольнонаемных рабочих и служащих состояла из освобожденных заключенных, не имевших права выезда из Воркуты или “закрепленных за лагерями как предприятиями оборонного значения” по терминологии документов тех лет).

В послевоенный период формы комплектования трудовых коллективов изменились, хотя в первое послевоенное пятнадцатилетие рецидивы старого еще сохранились. Достаточно сказать, что на запросы директивных органов Коми АССР в Центр о дополнительном завозе рабочей силы в республику снова были направлены крупные партии заключенных (только за 1946 г. среднесписочный состав этой категории работников возрос на 66 тыс. чел., а к 1949 г. достиг максимальной цифры – 250 тыс.) и спецпереселенцев и в их составе высланные из Украины, прибалтийских республик, а также власовцы и немцы-репатрианты). Численный состав всех категорий спецпереселенцев на 1 января 1949 г. снова достиг 31,3 тыс. чел. Вместе с тем доля сезонников, сельских жителей Коми АССР, в основном в лесной промышленности, оставалась еще значительной. По нашим данным, наибольшее число сезонников в послевоенные годы было в марте 1946 г. – более 15 тыс. чел., в декабре 1950 г. в лесу работали около 14,5 тыс. колхозников (без данных треста “Вычегдасплав”). Последующие годы наблюдался резкий спад этого метода вовлечения местного населения в индустриальное производство Коми АССР.

Набор рабочей силы самими предприятиями и стройками Коми АССР претерпел также изменения. Во-первых, приток рабочей силы из сельских жителей на предприятия промышленности и транспорта, на стройки республики резко сократился. С 1953 по 1958 г. число колхозников, отпущенных по оргнабору на постоянную работы в промышленность, составило всего лишь 1318 чел. Дело осложнялось тем, что местные советские, хозяйственные органы препятствовали переходу колхозников в постоянный кадр предприятий и организаций республики. Об этом же констатировалось в постановлении Совета Министров Коми АССР (от 18 августа 1949 г.) “Об обеспечении выполнения плана организованного набора рабочих для предприятий лесной и бумажной промышленности”. В этом решении Совета Министров Коми АССР указывалось, что план оргнабора рабочих в постоянные кадры лесозаготовительных предприятий Коми АССР находится под угрозой срыва: по состоянию на 2 августа 1949 г. был заключен только 601 трудовой договор при годовом плане набора 1400 чел. Совет Министров республики запретил райисполкомам, сельсоветам и прав-

лениям колхозов препятствовать переходу колхозников в постоянные кадры лесозаготовительных предприятий Коми АССР, а также выезду из колхозов членов их семей, переезжающих к главе семьи. Во-вторых, несколько иное положение было в леспромхозах треста "Печорлес", функционировавших, в основном, в северных районах республики, где в составе рабочих был очень высок удельный вес спецпереселенцев и бывших заключенных системы МВД СССР. Трудности в комплектовании рабочих кадров здесь заключались еще и в том, как об этом в апреле 1947 г. писал заместитель управляющего трестом "Печорлес" Г.К.Костин, что "органы МВД передают (имеется в виду на предприятия лесного комплекса Коми АССР) в основном контингент либо ограниченный к труду, либо вообще не годный, тем самым снижается производительность труда". Далее заместитель управляющего трестом обращался в Коми обком ВКП(б) с просьбой "разрешить вербовку в постоянный кадр из числа местного населения по каждому району в отдельности". Данный материал показывает, что имеющиеся в наличии кадры (план набора постоянных кадров по тресту "Печорлес" был перевыполнен: вместо 6,5 тыс. чел. по плану на 1 апреля 1947 г. в наличии имелось 6719 чел.) и состояние набора новых работников не полностью удовлетворяли потребности производства.

Формы привлечения рабочей силы на предприятиях топливного комплекса Коми АССР, а также железнодорожного транспорта и строительных организаций отличались от общероссийских и общесоюзных тем, что за 1946-1955 гг. в общественное производство были вовлечены большие группы бывших заключенных и спецпереселенцев. Этому в значительной степени способствовала "хрущевская оттепель", связанная с постепенным освобождением из лагерей Коми АССР не только политических заключенных, но и значительной степени спецпереселенцев. Однако этот процесс затянулся. Многие решения органов власти отличались половинчатостью, стремлением не подвергать ни малейшей критике проводившуюся ранее политику спецпереселений и депортаций. Согласно этих решений снятие людей с учета спецпоселений не дало им права возвращаться в места, откуда они были выселены. (В 1957 г. калмыки, балкары, карачаевцы, чеченцы и члены их семей получили право возвращаться в места прежнего жительства).

Все это способствовало тому, что предприятия и стройки Коми АССР получили возможность компенсировать убыль работников и развернуть работу по комплектации кадров постоянных рабочих и специалистов за счет организованного набора, а также приема на месте (как уже указывалось выше, в значительной части за счет освобожденных из мест заключения и бывших спецпереселенцев) и общественного призыва (в основном, демобилизованных воинов Советской Армии).

Особый размах оргнабор приобрел в 50-е гг. По имеющимся сведениям, в лесную промышленность в 1951 г. по оргнабору прибыло 9 тыс. чел., за

1954–1955 г. – еще 22,4 тыс. чел., а выбыло за это же время 20,4 тыс. чел., из них значительным был удельный вес выбывших до окончания срока договора. Еще ряд цифр за вторую половину 1950-х гг. За 1956–1958 гг. в Коми АССР прибыло 125 тыс. чел., из них более половины поступили на предприятия угольной промышленности (свыше 65 тыс. чел.) и примерно одна треть – в лесные поселки (по нашим подсчетам, за 1956–1960 гг. лесозаготовительные предприятия Коми АССР приняли на работу по оргнабору около 60 тыс. рабочих).

Динамика роста приема работников на месте также была не постоянной. Например, в 1955 г. в комбинатах “Воркутауголь” и “Интауголь” доля рабочих, принятых самими предприятиями, составила 52,5%, а за 1956–1958 гг. на шахты Воркуты и Инты были приняты всего 58 тыс. чел., т.е. – меньше, чем по оргнабору. Несколько иная картина наблюдалась в лесной промышленности. На предприятиях лесного комплекса Коми АССР доля принятых на месте не превышала 45–48% (сведения за 1956–1960 гг.), хотя и в 1960 г. этот показатель достиг уже 60%.

Общественный призыв молодежи на предприятия и стройки Коми АССР, как один из каналов пополнения постоянных кадров работников республики, способствовал созданию ядра многих рабочих коллективов. Только за 1956–1957 гг. в Печорский угольный бассейн прибыли 15 тыс. демобилизованных солдат и матросов, а на строительство вторых путей Печорской железной дороги – около 3,3 тыс. юношей и девушек. Этот канал пополнения кадров рабочих и служащих получил наибольшее развитие в последующие десятилетия, а именно в 1960–1980-е гг.

Методы привлечения рабочей силы в индустриальное производство Коми АССР в 1960–1980-е гг. несколько упростились. Основной формой комплектования промышленных и транспортных предприятий, строительных организаций республики явился прием работников непосредственно на месте (вольный наем). При этом надо отметить, что доля принятых индивидуально неуклонно растет. Если в годы семилетки сами предприятия принимали от 45 до 89% в зависимости от отдельных отраслей, то за 1965–1985 гг. – уже от 73 до 90% (сведения только по промышленным предприятиям). Плановый набор рабочих предприятиями позволял в значительной степени комплектовать производство нужными квалифицированными кадрами.

Соотношение других форм пополнения состава рабочего класса Коми АССР, таких как оргнабор и общественный призыв комсомольцев и молодежи (в значительной мере на новостройки республики) также изменилось. Если в годы семилетки доля оргнабора была еще значительна (особенно в лесной промышленности), то в годы восьмой и девятой пятилеток прослеживается явная тенденция к снижению данной формы пополнения кадров. Некоторые отрасли промышленности, такие как угольная, уже к концу восьмой пятилетки отказались от оргнабора. Число

же принятых по общественному призыву повышалось и за 1966–1970 гг. составило 8-10% (совместно с оргнабором) от общего количества всех принятых на работу. По нашим подсчетам за 1963–1985 гг. только на ударные стройки Коми АССР поступило 16 тыс. молодых добровольцев.

Интересны, на наш взгляд, сведения о формах комплектования кадров по отдельным отраслям хозяйства республики. В составе принятых на предприятия объединения “Комилеспром” (сведения за 13 лет – с 1960 по 1972 г.) доля принятых на месте составила 60%, оргнабора – 25%, а в строительных подразделениях Сыктывкарского ЛПК – соответственно 44% и 15% (сведения за 9 лет – с 1962 по 1970 г.).

Среди форм комплектования производственных коллективов Коми АССР выделяется такой канал пополнения кадров, как система профтехобразования республики. В нашем распоряжении имеются сведения с 1941 г. Так вот, за 50 лет из этой системы на предприятия и стройки Коми АССР поступили более 250 тыс. молодых рабочих, из них более 90% – за последние 30 лет, т.е. система профтехобразования республики стала важной формой комплектования рабочей силой индустриальных отраслей Коми АССР.

Итак, нами проанализированы основные формы пополнения состава рабочего класса Коми АССР. Вышеприведенный материал показывает, что наряду с ненасильственными методами привлечения рабочей силы в различные отрасли народного хозяйства Коми АССР применялись и внеэкономические методы. Наиболее четко внеэкономические методы вовлечения рабочей силы наблюдались в 1930-е – I половине 1950-х гг. Таким образом, методы привлечения рабочей силы на индустриальное производство Республики Коми в 1920-1980-е гг. XX в. были весьма неоднозначными.

Литература и источники

1. Очерки по истории Коми АССР. Т.2. – Сыктывкар, 1962; Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар, 1964; Промышленные рабочие Коми АССР. 1918-1970 гг. – М., 1974; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / Изд. 2-е. – Сыктывкар, 1981; Очерки истории Коми областной организации КПСС / Изд-е 2-е, доп. и перераб. – Сыктывкар, 1987 и др.

2. Дегтев В.С. К вопросу о формировании индустриальных кадров Коми АССР в годы четвертой пятилетки // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. – Сыктывкар, 1970. (Историко-филологический сборник; Вып. 12); Турубанов А.Н. Рабочий класс Коми АССР в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. – М.: Наука, 1981; Александров А.Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 1985; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956 гг. – Сыктывкар, 1997; Игнатова Н.М. Горькие судьбы // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. и др.

ЛАГЕРНЫЙ МЕТОД ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Республика Коми находится на северо-западе России. Ее площадь составляет 415,9 тыс. кв. км. Поверхность – холмистая равнина, на востоке – западные склоны Урала; с юго-востока на северо-запад – Тиманский кряж; на севере и северо-востоке – многолетняя мерзлота.

Бурное экономическое развитие региона началось в годы советской власти. В дореволюционный период, при проведении отдельных экспедиций, преимущественно географического и этнографического планов, были получены отрывочные сведения о наличии отдельных угольных и нефтяных проявлений в бассейне р. Печора. Но из-за большой удаленности и суровых климатических условий царское правительство отказалось от разработки печорских углей и нефти.

Планомерные геологические исследования были начаты в 1924 г. в среднем течении р. Печора и бассейнах рек Косью и Адзьвы. Уже в первые два года были найдены угольные пласты в бассейнах рек Нечи, Кожима, Большой Инты, что позволило профессору А.А.Чернову, возглавлявшему экспедицию в 1926 г., высказать предположение о более широком развитии угленосности к северу от этих районов где возможно обнаружение коксующихся углей. Прогноз А.А.Чернова был в 1930 г. подтвержден Г.А.Черновым, который обнаружил на реке Воркута выходы пластов высококачественных коксующихся углей. Это принципиально изменило отношение к Печорскому краю и явилось основой к резкому усилению геологоразведочных работ по его освоению, так как основным стимулом хозяйственного освоения территорий Севера СССР являлось использование его природных богатств для индустриального прогресса.

К наиболее сложным экономическим проблемам, специфическим для зоны Севера, относится проблема выбора путей освоения. Следует учесть, что любое хозяйственное мероприятие, проводимое в зоне Севера, связано со значительным удорожанием по сравнению с мероприятием, осуществляемым в уже освоенном районе. Поэтому от выбора первоначального варианта экономического развития во многом зависит общий объем затрат в последующие годы.

При обсуждении способов освоения северных территорий выдвигались два основных пути: колонизационный и вахтовый. Сложность выбора состояла еще и в том, что Россия являлась пионером в освоении северных территорий. На тот период времени мировая практика подобного рода отсутствовала. Опыт приходилось нарабатывать и на это не могло не сказаться влияние тоталитарного режима. В 1929 г. по инициативе наркомов

юстиции, внутренних дел и заместителя Председателя ОГПУ Ягоды принимается решение о создании системы концлагерей "для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств". Это отвечало финансовому положению страны, кроме того, решало задачу "перевоспитания врагов народа" трудом на пользу общества. Колонизация при помощи системы концлагерей предполагало значительно снизить объем финансовых затрат, за счет использования заключенных как самой дешевой рабочей силы. Иными словами, руководство сделало ставку на новый лагерьный метод освоения территории. Лагерь должен был стать в будущем одной из основных единиц экономического развития региона.

В 1929 г. Управление Северных лагерей особого назначения (УСевЛОН) Объединенного государственного политического управления направило на реку Ухта комплексную геологоразведочную экспедицию. В связи со спецификой геологоразведочных работ в состав экспедиции входили разные люди: политзаключенные, раскулаченные крестьяне, уголовники; около 20 специалистов-инженеров, геологов, техников, химиков и других. Всего 125 человек, но уже в 1931 г. их насчитывается 1982 чел.

За три года Ухтинская экспедиция охватила геологическими и поисковыми работами всю территорию восточной части Северного края от истоков реки Ижмы до Ледовитого Океана. Кроме угольных и нефтяных проявлений были выявлены газовые и радиевые.

В июне 1931 г. на базе этой экспедиции был организован Ухто-Печорский лагерь (Ухтпечлаг) с отделениями и промыслами (Печорское и Воркутинское отделения, промысел № 1 – Чибыю, промысел № 2 – Водный, промысел № 3 – Ярега, промысел № 4 – Седель и т.д.). А в ноябре 1932 г. ЦК ВКП(б) принял Постановление "Об организации Ухто-Печорского треста". Ухто-Печорский трест стал "легальным лицом" Ухтпечлага.

В практике освоения северных территорий стало системой создание при лагерях специализированных комбинатов, трестов, заводов. Руководителями предприятий являлись одновременно начальники лагерей.

Первые этапы заключенных столкнулись с проблемами, присущими для неосвоенных земель. Отсутствовала система экономической инфраструктуры, транспортной сети, снабжения продуктами и техникой.

Несмотря на это, уже в период геолого-разведки сверху спускали планы промышленной добычи. Постановлением ВСНХ от 20.04.1931 г. был утвержден план добычи угля на Воркуте – 9 тысяч тонн. На Чибыюском месторождении предполагалось довести добычу нефти до 10-15 тысяч тонн. К 1937 г. добыча радия должна была составить около 100 грамм.

Вслед за увеличением объема работ прибывали новые этапы заключенных. В документе, подписанном заместителем комиссара внутренних дел СССР старшим майором Госбезопасности Жуковским, приводятся такие цифры: "Контингент Ухтпечлага составлял в 1936 году 22 тысячи

человек, в конце 1937 года – 58 тысяч человек, план (!) второго полугодия 1938 года – 88 тысяч человек”. Количество заключенных тоже шло по плану, они были таким же материальным ресурсом, как цемент, гвозди, кирпич. И как все планы – часто не выполнялись. В хозяйстве ГУЛАГа постоянно ощущался недостаток рабочей силы категорий А – физически крепких рабочих и излишки по группам В и С (больных и неработающих по другим причинам). Здоровье многих было подорвано многодневным этапом. До места добирались через тайгу и в холода через 2-3 месяца. Людей окончательно выводила из строя непосильная работа на стройках, в шахтах, на лесоповале. Из-за большого количества воды в шахтах и забоях были велики потребности в кожаной и резиновой обуви. Не обеспечивался даже минимум потребности в спецодежде для очередной вахты, которая приходила для работы в шахту. При смене обувь передавали друг другу. Заключенные полностью зависели от нормированного казенного питания.

Как было уже отмечено выше, в состав заключенных входили “спецы”. Для выполнения программы геологоразведочных работ были привлечены видные специалисты: геологи А.А.Аносов, Н.Н.Инкин. Многие из них были ученые с мировым именем – Н.Н.Тихонович, П.И.Полевой, Г.Л.Стадников, Г.А.Разуваев. Условия быта высококвалифицированных специалистов были более сносными, чем простых заключенных: они получали определенные льготы в виде улучшения питания и жилищных условий, возможности вызвать семью для совместного проживания, и иногда – досрочное освобождение.

Следует отметить, что творческий потенциал далеко не всех специалистов использовался. Например, заключенные особых лагерей не могли работать по специальности, если только они не были медиками по образованию.

И.И.Жеребцова
(Сыктывкар)

ЯКОВ МОРОЗ ВО ГЛАВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УХТПЕЧАЛАГА

Яков Моисеевич Мороз. К 1929 г. он уже имел за плечами полную впечатлений жизнь: красногвардеец, следователь ВЧК, чекист в системе ОГПУ г. Баку; был награжден двумя орденами Красного Знамени. Однако в феврале 1929 г. все коренным образом изменилось. За превышение власти он был арестован и направлен в Коми край в составе Печорской экспедиции. Второго ноября 1929 г. Я.М. Мороз стал начальником этой экспедиции,

сменив С.Ф.Сидорова, занимавшего этот пост с 21 августа 1929 г. и не справившегося с правительственным заданием [1].

К тому времени члены первой экспедиции уже провели ряд геолого-топографических исследований, запустили небольшой керосиновый завод, установили телефонную связь с Усть-Ухтой. Заготавливался лес для строительства продовольственного склада, были построены два барака, кухня, пекарня и баня. Рабочий день длился 12 часов [2]. Это был уже какой-то прогресс по сравнению с той картиной, которую увидели первопоселенцы: две избы и одинокая вышка посреди болот и тайги. Штат лагеря на время вступления в должность Мороза насчитывал несколько сотен заключенных и охранников.

Практически с первых дней своего назначения Я.М.Мороз принялся выполнять непосредственные обязанности. И уже 16 ноября была закончена бурением первая структурная скважина [3]. В это время в бурение вводились только-только смонтированные 3 крелиусных станка; несмотря на наступившие холода рабочий день оставался 12-часовым. В итоге, согласно отчетам Ухтпечлага [4] в 1929 г. было разведано 125 кв. км.

Одной из многих проблем, с которыми практически сразу столкнулся Я.М.Мороз, был катастрофический уровень неграмотности заключенных, что подрывало один из главнейших принципов успешной хозяйственной деятельности, базирующейся на квалифицированности производительных сил. Неграмотными или, в лучшем случае, малограмотными были большинство заключенных. Понимая, что для нормального функционирования экономики лагеря необходимы квалифицированные специалисты или хотя бы просто грамотные люди (в 1931 г. из почти 2000 заключенных было лишь 62 специалиста и 288 рабочих), Я.М.Мороз постановил учредить ликбез и школу повышенного типа для приобретения элементарной технической квалификации. В преподавательский состав входили видные специалисты: политграмоту преподавал А.Я.Тепер, математику – И.Н.Парчевский, физику – К.В.Эрдели, бурение – Р.А.Зомбе, парокотлы и машины – А.А.Зеленский, двигатель внутреннего сгорания – С.А.Соловьев. Занятия проводились по два часа в день, 24 человека, обучавшихся здесь освобождались от работы на час раньше [5]. Впоследствии этот шаг плодотворно сказался на экономических успехах предприятий Я.М.Мороза, стал одним из факторов, благоприятствующих развитию и становлению Ухто-Печорского лагеря.

Благодаря достаточно успешной экономической политике Я.М.Мороза, взявшего максимальный разгон прямо на старте, уже к 1932 г. Ухтпечлаг построил 190 единиц транспортных средств, было завершено по большей части строительство грунтовой дороги Усть-Вымь – Чибыю протяженностью 286 км; в это же время был построен зимник от Чибыю к Вое длиной 320 км, был организован Ухтсовхоз с тремя фермами [6].

Я.М.Мороз не останавливается на достигнутом и продолжает способствовать дальнейшему промышленному освоению Коми края, укрепляя хозяйственные нововведения проведением параллельно с ними и социальной политики. В декабре 1933 г. Я.М.Мороз издает приказ: с первого января 1934 г. приступить к строительству второго рабочего поселка из 40 домов-общежитий, двух кухонь, столовых, пекарни, "одного хорошего клуба", школы десятилетки. "Строительство, — сказано в приказе, — приказываю закончить к первому мая 1934 г." [7]. В качестве наглядного примера результатов социально-хозяйственных предприятий Я.М.Мороза приводится очерк "Город Чибью", написанный в мае 1934 г. мастером сатиры П.М. Губенко, больше известным как Остап Вишня, который в то время отбывал срок в Ухтпечлаге. Не лишнее определенной доли субъективизма произведение все же достаточно интересно в качестве свидетельства современника, отражающего атмосферу и обстановку в Ухто-Печорском лагере.

"В 1934 г. Чибью и Промысел № 1 оформляются в настоящий культурный город. Растет лес нефтяных вышек, в 1934 году их построено 48, строится восемь бараков при буровых, появляется новая электростанция, ремонтно-механический завод пополняется литейным и сварочным цехом, строится большая казарма для ВОХРа, четырнадцать больших домов для вольнонаемных и колонизированных, новая кухня-столовая, школа I и II ступени, клуб-театр на 600 мест, с большой оборудованной сценой, вырастает целый большой на 40 отдельных домов рабочий городок..., разбивается большой парк культуры и отдыха с летним театром, эстрадами, беседками. Проводится десять километров водопровода, пять километров канализации, тротуары, на протяжении шести километров асфальтируются улицы, дороги..." [8].

В январе 1935 г. в Архангельске проходил III съезд Советов Северного края, на котором выступил с докладом о деятельности Ухто-Печорского треста Я.М.Мороз: "наряду с разведкой и добычей ископаемых трест проделал большую работу в области промышленно-заводского, жилищно-коммунального, лечебно-культурного строительства. Основной разворот работ начался с 1932 года. За этот период построено 1125 различных зданий, 511 километров дорог, заготовлено 854 тысячи кубометров строевого и крепежного леса. Удалось доказать, что в приполярных районах возможно созревание сельскохозяйственных культур. Создано 4 совхоза, общее стадо крупного рогатого и мелкого скота, свиней, оленей, лошадей составляет более 10 тысяч голов. С помощью профтехобразования и бригадного ученичества подготовлено более 5 тысяч специалистов. Создан первый в Северном крае горный техникум. Выпускается 5 печатных газет, работает 97 школ ликбеза и школ малограмотных" [9].

Таким образом, чуть менее чем за шесть лет Я.М.Мороз, имея первоначально несколько сотен по большей части неграмотных заключенных,

населяющих лагерь барачного типа, образованный еще первой печорской экспедицией, смог создать грандиозный по своим масштабам и сложности функционирования организм под названием Ухтпечлаг.

В данных обстоятельствах нельзя не упомянуть и еще об одном факторе, сыгравшем далеко не последнюю роль в становлении Ухтпечлага как огромной хозяйственной империи. Я.М.Мороз на свой страх и риск покровительствовал заключенным-специалистам. Благодаря стараниям Я.М.Мороза они получали возможность работать непосредственно по своей специальности, а не бесславно гибнуть на общих работах. Здесь следует назвать следующие имена: Н.Н.Инкин, П.И.Полевой, Н.Н.Тихонович, Ю.К.Максимович, К.Г.Войновский-Кригер и другие ведущие нефтяники и угольщики страны, арестованные в 1929 г. и приговоренные каждый к 10 годам отбывания в лагерях особого назначения (Н.Н.Тихонович был даже приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу, который впоследствии был заменен также 10 годами лишения свободы). Несмотря на первоначальное их определение в различные уголки страны – в Казахстан, на Сахалин, на Соловки – затем последовали новые назначения: Ю.К.Максимович становится главным инженером Ухтпечлага; Н.Н.Тихонович – главным геологом; П.И.Полевой – старшим геологом Усинского отделения; К.Г.Войновский-Кригер – руководителем работ на открытом им месторождении Ыджыд Кырта на Средней Печоре; Н.Н.Инкин – руководителем работ на Воркуте. Инженеров-технологов Р.Л.Зомбе, И.М.Таумина и др. немедленно определяли инженерами по бурению. Землемеры С.П.Жемчужин, А.И.Бонч-Осмоловский, В.К.Литвинов и горный инженер А.А.Волошановский вошли в группу топографов. 7 августа 1931 г. “за добросовестную ударную работу” инженеры Р.Л.Зомбе, И.И.Гинсбург, П.М.Лаптев, И.Л.Таумин и А.Д.Десятов освобождены из-под стражи и зачислены в штат вольнонаемных” [10]. Выдвигается версия, что назначения эти последовали именно благодаря стараниям Я.М.Мороза.

Благодаря реляции Я.М.Мороза на Ю.К.Максимовича, последний был освобожден от срока, а затем награжден именными золотыми часами, а также назначен главным инженером реорганизованного Ухтпечлага и редактором издававшегося в Чибью журнала “Недра Севера” [11].

Трудно переоценить вклад в изучение Тимано-Печорского региона Н.Н.Тихоновича, который возглавил геологическую службу и уже в 1930 г. заложил первую структурную скважину. Н.Н.Тихонович был назначен администрацией лагеря ответственным за проведение геологоразведочных работ, так как для оценки перспектив разработки месторождений необходимо было установить геологическое строение и геотектоническое развитие этих регионов, определить месторождения полезных ископаемых, особенности их образования, подсчитать их запасы. Н.Н.Тихонович составил первую геологическую карту Тимано-Печорского региона.

В дополнение к вышесказанному нельзя не упомянуть одной немаловажной детали: сам Я.М.Мороз имел "низшее образование", а именно, за его плечами было несколько лет обучения в еврейской начальной школе. Этот факт позволяет по-новому взглянуть на успехи проводимых Я.М.Морозом предприятий: человек, практически не имеющий образования в короткий срок смог построить одну из величайших империй ГУЛАГа, огромный хозяйственный механизм. Вероятнее всего, секрет успеха заключался в постоянном желании обучаться новому и в том рвении, с которым Я.М.Мороз приступал к выполнению тех или иных планов.

Вышеизложенные факты рисуют картину промышленного освоения Тимано-Печорского региона в благоприятном свете; море хозяйственных достижений даже заставляет забыть о том, что Ухтпечлаг – это прежде всего то место, в котором пересеклись тысячи несчастных судеб и искалеченных жизней. Поэтому необходимо, дабы не отойти от реалий времени, добавить в композицию больше черной краски.

Ведь есть и другая сторона медали: освоение природных богатств Коми края стоило не одной сотни жизней. Об этом, к примеру, свидетельствует описание бурения первой скважины, данное Н.Н.Инкиным: "Первую скважину для вскрытия угольного пласта начали бурить летом 1931 г. Чтобы в вечной мерзлоте проникнуть на глубину 193 м, буровикам пришлось работать более четырех месяцев. Заполярное лето коротко, пришлось бурить и при сильных морозах, когда уже наступила полярная ночь. Тьму пытались разогнать слабым светом факелов, горевших в консервных банках. Обогревать буровую не было никакой возможности. Она насквозь продувалась ветром. Вода в шурфе и штанге замерзала. Жгли костры, но это не помогало. Лошадей не было из-за недостатка корма" [12].

Еще один яркий пример – строительство воркутинского рудника (т.е. первых угольных шахт) [13], начавшееся в 1932 г. Заключенные строители жили в палатках и землянках. Первые этапы почти полностью погибли от голода и из-за отсутствия теплой одежды. Как писал горный инженер Н.Н.Инкин, "суровая зима 1932–33 гг., когда морозы и цинга унесли тысячи. На Воркуте был всего один деревянный барак, могущий вместить 200 человек... С осени работали в тундре семь буровых, а к апрелю за смертью буровиков остановились все буровые, все мои ученики коллекторы умерли тоже, и я остался один..." [14]. Я.М.Мороз после той трагической зимы настаивал вместе с П.И.Полевым на закрытии Воркуты. Однако постановлением Совета Труда и Оборона Ухтпечлаг был реорганизован в громадный Ухто-Печорский трест. А впоследствии правительство решило приступить к постройке железной дороги Котлас–Воркута и к закладке на Воркуте капитальной шахты.

Летом 1933 г. было начато строительство узкоколейной железной дороги от Рудника до устья реки Воркуты протяженностью 64 км в целях ускорения вывоза угля к реке Усе. На строительстве было занято несколько

тысяч заключенных из Обдорского лагеря (Салехард), прибывших сюда по договору с руководством Ухто-Печорского лагеря. Дорога сооружалась в тяжелейших условиях Заполярья. При всем при том, полностью отсутствовал опыт подобного строительства на вечномёрзлых грунтах (только в 1936 г. Комитетом по изучению вечной мерзлоты АН СССР была создана Воркутская научно-исследовательская мерзлотная станция (ВНИМС) на Руднике – первое научно учреждение на севере [15]). “По трассе дороги были организованы шесть лагпунктов – через каждые 10 км. На первом и втором лагпунктах были сколочены из досок некие подобия бараков, на остальных лагпунктах заключенные жили в палатках и землянках. В четырнадцати палатках смогли разместить только 1280 заключенных, в землянках – еще около тысячи. 740 заключенных размещались просто под открытым небом (всего летом 1933 г. на трассе работали 4400 заключенных, первая группа пришла этапом из Обдорска 5 июля, последняя в сентябре. Тяжелые условия труда способствовали росту заболеваний и высокой смертностью. Так, в сентябре 1933 г. на пятом лагпункте до 30% заключенных не могли выходить на трассу по болезни и из-за отсутствия обуви. Обратные этапы в Обдорск были гораздо малочисленнее. В 1934 г. на строительстве были заняты всего 1389 заключенных. Тем не менее, в августе 1934 г. первая в Коми крае железная дорога была построена и сдана в эксплуатацию, по ней пошли первые пять небольших паровозов. Только в 1933 г. на ее строительство ушло 139571 руб. За десять лет по дороге было перевезено 4,6 млн т грузов” [16]. Воркутская железная дорога просуществовала девять лет (1934 – 1942 гг.). Путь в 64 км поезда преодолевали за 8-10 часов. Подвижной состав быстро изнашивался. Практически ежегодно на 5-6 месяцев по причине снежных заносов дорога выходила из строя [17].

В сентябре 1936 г. был создан лагпункт на строительстве тракта Чибью-Крутая, куда в том же году прибыло более 900 заключенных. Более чем тяжелая работа (лесоповал, корчевка пней, бездонное болото, которое заключенные засыпали песком и глиной при помощи тачек) очень многим стоила жизни. Условия проживания были не менее ужасны. При выполнении нормы (непомерной) заключенные должны были получать в день килограмм черного хлеба, при невыполнении – 300-400 г. В качестве мяса была лишь солонина, да и та чаще всего заменялась рыбой, которой тогда еще были богаты реки. Из овощей заключенные получали турнепс, совсем редко – кислую капусту. Ни сливочного, ни растительного масла, ни молочных продуктов заключенным не полагалось. Здесь же, на строительстве тракта, был занят и отбывающий срок по 58 статье знаменитый иммунолог, профессор медицины П.Ф.Здоровский, в учетной карточке которого было записано: “использовать только на общих подконвойных работах” [18].

Подобная ситуация сохранялась и на других участках Ухтпечлага. К примеру, ежедневный рацион хлеба при выполнении всех норм на остальных работах состоял из 600–800 г. В ежедневный рацион буровиков

входило лишь 75 г крупы и 11 г жира, остальные рабочие получали 60 г крупы и 8 г жира [19].

А в 1936 г. за хорошее руководство строительством, перевыполнение плана строительных работ Я.М.Мороз был награжден орденом Трудового Красного Знамени... [20].

Вышеперечисленные примеры выявляют двойственность оценки хозяйственной деятельности Я.М.Мороза на посту начальника Ухтпечлага. С одной стороны – это поражающие своей величиной цифры, которые, однако, неполноценно освещают итоги деятельности Мороза, освещая лишь количественные показатели. За цифры давали награды. С другой же стороны, факты рисуют качественность исполнения проводимых Я.М.Морозом предприятий. И качество это никак не соотносится с цифрами, более того, в основном, оно прямо им противоположно. Но почему-то за качество с Мороза не спрашивал никто... До поры, до времени.

26 августа 1938 г. на собрании партийного архива лагеря одобрен приказ НКВД о снятии с работы и предании суду начальника Ухтпечлага Я.М.Мороза и главного инженера Ю.К.Максимовича. Наряду с “преступной безхозяйственностью” Я.М.Морозу было вписано и более страшное обвинение: “пособничество врагам народа”...

С 1930 по 1937 г. в тайге проработали 134 геологических и 168 топографических партий Ухтпечлага. Пробурено 847 скважин, вскрыто три нефтяных, одно газовое месторождение. Организованы и частично введены в эксплуатацию четыре промысла, два угольных и асфальтитовый рудник. Добыто 135 тыс. т нефти, 470 тыс. т угля, выявлены запасы асфальтитов 100 тыс. т и добыто 950 тыс. т. Лагерные владения простирались от Белого моря до Обдорска (Салехард) на нижней Оби, от Котласа до арктических островов: экспедиции Ухтпечлага работали на Колгуеве и Новой земле [21].

Литература и источники

1. Смоленцев Л. Яков Мороз. Палач или жертва? // Молодежь Севера. – 1989. – 12 марта. – С. 3.
2. Канева А.Н. УхтПечлаг. 1929-1938 // Звенья. – М., 1991. – С. 335.
3. Там же. – С. 336.
4. Там же. – С. 346.
5. Там же. – С. 337.
6. Там же. – С. 348.
7. Ухтпечлаг // Молодежь Севера. Указ. изд.
8. Канева А.Н. Указ. соч. – С. 347.
9. Кочурин Н.Н. Уроки покорения Севера. – М., 1998. – С. 122.
10. Ухтпечлаг. Указ. изд.
11. Смоленцев Л. Указ.соч. – С. 3.
12. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Стране помогали... “враги народа” // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 21.

13. Смоленцев Л. Указ. соч. – С. 3.
14. Там же.
15. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Указ. соч. – С. 25.
16. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956. – Сыктывкар, 1997. – С. 25.
17. Морозов Н.А. Указ. соч. – С. 26.
18. Канева А.Н. Указ. соч. – С. 348.
19. Канева А.Н. Указ. соч. – С. 348.
20. Кочурин Н.Н. Указ. соч. – С. 123.
21. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Указ. соч. – С. 27.

В.О.Светопольская
(Сыктывкар)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИТЛ КОМИ АССР (1946-1955 гг.)

Среди причин, оказывающих существенное влияние на производительность труда заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, наряду с отсутствием необходимой рабочей специализации, недостатками в организации труда, назывались и такие как неблагоприятные условия жизни и быта, проблема оплаты труда заключенных.

Более всего ощущался острый недостаток жилой площади. Заключенные селились в каркасно-засыпные, сборно-щитовые, бревенчатые бараки, товарные вагоны, землянки, относящиеся к категории временного жилья. Однако, ссылаясь на нехватку средств, руководители производственных подразделений не стремились изменить ситуацию к лучшему, временное жилье по сути становилось постоянным. Жилые помещения, ввиду отсутствия строительных материалов, спешки, вводились в эксплуатацию без приема комиссий, в результате чего недостроенные и неблагоустроенные здания заселялись жильцами. В среднем на каждого заключенного по временным нормам разрешалось иметь от 1,5 кв. м до 3 кв.м (в сравнении: для вольнонаемного рабочего норма составляла 9 кв.м). Это пространство и являлось закрепленным за ним местом сна и отдыха.

Каждый заключенный обеспечивался комплектом постельных принадлежностей. В бараках имелась скудная мебель (столы, табуреты), умывальники и бочки для питьевой воды. Отапливались помещения при помощи печей-буржук. Отчетные документы пестрят сообщениями о постоянных комплексных санитарных обработках жилых помещений, однако вследствие скученности заселения осужденных, отсутствия нормальных бытовых условий невозможно было избежать распространения инфекционных, простудных заболеваний.

Во второй половине рассматриваемого периода политика в отношении размещения заключенных меняется, поскольку важнейшей задачей становится проблема закрепления рабочих кадров на предприятиях республики, необходимо было обеспечить жильем освобождающихся из лагерей. Однако ограниченные ассигнования не позволяли предприятиям и подразделениям вести новое строительство, комбинаты вынуждены были приспособлять помещения лагерей для заселения освобождающихся рабочих. Некоторые из них были вынуждены жить в подвалах и на чердаках жилых домов, ночевать на складах производственных подразделений, в гаражах, на железнодорожных вокзалах.

Разрешение жилищных проблем и улучшение бытовых условий использовались в качестве поощрения и стимулирования производительности труда заключенных. При перевыполнении планов осужденные, наряду с вольнонаемными, имели право на первоочередное заселение, отдельное жилище и т. д. В основном же, практиковалось использование "моральных стимулов". В документах архивов по всему периоду встречаются сведения об организации трудовых соревнований среди заключенных, о их участии в разработке и внедрении рационализаторских предложений. Например, во втором полугодии 1948 г. в Центральное БРИЗ комбината "Интауголь" поступило 34 рацпредложения, из которых 24 были реализованы и принесли более 100 тыс. руб. экономии [1]. "За высокие производственные показатели, достигнутые в трудовом соревновании, за перевыполнение норм выработок, отличное поведение в быту" передовикам объявлялись благодарности, присваивались звания "Отличная авангардная бригада", "Отличник производства", вручались переходящие знамена. Так же к мерам поощрения относились: краткосрочные отпуска (иногда с правом выезда домой), выдача одежды, обуви, продпосылок. Достаточно редко выдавались денежные вознаграждения.

Наиболее эффективным средством повышения производительности труда стало введение заработной платы заключенным 29 апреля 1950 г. Должностные оклады вводились с учетом понижающего коэффициента, на 30-50% меньше, чем у вольнонаемных рабочих. [2].

Перевод на заработную плату осуществлялся постепенно, начиная с заключенных, занятых на основных производствах, затем тех, кто работал во вспомогательных службах и так называемая хозлагодслуга. Размер заработной платы определялся, в первую очередь, видом производства и уровнем квалификации рабочего. Дело в том, что основные производственные процессы в угольной, нефтяной, газо-сажевой отраслях в течение первого послевоенного десятилетия были полностью механизированы, здесь были заняты наиболее высококвалифицированные рабочие кадры. В Речлаге, где заключенные стали получать заработную плату с января 1952 г., средняя оплата труда шахтера- заключенного составляла 600 руб. в месяц, зарплата строителей была гораздо ниже — от 250 до 300 руб. [3]. Кроме

того, существенное влияние оказывал и такой фактор как выполнение производственных планов. "Ударники", "передовики производства" получали в два, а то и в три раза больше. Конкретный пример, из общего количества работающих в Речлаге в 1953 г. получало на руки:

- до 75 руб. – 2855 человек;
- от 75 до 100 руб. – 2956 человек;
- от 100 до 150 руб. – 6922 человек;
- от 150 до 200 руб. – 6549 человек;
- от 200 до 300 руб. – 5495 человек;
- от 300 до 500 руб. – 2892 человек;
- от 500 до 750 руб. – 413 человек;
- от 750 до 1000 руб. – 95 человек;
- свыше 1000 руб. – 34 человек [4].

Не все заработанные средства выдавались заключенным на руки, большая часть из них шла на содержание лагерного хозяйства: питание, вещевое довольствие и т.д.

Средняя заработная плата одного работающего заключенного в месяц по Речлагу за 1953 г. [5]

	Начислено	К выдаче на руки
На производстве	430 руб. 55 коп.	213 руб. 20 коп.
На строительстве	346 руб. 56 коп.	152 руб. 10 коп.
В подсобном хозяйстве лагеря	353 руб. 10 коп.	161 руб. 00 коп.
Хозобслуга	353 руб. 34 коп.	157 руб. 83 коп.

Со временем повысилась заработная плата у заключенных, проживающих за зоной лагеря (за зону были выведены осужденные, отбывшие не менее 1/3 срока наказания и проявившие себя положительно в поведении и отношении к работе). Так, в 1954 г. особенно заметно возросла оплата труда заключенных комбината "Воркутуголь", проживающих за зоной – с 350-470 до 1040 руб. [6].

Введение заработной платы заключенным имело целью решение одной из основных задач послевоенного развития республики – проблема укрепления рабочей силы на предприятиях региона. Кроме того, на шахтах ПУБ проводились следующие мероприятия:

1) распространение на лиц, освобождающихся из ИТЛ ПУБ, следующих выплат: безвозвратного единовременного денежного пособия; ссуды на хозобзаведение; ссуды на индивидуальное строительство; стоимости проезда членов семьи к месту работы главы семьи;

2) зачет в стаж времени работы осужденных в ИТЛ на должностях и работах, дающих право на получение всех льгот и преимуществ, действующих в комбинатах "Воркутоуголь", "Интауголь" ПУБ;

3) распространение на комбинаты "Воркутоуголь" и "Интауголь" ПУБ системы оплаты труда и схемы должностных окладов, применяемых в Донецком угольном бассейне, с применением коэффициента 1,5;

4) выделение дополнительных средств для увеличения жилищного и культурно-бытового строительства [7].

Руководители лагерных подразделений в отчетах сообщали, что введение заработной платы заключенным явилось "мощным стимулом для повышения их производительности", фактически были изжиты отказы от работы. Сходной точки зрения придерживались и многие заключенные, хотя нельзя не отметить, что на практике это не всегда соответствовало действительности. Перевод заключенных на зарплату положительно сказался не только на выполнении производственных заданий, но и на стремлении рабочих повышать квалификацию, на укреплении режима.

Литература и источники

1. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 4, д. 382, л. 88.
2. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар, 1997. – С. 87.
3. Там же.
4. КРГА ОПДФ. Ф. 1875, оп. 13, д. 19, л. 84.
5. Там же.
6. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 5, д. 300, л. 95.
7. КРГА ОПДФ. Ф. 1, оп. 5, д. 298, л. 113-114.

О.Г.Гуляев

(с. Усть-Кулом, Республика Коми)

САМОУБИЙСТВА КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПАССИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА

В современной исторической науке исследуются в основном активные формы сопротивления заключенных в лагерях ГУЛАГа, в стороне остаются его пассивные проявления, которые преобладали вплоть до 1950 г., после которого только можно утверждать о преобладании активных форм сопротивления над пассивными. Выделяя самоубийства как особую форму пассивного сопротивления, мы преследовали цель – показать, как возможности защиты жизни, на примере ГУЛАГа, влияют на выбор заключенными крайних форм сопротивления, которые не приемлемы в современном обществе.

При исследовании использовались воспоминания бывших узников сталинских лагерей, как опубликованные, так и неопубликованные, хранящиеся в архиве научно-исследовательского производственного центра "Мемориал" (г. Москва), Коми республиканского архива общественно-политических движений и формирований, а также иные документы из фондов Национального архива РК и Государственного архива РФ. В исследовании также использованы работы М.Блока, Л.Февра, В.Франкла, В.Янкелевича, Л.М.Макаровой, А.Я.Гуревича, Н.А.Морозова и др.

Выделив самоубийства как особую форму пассивного сопротивления в лагерях ГУЛАГа, можно провести общую параллель с концентрационными лагерями национал-социалистов, и, прежде всего это касается отношения заключенных к смерти.

Вести речь о смерти при помощи однозначного толкования ее как физического небытия недостаточно, поскольку это означает сведение жизни только к биологическому существованию, вне социальной значимости человека. В любом историческом периоде понятие жизни человека всегда связано с характеристикой его социального статуса, от которого зачастую зависят возможности защиты жизни. В разных условиях меняется ценность признаков жизни и сама ценность человеческой личности, что отчетливо прослеживается на примере лагерей ГУЛАГа.

Система следствия и суда была построена таким образом, что в большинстве случаев практически всех политических заключенных ввергали в состояние близости смерти. Первоначально в приговоре объявляли высшую меру наказания, потом, обычно через два часа, меру наказания заменяли "на годы лагерей".

Большинство из невинно осужденных по прибытии в лагерь испытывали "шок поступления". В дальнейшем происходило расщепление личности под влиянием деформирования бытия существования (питания, жилищных условий, труда и физического самочувствия). В лагере все ограничивалось удовлетворением сиюминутных, наиболее насущных потребностей. Ребром стоял вопрос выживания: все помыслы заключенного сосредотачивались на одном – пережить сегодняшний день. Происходила трансформация системы ценностей заключенного, которые формируются защитными механизмами против неконтролируемых сил природы, одной из которых является смерть. Смерть была суровой повседневностью. В так называемый "первопроходческий" этап складывания ГУЛАГа (1929–1940 гг.) и в годы войны (1941–1945 гг.) смертность, исходя из официальных отчетов ГУЛАГа, составляла в среднем 12-15% в год от среднесписочного состава заключенных и, заметное снижение происходит только после 1950 г. Практически на всем протяжении истории ГУЛАГа сменяемость лагеконтингента была очень высокой и, в силу специфики исправительно-трудовых лагерей они постоянно пополнялись новыми заключенными за счет умерших.

Заключенный понимал, что жизнь его могла ежесекундно оборваться и без усилий с его стороны. Практическая неспособность повлиять на ход событий приводила к тому, что в лагерной ментальности смерть, сохраняя свое биологическое значение, начинала играть второстепенную роль относительно социального небытия. С уменьшением ценности жизни смерть вторгалась в повседневность, и самовольный уход заключенного из жизни в большинстве случаев воспринимался им как акт сопротивления.

В лагерях ГУЛАГа мы выделили явные и скрытые самоубийства. В первом случае факт самоубийства был очевиден. Но факты явных самоубийств тщательно скрывались, в некоторых случаях информация уничтожалась. Явных самоубийств было немного около 1-1,5% от всех смертей и, в большинстве, их основаниями являлись бытовые причины, поэтому нельзя в полной мере утверждать, что они являлись актами сопротивления.

Основное количество самоубийств, которые можно отнести к формам пассивного сопротивления, носило скрытый характер и в официальной статистике (в актах о смерти) фиксировалось под следующими формулировками:

- Убийство при попытке побега во время конвоирования. (Мемуарные источники свидетельствуют, что данный вид самоубийства был заведомо надежен – симулировавшие побег были полностью уверены, что их застрелит охрана. Тем самым они совершали публичный акт протеста. Кроме того, данный вид самоубийства был самым простым и психологически легким способом, так как в конечном итоге акт убийства совершался со стороны охраны, а не самого заключенного.)

- Убийство при нападении на охрану или лагерную администрацию. (Данный вид самоубийства был также достаточно эффективным и при достижении своей цели – убийства представителя администрации или охраны – являлся активной формой сопротивления.)

- Несчастный случай или производственный травматизм. (Основной целью этого вида самоубийства выступает дезорганизация лагерного производства. Избавляясь от лагерного бытия, заключенные задумываются и о последствиях: подрыв экономического и технического потенциала лагерей.)

- Болезни. (Заключенные, доходя до состояния физического истощения, сознательно отказывались от лечения. Организм истощен, уверенность в смерти становится стопроцентной. Кроме того, степень истощения была такой, что спасти им жизнь уже не было никакой возможности.)

Количество самоубийств напрямую зависело от условий повседневного существования, режима и окружающей действительности, прямо или косвенно влияющих на жизнь заключенных. Всплески самоубийств приходятся на 1938 г. – отмена зачетов рабочих дней, 1941–1945 гг. – директива НКВД №185 “Об отмене освобождения из лагерей вплоть до полной победы над врагом”, 1946–1947 гг. – надежда на освобождение в связи с окончанием

войны и победой окончательно исчезает, и лагеря снова стали пополняться новыми заключенными. Заметное снижение наблюдается только после 1950 г., когда в лагерях ГУЛАГа происходит улучшение условий жизни, а после 1953 г. появляется надежда на освобождение.

Практически все, выбравшие такую форму пассивного сопротивления как самоубийство, являлись политическими заключенными. Среди них преобладали представители интеллигенции, и практически не было крестьян. В военный и послевоенный периоды высокий процент самоубийств был среди прибалтов, поляков и немцев, а также депортированных народов. В послевоенный период число самоубийств достигло апогея среди военнопленных и бывших в плену солдат и офицеров Красной Армии, которых советское правительство сочло "изменниками Родины".

Главная причина самоубийств заключенных в лагерях ГУЛАГа состояла в том, что заключенному было важно умереть "своей", осмысленной смертью, так как он должен давать отчет самому себе о смысле своего существования, который он придает путем раскрытия своих сил, путем продуктивной жизнедеятельности. Таким образом, акт самоубийства совершался заключенным в осознании своего безысходного положения, неспособности изменить ситуацию в лучшую сторону. И здесь самоубийства, в большинстве случаев, были не шагом отчаяния, а именно особой, крайней формой пассивного сопротивления.

Таким образом, самоубийства заключенных, являясь в определенном смысле эпизодическим явлением, несли функцию дезорганизации лагерной жизни и режима, несмотря на то, что в первую очередь они преследовали цель – избавление от лагерного бытия. В этом отношении такая форма пассивного сопротивления достигала своей цели.

Н.А. Кораблев, В. Г. Макуров
(Петрозаводск)

ОСВЕЩЕНИЕ РЕПРЕССИЙ В ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Географически не столь уж отдаленная от центра, но относительно слабозаселенная и не обладавшая развитой промышленностью и транспортно-сетью Карелия издавна имела репутацию "подстоличной Сибири", куда правящие круги России ссылали неугодных и политически неблагонадежных лиц. Известно, что одной из первых ссыльных в крае была мать первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича боярыня Марфа Иоанновна Романова, заточенная в заонежском селе Толвуйа по повелению Бориса Годунова в начале XVII в. В разное время здесь отбывали

ссылку представители декабристского, народнического, рабочего и социал-демократического движения. Особенно широкие масштабы данное явление приняло в 1920-1930-е гг., когда Карельская АССР стала своеобразным испытательным полигоном ГУЛАГа. Естественно, что тема репрессий в той или иной мере не могла не найти отражения в выходивших в разное время сводных работах по истории Карелии [1], о чем и пойдет речь в данном сообщении.

В обобщающих трудах советского периода, по известным идеологическим и цензурным причинам, освещение темы репрессий сводилось почти исключительно к истории дореволюционной политической ссылки XIX – начала XX в. Довольно обстоятельно характеризовалась общественная и просветительская деятельность наиболее известных ссыльных первой половины и середины XIX в. – поэта-декабриста Ф.Н.Глинки, члена Кирилло-Мефодиевского общества, сподвижника Т.Г. Шевченко Г.Л.Андрузского, литератора С.А.Раевского, высланного за распространение стихотворения М.Ю.Лермонтова “На смерть поэта”, участника ранних народнических кружков П.Н.Рыбникова и др. Справедливо подчеркивался их значительный вклад в развитие культуры Карелии, особенно в изучение богатого этнографического и фольклорного наследия края. Вместе с тем недостаточное внимание уделялось народнической ссылке пореформенного периода, хотя ее представители проявляли большую политическую активность и создали несколько нелегальных революционных кружков.

Наиболее подробно освещалось пребывание и деятельность в карельской ссылке представителей рабочего движения и социал-демократов большевиков в начале XX в., среди которых, в частности, были такие видные фигуры как А.П.Скляренко, К.С.Еремеев, М.И.Калинин. Особенно много внимания уделялось пропагандистской работе ссыльных социал-демократов среди населения (причем степень воздействия этой работы на местных жителей явно переоценивалась), и открытым акциям протеста против правящего режима в период первой российской революции 1905–1907 гг. В то же время практически замалчивалась сюжеты, связанные с деятельностью находившихся в ссылке эсеров, меньшевиков и представителей других общественно-политических течений.

Как известно, политические репрессии в России, в том числе в Карелии, приобрели особенно широкий размах в 1920–1930-е гг., в период “развернутого строительства социализма”. По целому ряду причин данные аспекты отечественной истории длительное время не находили адекватного отражения в литературе. Во первых, вплоть до 1990-х гг. практически не допускалась постановка такого рода проблем в плановых, финансируемых исследованиях. Во-вторых, соответствующие документальные материалы, хранящиеся в государственных и ведомственных архивах, были недоступны исследователям.

В последнее десятилетие XX в. ситуация изменилась, в свет вышли сборники документов и материалов, монографические труды, научные и публицистические статьи, подготовленные специалистами-историками, журналистами, краоведами, членами общества “Мемориал”. Рассекречивание документов позволило провести значительную работу по их изданию. Одним из первых вышел сборник документов и материалов по истории раскулачивания карельской деревни [2]. В последующие годы традиция введения в научный оборот новых, ранее засекреченных, документов была продолжена историками Института ЯЛИ Карельского научного центра РАН. В свет вышли сборники по истории ГУЛАГа, деятельности спецорганов, реализации репрессивной политики государства в республике и др [3].

Одновременно готовились и издавались авторские работы, освещающие различные сюжеты, связанные с политическими репрессиями в Карелии в 1920–1950-е гг. Среди них книги бывшего председателя Карельского общества “Мемориал” депутата Государственной думы Российской Федерации И.И.Чухина о строительстве Беломорско-Балтийского канала и о трагических событиях 1937–1938 гг. [4]; сборник очерков “Их называли КР” [5]; монография О.А.Никитиной о коллективизации и раскулачивании в республике [6]; исследование Б.Ф.Детчуева и В.Г.Макурова о преследованиях церкви, священнослужителей и верующих за религиозные убеждения в советское время [7]. Различные аспекты репрессий в Карелии освещаются в ряде статей таких научных сборников, как “Новое в изучении истории Карелии”, “Общественно-политическая история Карелии XX века”, “Исторические судьбы Беломорской Карелии” и др. [8].

Все это позволило представить более общую и полную картину репрессий в Карелии в новом обобщающем коллективном труде по истории Карелии с древнейших времен до наших дней [9], подготовленном совместными усилиями специалистов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета. Прежде всего это относится к освещению событий советской эпохи.

В названной работе прослеживается начало возникновения системы ГУЛАГа на территории республики с момента образования в 1923 г. Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) и разрастание ее до огромных размеров в связи со строительством Беломорско-Балтийского канала в начале 1930-х гг. С завершением строительства и пуском Беломорканала сеть лагерей ОГПУ не закрылась, а в соответствии со специальными постановлениями Совнаркома СССР от 17 августа 1933 г. была преобразована в Беломорско-Балтийский комбинат (ББК), “для дальнейшего экономического подъема Советской Карелии и всего Севера СССР... немедленного приступа к широкой эксплуатации лесных, минерально-рудных, рыбных и прочих природных богатств этого края”. Владения ББК

распространялись по всему Карело-Мурманскому краю от Приладожья и Заонежья до Териберки на Кольском полуострове. В 1930-е гг. более 100 тыс. заключенных и трудпоселенцев постоянно проживали в лагерях и спецпоселках.

В результате репрессивной политики, проводившейся государством в массовых масштабах, узниками ГУЛАГа в Карелии оказались многие известные всей стране и за ее пределами люди: выдающиеся ученые А.Ф.Лосев, П.А.Флоренский и Д.С.Лихачев, крупные общественные деятели и писатели Мир-Якуб Дулатов из Казахстана, Кузубай Герд (К.П.Чайников) из Удмуртии и другие. "Население" ГУЛАГа внесло значительный вклад в освоение необжитых районов республики и вовлечение природных ресурсов в промышленный оборот. Силами заключенных были построены Беломорско-Балтийский канал, Сегежский ЦБК, Пиндушская судовой верфь, Сорокский и Повенецкий порты и др. объекты. К 1940 г. Белбалтлаг давал более 50% заготавливаемого в Карелии леса.

На страницах книги на основе анализа многих фактических данных раскрывается насильственный и антигуманный характер проведения в 1929–1933 гг. сплошной коллективизации карельской деревни, связанный с репрессивной акцией по раскулачиванию и депортации наиболее трудоспособной части местных крестьян, которых постигла трагическая участь вдали от родных мест – на горных разработках на острове Гольцы в Онежском озере, в Хибиных и на Нивастрой в Мурманском крае.

Значительное внимание в работе уделено трагическим событиям 1937–1938 гг., ставших пиком политических репрессий сталинского режима, когда в республике незаконно были расстреляны более 12 тысяч человек. Среди репрессированных оказались руководители республики Э.А.Гюллинг, Г.С.Ровио, Н.В.Архипов, В.Т.Гурьев, А.В.Шотман, П.А.Ирклис, П.И.Бушуев; видные деятели национальной культуры Я.Э.Виртанен, О.Иогансон, Э.Паррас, Р.Нюстрем, Л.Летонмяки. Широкий размах приняла антифинская политика, фактически был запрещен финский литературный язык.

В разделе, посвященном послевоенному периоду, показывается, что сложившаяся в 1930-е гг. политическая система не претерпела сколь-нибудь значительных изменений и репрессии продолжали иметь место в жизни советского общества, хотя и в меньших масштабах. В начале 1949 г. развернулась кампания против космополитизма, сопровождавшаяся чисткой в государственных и партийных органах, в рядах интеллигенции. В марте 1950 г. был арестован в связи с "ленинградским делом" первый секретарь ЦК Компартии республики Г.Н. Куприянов. После его ареста прекратилось начавшееся с февраля 1949 г. переселение финнов-ингерманландцев в Карелию. 1950-е гг. характеризуются противоречивыми процессами освобождения общества от наиболее жестких форм тоталитаризма, что было связано с уходом Сталина с политической арены.

1. Очерки истории Карелии. Т. 1–2. – Петрозаводск, 1957; 1964; История нашего края. – Петрозаводск, 1973; Очерки истории Карельской организации КПСС. – Петрозаводск, 1974; Карелы Карельской АССР. – Петрозаводск, 1983.
2. Из истории раскулачивания в Карелии. Сборник документов и материалов. – Петрозаводск, 1991.
3. Народное хозяйство Карелии. 1926—1941. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1991; ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1992; Советы Карелии. 1917—1992. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1993; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. – Петрозаводск, 1997; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941—1956 гг. – Петрозаводск, 1999.
4. Чухин И. Каналоармейцы. – Петрозаводск, 1990; Чухин И. Карелия–37. Идеология и практика террора. – Петрозаводск, 1999
5. Их называли КР. Репрессии Карелии 20-х–30-х годов. – Петрозаводск, 1992.
6. Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). – Петрозаводск, 1997.
7. Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). – Петрозаводск, 1999.
8. Новое в изучении истории Карелии: Сб. статей. – Петрозаводск, 1994; Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. – Петрозаводск, 1995; Нормы и ценности повседневной жизни в России. 1920–1930-е гг. – СПб., 2000 и др.
9. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001.

Н.И. Сурков
(Сыктывкар)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ – УРОЖЕНЦЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОМИ КРАЕ (II ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В процессе изучения архивных материалов и опубликованных работ исследователей истории Республики Коми выяснилось, что контингент политических ссыльных, уроженцев Орловской губернии, составляет 32 человека. Из этого числа 9 человек указаны в книге профессора Л.П.Рощевской «Очерки истории культуры Яренского уезда. XIX – начало XX вв.» [1]. В общее количество входят восемь ссыльных, места рождения которых в настоящее время не относятся к нынешней Орловской области, а являются составными частями Брянской, Липецкой и Тульской областей.

К ним относятся теперь уроженцы Брянской области (образована в 1944 г.) – И.А.Бельский, В.А.Бельский, Д.М.Кириллов, Н.М.Кириллов, П.Г.Косарев, Н.М.Лукичев; Липецкой (образована в 1954 г.) – Ф.В.Добрин, Н.А.Флексеев; Тульской области – В.И.Марков.

Что касается непосредственно Орловской губернии, то уроженцами города Орла были – О.Х.Ауссем, В.А.Русанов, Н.И.Бажинов, П.А.Домагацкий; Орловского уезда – С.Г.Квасов; Ливенского – Д.И.Денисов; Болховского – А.Д.Кузнецов-Григорьев. Относительно большая группа ссыльных происходила их Малоархангельского уезда, насчитывавшая семь человек – И.М.Беляев, И.А.Купцов, И.И.Мажаров, Н.А.Пахомов, Н.И.Семеничев, Л.А.Титов и С.Е.Шишканов. Кроме того, были восемь ссыльных с общим указанием происхождения из Орловской губернии (в упомянутой выше книге профессора Л.П.Рошевой – О.А.Никифорова, В.П.Рогачева, А.В.Микерин, Т.С.Солопова, М.Д.Синайский, В.И.Степанов, Т.М.Трещяка и Н.И.Тутышкин) [2].

Что касается социального состава ссыльных, то он имел следующий вид: 18 крестьян, 8 мещан, 2 дворянина, 2 почетных гражданина, один – купеческого звания и один человек, происхождение которого не указано.

Среди ссыльных были народники, социал-демократы, эсеры, анархисты и беспартийные.

В состав ссыльных входили три женщины.

Отбывали ссылку противники царского строя в течение нескольких десятилетий. Самый ранний период для указанной группы ссыльных – 70-е гг. XIX в., другие находились в ссылке накануне 1917 г. (трое были в ссылке в XIX в., 29 человек отбывали в XX в.).

Царское самодержавие подвергало ссылке, как отмечено в документах, за преступную агитацию, революционную деятельность, за распространение революционных прокламаций, за принадлежность к Орловской организации РСДРП. Восемь человек были высланы в разгар первой русской революции за аграрные беспорядки – сюда относились отмеченные выше уроженцы Малоархангельского уезда.

Двое ссыльных работали в земских органах. Так, О.Х.Ауссем, состоя на службе в статистике, изложил свои исследования в книге "Обследование крестьянского сельского хозяйства и кустарных промыслов Вологодской губернии", вышедшей в 1903 г. [3].

Большой вклад в изучение Севера внес В.А.Русанов. В конце мая 1901 г. он прибыл в ссылку на два года под гласный надзор полиции. Конечным пунктом ссылки был определен город Усть-Сысольск, где В.А.Русанову удалось устроиться статистиком в Усть-Сысольскую уездную земскую управу.

Архивные документы о работе В.А.Русанова на этой ниве подчеркивают его скрупулезность, стремление добиться объективных сведений об экономическом положении населения Усть-Сысольского уезда в 1902 г. Из

Помоздинской волости он докладывал уездному земству: "Крестьяне скрывают подсеки и это обстоятельство не просто уменьшает потребляемое в отдельных случаях семьи, но уродует самые важные для нас цифры. Опрашиваемый далеко не всегда только умалчивает о высевах и урожае с подсеки, он иногда высева и урожай из подсеки присоединяет к высевам на поле... упорно скрывает урожай с подсеки" [4].

Статистическая работа не могла удовлетворить Русанова. Правда, ею он занимался зимой, а летом должен был выезжать на обследование по всей территории огромного Усть-Сысольского уезда.

В июле 1902 г. В.А. Русанов с А.А. Богдановым отправился в первое путешествие. Из села Помоздино он написал матери и отчиму: "До сих пор приходилось жить в сравнительно культурных условиях – ночевать в деревнях, ездить на лошадях и по дорогам, иметь раз в неделю почту и прочее, теперь всему этому конец. С месяц вы не слышите обо мне ничего, так как по Ижме (приток у реки Печоры) ни дорог, ни каких сношений летом не существует" [5].

Следующее путешествие предпринял с одним рабочим. Из Троицка-Печорска он отправился к устью реки Безволосой. Почти на 70 км поднялись по этой реке, преодолели завалы, тащили лодки волоком. Экспедиции требовали огромных физических усилий. Выручила хорошая физическая подготовка и общее состояние здоровья.

Во время ссылки В.А. Русанов изучал быт местного коми населения, знакомился с их хозяйством, обычаями, фольклором, часто беседовал со старожилами, изучал документы. Собрав богатый фактический материал, он уже в Париже в 1905 г. написал оригинальную монографию "Зыряне". Это исследование получило высокую оценку специалистов.

Спустя несколько лет В.А. Русанов снова вернулся на Север, где последняя его экспедиция закончилась трагически.

Ранее в исследованиях историков о политических ссыльных, их деятельности, поведении, взаимоотношениях с местным населением преобладали позитивные оценки. Но дополнительный анализ архивных документов дает повод усомниться в этом. Наличие ссыльных в населенных пунктах не всегда было благотворным. Они вносили дискомфорт, нарушали привычный ритм жизни местного населения, что приводило к конфликтам. Были примеры неблагоприятного поведения и даже уголовных преступлений.

Так, в июне 1909 г. несколько ссыльных, в их числе были двое уроженцев Орловской губернии – Н.С. Алексеев и И.И. Мажаров, совершили групповое изнасилование крестьянки Коквицкой волости Евдокии Костроминной 48 лет. За это преступление они были этапом отправлены в родные места, где их осудили на 2-4 года каторги [6].

Приведем еще один характерный пример. В феврале 1910 г. группа ссыльных из 4-х человек, явившись в нетрезвом виде в крестьянский дом с.Ертом, где местная молодежь проводила свой досуг, учинила драку. Для

усмирения разбушевавшихся хулиганов вызвали волостного старшину и урядника. Кто-то из ссыльных бросил в толпу местной молодежи длинный стег. Некоторые получили ушибы. Урядник выстрелил в сторону ссыльных, но пуля пролетела мимо [7].

Так что оценивать однозначно поведение и роль ссыльных в освоении Севера не представляется возможным. Но все же о положительном вкладе некоторых политических ссыльных в освоение Севера России, Коми края потомки должны помнить с благодарностью.

Литература и источники

1. Рошевская Л.П. Очерки истории культуры Яренского уезда. XIX – начало XX вв. – Сыктывкар, 2000. – С. 76-127.
2. Там же.
3. Там же. – С. 76.
4. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902 год. – Вологда, 1903. – С. 98.
5. Раевская Т.П. Подгласным надзором полиции. – Сыктывкар, 1974. – С. 20-21.
6. Сурков Н.И. Орловцы – ссыльные в дореволюционном Коми крае // Орловцы в Коми. Вып. 1, – Сыктывкар, 1999. – С. 24.
7. Сурков Н.И. Орловцы – ссыльные в Коми крае // Орловцы в Коми. Вып. 2. – Сыктывкар, 2000. – С. 42.

А.А. Попов
(Сыктывкар)

ИВАН ПАЛАМАРЧУК: ПОЭТ И КАТОРЖАНИН

Это имя пришло ко мне после выхода из печати третьего тома мартиролога “Покаяние”, где к “Хронике” помещена информация о так называемом “деле Паламарчука”. Но вскоре письмо из Воркуты дополнило сведения: Л.Л.Косовский писал о том, что Иван Григорьевич Паламарчук друг его дяди, поэта В.И.Косовского. В лагере Паламарчук вел дневник, писал стихи, за что и был расстрелян...

Так имя И.Г.Паламарчука попало в большой список программы “Слово в ГУЛАГе”. Это материалы о людях, прошедших лагеря на территории Коми АССР, которые были, или стали, писателями и поэтами.

Список этот уже превысил отметку в 200 имен и пополняется достаточно эффективно – по мере моей работы с архивными и другими материалами по ГУЛАГу.

В их числе стоит имя И.Г.Паламарчука, пять стихотворений которого (а он писал на украинском языке) передал мне Л.Л.Косовский.

Стихи не будут звучать здесь, ибо сначала нужно познакомиться с Паламарчуком – человеком и каторжанином.

Итак, “дело Паламарчука”: О чем оно? О ком оно?

Следственное дело в четырех томах хранится в архиве ФСБ в Сыктывкаре. Читая эти сотни листов, я не мог избавиться от мысли, что на всех страницах присутствует неистребимый дух предательства, стукачества и мести, мести власти непокорным...

В декабре 1953 г. четверо из десяти, проходивших по этому делу, были расстреляны. Два месяца ожидания в воркутинской тюрьме не принесло помилования. Жесток ли был приговор?

Все обвиняемые были объединены следствием в повстанческую организацию. Если посмотреть на перечень подобных судебных процессов в лагерях, то можно составить себе представление, как обращался Суд с действительностью, с судьбами людей...

1942 год. Заключенные Гаврилюк и Сологуб обвинены в систематической антисоветской агитации в течение нескольких лет. Война. Суд приговаривает их к расстрелу, но Верховный Суд РСФСР заменил расстрел на десятилетие заключения... В мартирологе “Покаяние” эти имена названы в первых трех томах.

1942 год. Трое обвинены в АСА (антисоветской агитации), один приговорен к расстрелу, который заменен на 10 лет лагерей: Захаренко, Иващенко, Семенов... Они в первом томе мартиролога.

1945-1947 годы. В “Воркутлаге” “раскрыта” подготовка восстания. 14 следственных томов, 17 обвиняемых, двое из которых получили по 10 лет лагерей, остальные – по 8.

1946 год. Националистическая подпольная организация в “Воркутлаге”. Четверо получили по пять лет лагерей.

1951 год. Повстанческая антисоветская организация на Воркуте, состоящая из пяти человек, в числе которых С.С.Щиров, Герой Советского Союза: все они получили по 25 лет лагерей...

А в 1952 году четверо расстреляны... За что?

Кто он, Иван Григорьевич Паламарчук?

Родился в 1911 году в Одесской области. У него остались там, на Украине, два сына Дмитрий и Станислав, 1940 и 1945 годов рождения. В году войны Паламарчук находился на оккупированной территории, в 1943 году выехал в Румынию, убегая от наступавшей Красной Армии. Арестован был в июне 1945 года и получил 20 лет каторжных работ за участие в УПА (украинская повстанческая армия) и за проживание на оккупированной территории.

Срок отбывать попал в “Речлаг” на Воркуте. Арестован был по “делу Паламарчука” в лагоотделении № 1 – это лагерь шахты № 1 “Капитальная”,

где он работал в ОТК, имел в подчинении несколько пробоотборщиков, имел какое-то влияние в лагере. Вот как на допросе 30 января 1952 года сам Паламарчук отвечал на вопросы следователя:

“Я признаю себя виновным в том, что...писал анонимные письма, которые отправлял за пределы названного выше лагеря... Анонимные письма я писал с марта 1950 года по сентябрь 1951 года... Я написал около 23-24 анонимных писем. Свои анонимные письма адресовал советским писателям: Максиму Рыльскому, Николаю Тихонову, Борису Полевому, Павло Тичине Воронько, Самуилу Маршаку. Других сейчас не помню. Письма были неодинакового содержания, так как я обычно увязывал это с тем или иным произведением того или иного писателя... Я обращался с просьбой, как к людям, близко стоящим к правительственным кругам, с тем, чтобы они поднимали вопрос о полной или частичной амнистии, об улучшении положения заключенных в лагерях и это самое чтобы уменьшило антисоветскую пропаганду за границей”.

Да, следствие определяет написание таких писем как антисоветскую агитацию, но следствию этого мало: оно обвиняет Паламарчука и 9 других обвиняемых в создании подпольной повстанческой организации, во главе которой стоит И.Г.Паламарчук.

Но арестованные отрицают это, и следствие никак не может доказать существование подпольной повстанческой организации на основании тех материалов, которые попали к следователям.

Что же это за материалы? Это листовки, написанные от руки или изготовленные с использованием резиновых штампов. Это анонимные письма, разосланные в разные адреса по Советскому Союзу: все они или почти все, остались в пределах лагеря, в пределах следственного дела.

Все это не тянуло на столь суровый приговор, который был вынесен. Но было то, что следствию не удалось отыскать.

Паламарчук вел дневники в лагере, писал стихи. Он смог переслать из лагеря на Украину три посылки с этими записями. Следственные материалы не гордятся успехом находки этих записей Паламарчука, хотя допросы были проведены и на Украине. Допрашиваемые не отрицали получения посылок, но содержание этих посылок определялось только продуктами, но не письмами и блокнотами.

Значит, где-то ждут своего часа стихи этого человека?

Четвертая посылка ушла в Прибалтику. В ней, помимо продуктов, находились записки другого каторжанина, проходившего по этому делу и расстрелянного в тот же день декабря 52-го года:

Звейниекс Артур Янович, 1912 г.р., латыш, грамотный, женат, осужден в 1946 году на 15 лет каторги...

Как на допросе показал сам Звейниекс, они познакомились с Паламарчуком в 1948 году: “Я писал антисоветского содержания “Записки каторжанина”, писал также рассказы, стихи...”

Общность взглядов... Звейникс отправил посылку в Ригу сестре жены. В следственном подшит протокол допроса рижан, которые подтверждают получение продуктовой посылки, но отрицают присутствие в посылке каких-либо рукописей... Значит, творческое наследие этого латыша тоже где-то ждет своих исследователей...

16 октября 1952 г. Военный Трибунал Беломорского Военного округа вынес приговор по “делу Паламарчука”: “по совокупности совершенных преступлений, в силу ст.49 УК РСФСР, окончательное наказание определить по ст.58-8, 58-2 – расстрел без конфискации имущества за отсутствием его у осужденных”.

К расстрелу приговорены 5 человек, один из которых, Ф.Бережняк, будет помилован, вместо расстрела ему добавят лагерный срок.

Приговоренные обратились с ходатайством о помиловании в Верховный Суд СССР. Потянулось ожидание...

15 декабря 1952 г. подписан документ из Военного Трибунала Беломорского военного округа в МГБ Коми АССР:

“Приведите в исполнение приговор ВТ Беломорского ВО от 16 октября 1952 года в отношении осужденных по ст.ст.19-58-8, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания расстрелу:

1. Паламарчука Ивана Григорьевича, урож. с. Черное, Черненского района Одесской области.
2. Мартынца Эдмунда Владиславовича, 1922 г.р., урож. г. Львова.
3. Звейникса Артура Яновича, 1912 г.р, урож. х.Путныни, Илукского уезда, Латв. ССР.
4. Лисового Константина Ивановича, 1923 г.р., урож. г.Одессы.

Приговор в отношении ... утвержден Верховным Судом СССР, а их ходатайства о помиловании Президиумом Верховного Совета СССР отклонено.

Осужденные ... содержатся под стражей в следственном изоляторе Речлага МВД СССР г.Воркуты.

О приведении приговора в исполнение прошу сообщить...”

9 января 1953 г. в “дело Паламарчука” направлено письмо, подводящее итог следствия и суда над этой “повстанческой организацией”:

“... Сообщаем, что приговор ... в отношении вышеперечисленных лиц приведен в исполнение 22 декабря 1952 года в г. Вологде...”

Так были прерваны четыре жизни, две из которых унесли с собой тайны своего творчества, ибо их поэтические строки пока не обнаружены.

Хочется верить, что вернутся к потомкам дневники и стихи Ивана Паламарчука и Артура Звейникса, расскажут о том, как жили эти люди и их товарищи по лагерю в то время, когда создание стихов приравнялось к попытке организации восстания против Власти.

...На словах-то вы все хорошие,
Творцы усталости, страдания и тьмы.
Вы покупаете радость за деньги
И торгуете подло людьми.

Кричите, что у вас лишь свобода,
А взгляните на себя с высоты:
Везде страдания, всюду слезы и неволя,
Везде в колючей проволоке лагеря...
(Русская версия стиха – И.Васкул)

Эти строчки из стихотворения И.Г.Паламарчука, сохраненного
памятью другого поэта – Владимира Косовского, друга и сокамерника
расстрелянного поэта.

И пока только пять стихотворений Паламарчука живет с нами.

Но Время должно отдать нам дневники и стихи двух узников Речлага,
расстрелянных в 1952 году.

Надежда должна быть...

А.П. Евстюничев
ПАРАД

Былое зло оправдывать не надо
Нельзя забыть, нельзя простить утрат.
“Отец” народов обожал парады,
Пусть примет он еще один парад.
Пусть перед ним пройдут большевики,
Наркомы и латышские стрелки,
Ученые, поэты, генералы,
Которых по его вине не стало.
Пусть прошумят метели перед ним,
Колымских гор и Соловецких зим.
С годами боль становится острее
Пусть кормчий наш — народов всех гроза,
топча ногами мрамор мавзолея,
Заглянет снова Кирову в глаза.
Пусть слез мирских увидит океан,
Увидит обездоленных крестьян.
Народу пусть в глаза посмотрит снова.
Которого лишил земли и крова.
Пусть прошумят метели перед ним,
Норильских рудников и Воркутинских зим.
Он увенчал себя победой, славой,
Внушая тем кто побывал в аду,
Что только с ним Советская держава
Смогла разбить фашистскую орду.
Пусть перед ним пройдут фронтовики,
Пред танками обнажив клинки.
Пройдут кто был в плену и окруженьи,
Кто не знал пощады и прощенья
Пусть прошумят метели перед ним
колымских холодов и красноярских зим.
Пусть встанут перед ним с проклятием, в слезах
Женщины и дети, замерзшие в лесах.
Пройдут рядами «батальоны»
В лагерях погибших миллионы.
Пусть вождь уставит взор на них
С усмешкой злой в усах своих.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сануков К.Н. Репрессии 1930-х годов в отношении крестьян и использование их труда в ГУЛАГе	5
Коротаев В.И. Проблема освоения репрессированными европейского Севера	9
Ханталин Р.А. Роль репрессированных в развитии производительных сил Поморья (1930-1954 гг.)	17
Мусаев В.И. Спецпереселенцы и хозяйственное освоение Кольского полуострова (1930-е гг.)	28
Мазур Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения в 1930–1950-е гг. (по материалам Урала и Северного края)	34
Саблин В.А. Дважды репрессированные (К проблеме выселения бывших помещиков и использования их имений в 1920-е гг.)	43
Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной структуры крестьянства в 1920–1930-е гг. XX в. в научной литературе (на примере интерпретации социальной группы “кулак”)	57
Якоб В.В. Власть и крестьянство в 1920-е гг.: региональный аспект (на примере Коми автономной области)	72
Милохин Д.В. Аграрная политика советского государства в 1953-1958 годах (Коми региональный аспект)	82
Игнатова Н.М. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР	92
Козлова Д.Т. Спецпоселки Княжпогостского района Коми АССР	101
Бердинских В.А. Российские немцы в Вятлагге	107
Рогачев М.Б. Поляки-спецпоселенцы в Коми АССР: 1940-1944 гг.	116
Макуров В.Г. Роль ГУЛАГа в индустриальном развитии Карелии. 1920 –1930-е гг.	128
Максимова Л.А. Репрессированное население и развитие промышленности	136
Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Численность и расселение жителей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	147
Турубанов А.Н. О методах привлечения рабочей силы на индустриальное производство Коми в 1920–1980-е гг. XX в.	154

Уварова Н.А., Максимова Л.А. Лагерный метод освоения северных территорий. Проблема эффективности	162
Жеребцова И.И. Яков Мороз во главе хозяйственной деятельности Ухтпечлага	164
Светопольская В.О. Материальное положение и жилищно-бытовые условия заключенных ИТЛ Коми АССР (1946–1955 гг.)	171
Гуляев О.Г. Самоубийства как особая форма пассивного сопротивления заключенных в лагерях ГУЛАГа	174
Кораблев Н.А., Макуров В.Г. Освещение репрессий в обобщающих трудах по истории Карелии	177
Сурков Н.И. Политические ссыльные – уроженцы Орловской губернии в Коми крае (II половина XIX – начало XX в.)	181
Попов А.А. Иван Паламарчук: поэт и каторжанин	184
Евстюничев А.П. Парад	189

ВКЛАД РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ И ПРИУРАЛЬЯ

Материалы регионального научного симпозиума
(Сыктывкар, 19 октября 2001 г.)

Научное издание

Рекомендовано к изданию
Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и
истории Коми НЦ УрО Российской академии наук
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 12,0. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-сервис»

ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36